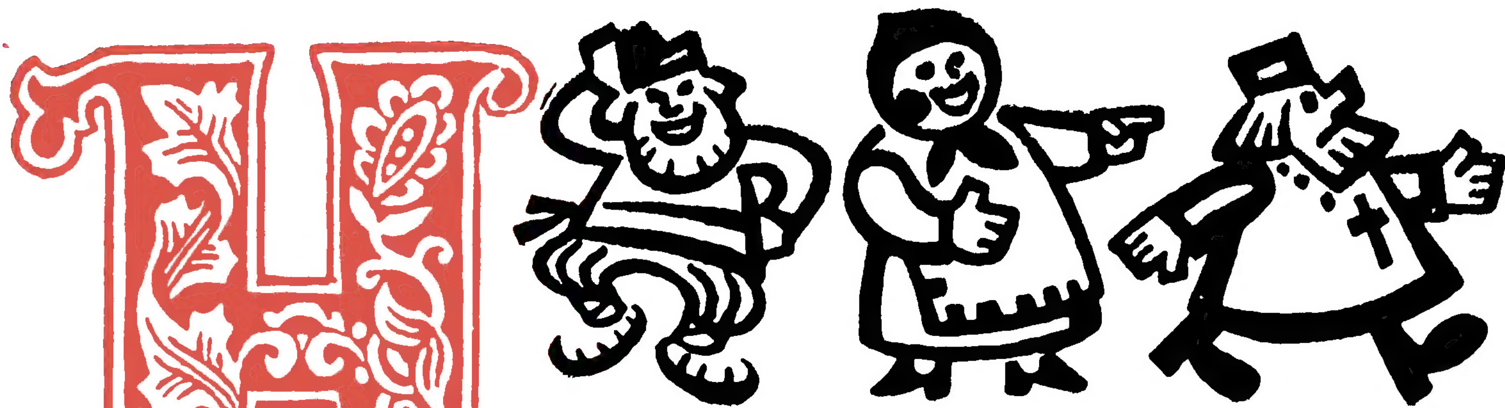

Народ о религии

Народ о религии

На материалах русского, украинского и белорусского фольклора

Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1961

2
Н30

СОСТАВИТЕЛЬ КНИГИ,
АВТОР ПОСЛЕСЛОВИЯ И РЕДАКТОР ПЕРЕВОДОВ
С. И. ВАСИЛЕНОК

Часто при беседах с верующими агитаторам приходится слышать: «Наши деды и прадеды верили в бога, и мы будем. Так-то оно спокойнее». Верно ли это, был ли народ действительно испокон веков проникнут религиозностью?

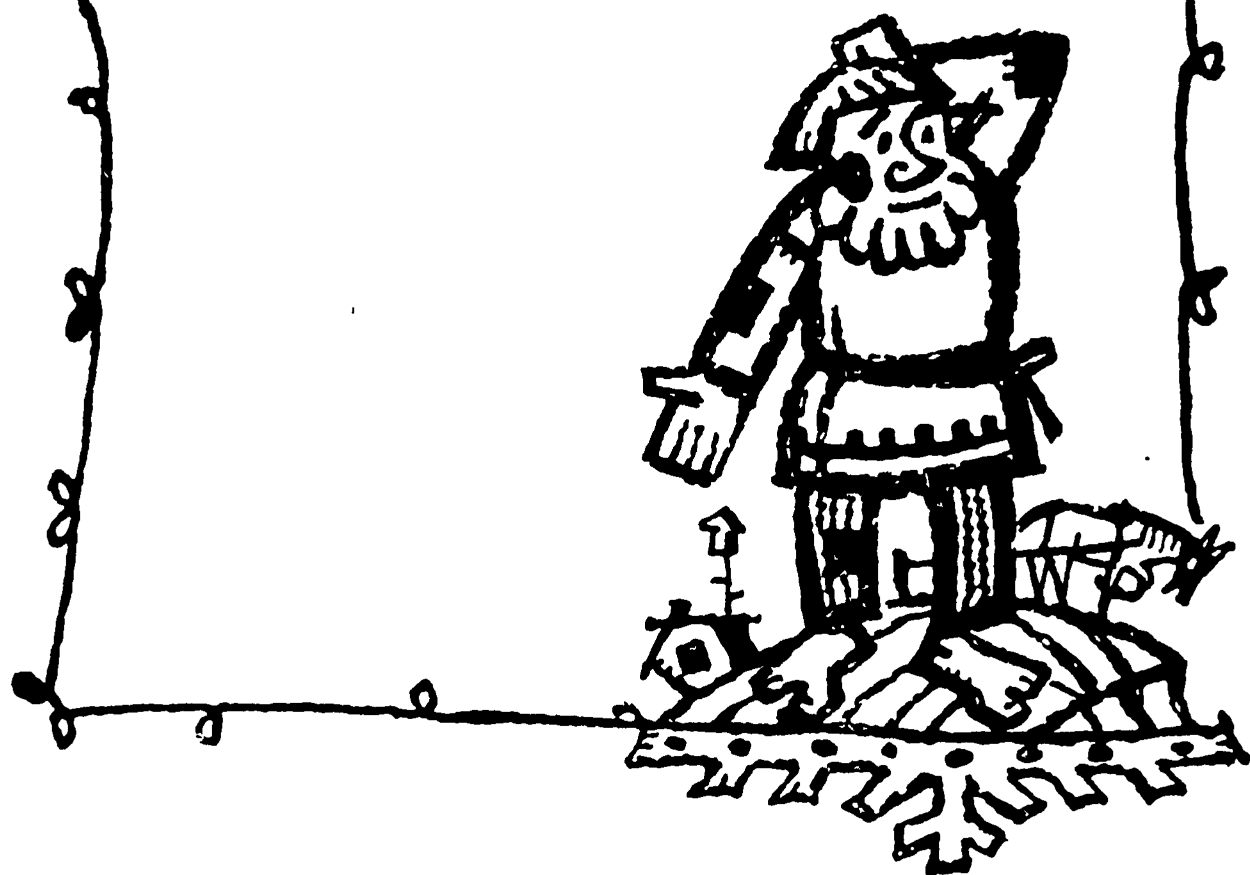
Ответ на этот вопрос лучше всего получить от самого народа, познакомившись с его устным творчеством. Фольклор, устное творчество масс,— это то, что отшлифовано, сохранено и пронесено ими через века, что глубоко отражает их мировоззрение, думы, чаяния.

Издаваемая книга содержит антирелигиозный фольклор трех братских народов (русского, украинского, белорусского). Многочисленные сказки, пословицы, поговорки, частушки свидетельствуют о силе и глубине антиклерикального и антирелигиозного устного творчества народа, и прежде всего его передовых слоев. Все произведения сгруппированы в книге по разделам («Бог и святые», «Черт и нечистые силы», «Рай и ад», «Церковь и богослужение», «Попы и монахи» и др.), которые четко выявляют социальную направленность антирелигиозного фольклора и подлинное отношение народа к религии и церкви. Лекторы, агитаторы, пропагандисты с успехом смогут использовать в беседах с верующими созданные гением народа яркие обличения жадных попов и монахов, мстительных святых, бестолкового господа бога и меткие и остроумные пословицы и поговорки.

Книга будет интересна самому широкому кругу читателей.

Отзывы и пожелания просим присылать по адресу: Москва, А-47, Миусская площадь, 7, Госполитиздат, редакция научно-атеистической литературы.

Бог и святые

Сказки и остроты

Русские

1. СУД СВЯТЫХ

С нетерпением ждали крестьяне весеннего Николу. Зимний запасный корм весь вышел. Скот голодал. Ожидали, по примеру прежних лет, выгнать скот на подножный корм в день весеннего Николы. Но обманулись: травы не вышло.

Думали-подумали мужички и решили, что виноват во всем Никола и что следует на него подать прошение богу.

Подали.

Получил это прошение бог, позвал для объяснения Николу.

— Почему ты не выгнал травы крестьянам? — спросил он Николу.

— Я тут ни при чем,— ответил Никола,— вина в этом Егория: если бы он дал дождь, я бы выгнал траву, а без дождя это невозможно.

Сейчас же был позван Егорий. Он явился. Бог сказал:

— Мужички жалуются на Николу, что он не выгнал травы, а оказывается, виноват в этом ты, а не он. Почему ты не дал дождя в свое время?

— Причина тут не во мне. Все делается по порядку. Засори Дарья прорубь в свое время, был бы и дождь в свое время.

Позвали на допрос Дарью. Дарья не признала своей вины.

— Моей вины тут нету. Все дело в Алексее. Он не дал с гор потока в свое время. Как же я могла засорить проруби?

Позвали на суд Алексея.

— Почему ты не дал потока с гор в свое время? — спросил бог Алексея.

— Я в том не виноват,— ответил Алексей,— запоздал в своем деле Василий. Он не дал в свое время капели, а без капели потока не сделать.

Василий тоже не признал себя виновным:

— Капель от тепла, а где было его взять, если Авдотья не плющила. Виновата Авдотья.

Нашли Авдотью; привлекли ее к ответу по иску мужиков. А та отвечала:

— У меня не одно дело, что только плющить. На моих руках кросна[1] и тканье. Если бы было на руках одно дело, я не запоздала бы и плющить в свое время. А тут как раз пришлось ставить кросна в Пудоже.

Виновных, таким образом, не находилось, и было на суде у бога постановлено: оставить прошение без последствий.

2. ИЛЬЯ-ПРОРОК И НИКОЛА

Давно было; жил-был мужик. Николин день завсегда почитал, а в Ильин нет-нет да и работать станет; Николе-угоднику и молебен отслужит, и свечку поставит, а про Илью-пророка и думать забыл.

Вот раз как-то идет Илья-пророк с Николою полем этого самого мужика; идут они и смотрят: на ниве зеленя стоят такие славные, что душа не нарадуется. «Вот будет урожай так урожай! — говорит Никола.— Да и мужик-то, право, хороший, добрый, набожный; бога помнит и святых знает! К рукам добро достанется...» «А вот посмотрим,— отвечал Илья,— еще много ли достанется! Как спалю я молнией, как выбью градом все поле, так будет мужик твой правду знать да Ильин день почитать». Поспорили-поспорили и разошлись в разные стороны. Никола-угодник сейчас к му-

[1] Кросна — крестьянский ткацкий станок.

жику. «Продай,— говорит,— поскорее ильинскому батьке весь свой хлеб на корню; не то ничего не останется, все градом повыбьет». Бросился мужик к попу: «Не купишь ли, батюшка, хлеба на корню? Все поле продам; такая нужда в деньгах приключилась, что вынь да положь! Купи, отец, задешево отдам». Торговались-торговались и сторговались. Мужик забрал деньги и пошел домой.

Прошло ни много, ни мало времени; собралась, понадвинулась грозная туча, страшным ливнем и градом разразилась над нивою мужика, весь хлеб как ножом срезала — не оставила ни единой былинки. На другой день идет мимо Илья-пророк с Николою, и говорит Илья: «Посмотри, каково разорил я мужиково поле!» — «Мужиково? Нет, брат! Разорил ты хорошо, только это поле ильинского попа, а не мужиково».— «Как попа?» — «Да так, мужик с неделю будет как продал его ильинскому батьке и деньги все сполна получил. То-то, чай, поп по деньгам плачет!» «Постой же,— сказал Илья-пророк,— я опять поправлю ниву, будет она вдвое лучше прежнего». Поговорили и пошли всяк своей дорогой. Никола-угодник опять к мужику. «Ступай,— говорит,— к попу, выкупи поле — в убытке не будешь». Пошел мужик к попу, кланяется и говорит: «Вижу, батюшка, послал господь бог несчастие на тебя — все поле градом выбито, хоть шаром покати! Так уж и быть, давай пополам грех: я беру назад свое поле, а тебе на бедность вот половина твоих денег». Поп обрадовался, и тотчас они по рукам ударили.

Меж тем — откуда что взялось — стало мужиково поле поправляться, от старых корней пошли новые свежие побеги. Дождевые тучи то и дело носятся над нивою и поят землю; чудный уродился хлеб — высокий да частый; сорной травы совсем не видать; а колос налился полный-полный, так и гнется к земле. Пригрело солнышко, и созрела рожь — словно золотая стоит в поле. Много нажал мужик снопов, много наклал копен; уж собрался возить да в скирды складывать. На ту пору идет опять мимо Илья-пророк с Николою. Весело оглянул он все поле и говорит: «Посмотри, Никола, какая благодать! Вот так наградил я попа, по век свой не забудет!..» — «Попа?! Нет, брат! Благодать-то велика, да ведь поле это — мужиково: поп тут ни при

чем остается».— «Что ты!» — «Право слово! Как выбило градом всю ниву, мужик пошел к ильинскому батьке и выкупил ее назад за половинную цену». «Постой-ка! — сказал Илья-пророк.— Я отниму у хлеба всю спорынью; сколько бы ни наклал мужик снопов, больше четверика за раз не вымолотит».— «Плохо дело!» — думает Никола-угодник. Сейчас отправился к мужику. «Смотри,— говорит,— как станешь хлеб молотить, больше одного снопа за раз не клади на ток».

Стал мужик молотить: что ни сноп, то и четверик зерна. Все закрома, все клети набил рожью, а все еще остается много; поставил он новые амбары и насыпал полнехоньки. Вот идет как-то Илья-пророк с Николою мимо его двора, посмотрел туда-сюда и говорит: «Ишь какие амбары вывел! Что-то насыпать в них станет?» «Они уж полнехоньки»,— отвечает Никола-угодник. «Да откуда же взял мужик столько хлеба?» — «Эва! У него всякий сноп дал по четверику зерна: как зачал молотить, он все по одному снопу клал на ток».— «Э брат Никола,— догадался Илья-пророк,— это ты все мужику пересказываешь».— «Ну вот выдумал, стану я пересказывать...» — «Как там хочешь, а уж это твое дело. Ну, будет же меня мужик помнить!» — «Что ж ты ему сделаешь?» — «А что сделаю, того тебе не скажу».— «Вот когда беда, так беда подходит!» — думает Никола-угодник и опять к мужику. «Купи,— говорит,— две свечки, большую да малую, и сделай то-то и то-то».

Вот на другой день идут вместе Илья-пророк и Никола-угодник в виде странников, и попадается им навстречу мужик: несет две восковые свечи — одну большую, рублевую, и другую копеечную. «Куда, мужичок, путь держишь?» — спрашивает его Никола-угодник. «Да вот иду свечку рублевую поставить Илье-пророку: уж такой был милостивый ко мне. Градом поле выбило, так он, батюшка, постарался да вдвое лучше прежнего дал урожай».— «А копеечная-то свеча на что?» — «Ну, это Николе!» — сказал мужик и пошел дальше. «Вот ты, Илья, говоришь, что я все мужику пересказываю; чай, теперь сам видишь, какая это правда!»

На том дело и покончилось...

3. КАК ЕГОРИЙ КО ХРИСТУ ХОДИЛ

Егорий едет ко Христу. Мужик и говорит ему:

— Спроси ты обо мне у Христа, чем мне житье наживать. Да дай мне свое стремя, так вспомнишь скорее.

Вот он поехал ко Христу; все переговорил, что надо. Глядь, а стремени-то и нет. Вспомнил, что мужичок заказывал спросить.

Приехал Егорий, мужик и спрашивает:

— Что господь сказал?

— А вот что он сказал тебе: «У кого что возьмешь, назад не отдавай».

Егорий и говорит:

— Стремя-то ты мне отдай.

А мужик и говорит:

— А когда я у тебя брал? Не брал!

Егорий так без стремени и уехал. Мужик идет со стременем. Господин богатый идет к нему навстречу и спрашивает:

— Мужичок, ты не сам работаешь стремя-то?

— Сам работаю.

— Сделай, брат, мне,— говорит.

— Можно сделать. Только надо,— говорит,— материалу взять на двести рублей.

Тот двести рублей ему и подал на материал.

Вот господин увидел этого мужика через неделю.

— Что,— говорит,— сработал стремена-то?

— Не готово еще, господин. Надо еще сто рублей денег.

Вот он опять его через неделю увидел.

— Что,— говорит,— сделал стремя?

— Да какие,— говорит,— от меня стремена?

— Да я тебя в суд! Забрал деньги, да не сделал!

— Да кто поверит, что в этакой одеже мне могли дать такие деньги? Кабы,— говорит,— одежа у меня была хорошая.

Тот и говорит:

— Так возьми у меня одежу. Давай мне чуйку да тулуп, садись со мной в тройку, поедем на суд.

Поехали они на суд. Барин ушел вперед в суд, а мужик наказал кучеру и запятнику:

— Вы скажите, что все мое и кони мои. Я вас выпущу на волю.

— Можем,— говорят.

Мужичок и приходит в суд. Вот его и спрашивают:

— Брал ли у него денег на стремена?

— Нет,— говорит,— я не брал. Он, пожалуй, может сказать, что я и одежду у него взял!

— Да, что ты, подлец! Одежда ведь моя.

— Пожалуй, он может сказать, что и кони, да и кучер его. Вот,— говорит,— спросите у них.

— Да, что ты, подлец, ведь все мое! Спросите у них.

Судьи вышли, спросили:

— Чьи вы? — говорят.

— Мы,— говорят,— мужиковы.

Судьи говорят:

— Видно, ты с ума сошел.

Взяли барина — в шею из суда выгнали.

Мужичок кучера и запятника отпустил на волю, а сам на троечке домой приехал и стал жить-поживать.

4. ПОП И РАБОТНИК

Жил-был поп с попадьей, ребят у них не было. Вместо работника жил у них Иванушка-дурачок. Поп с попадьей сами ели сладко да жирно, а Иванушке только и еды было что хлеб да чай. Вот раз они пили чай со сметаной; давай Иван у попадьи сметаны себе просить. Ну, где тут!

— Что ты, где же сметаны взять, так и масла у нас не будет!

— Ладно,— думает Иван,— удружу я вам.

Вот он подсмотрел, куда попадья крынки на снимок ставит. А она коров подоит, так и тащит молоко в церковь. Потом поп церковь запрет и ключи на спичку повесит.

Легли спать; слышит Иван, что храпят поп с попадьей; встал, ключи взял, пошел в церковь — хлеба захватил. Пришел и давай сметану с крынок смахивать куском да есть. До отвала наелся, все крынки открыты оставил, а Николаю-чудотворцу да Илье взял

да рты сметаной намазал. Церковь замкнул, ключи повесил и спит себе. Утром поп говорит:

— Иван, вставай! Ты чо спишь? По воду поезжай, самовар надо ставить.

— Ну, батько, обедню надо натощак служить.

Ушел поп без чая. Приходит, открывает дверь, глядит — крынки все раскрыты, а Николай и Илья в сметане оба. Вот поп за попадьей.

— Иди скорее, посмотри, чо Николай с Ильей сблудили — всю сметану съели! Надо поскорее прибрать все, а то скоро народ к обедне придет.

Ну, поживее все вытерли, крынки унесли — ладно. Обедню отслужил, потом говорит Ивану:

— Поезжай в лес, привези розги получше.

Привез Иван розги, пошел поп с Иваном в церковь и вздул Николая и Илью, повернул их лицом к стене и ушел.

Вот Иван ночью под праздник пошел в церковь, взял все иконы, какие были по силам, унес их и поставил на гумно. Утром поп в воскресенье идет заутреню служить, входит в церковь — батюшки мои. Нет икон! Он скорее домой.

— Ой, мать, ничо ты не знаешь — Никола с Ильей ушли и всех других с собой увели! Где искать?

Послали Ивана искать. Вот он искал, искал, приходит домой и говорит:

— Нашел — они на соседском гумне. Только Никола без денег не хочет идти обратно. Сто рублей требует.

Ой, поп скорее дает ему сто рублей: «Скорее веди их!» Принес Иван поочередно иконы, кое-как расставил, и давай поп служить заутреню. После того Ивану сметану давать стали: «Ешь — только молчи». А Иван опять думает: «Я те ешшо, долгогривый, подведу».

Вот поп посылает его за сеном, а он говорит:

— Не знаю, где ваше сено.

Пришлось попу самому поехать с работником по сено. Приехали, а поп такой хозяин — свое сено не узнал. Не то это, не то другое. Ездили, ездили, докружили до ночи, а работник хорошо знает, что это сено ихнее. Он подъехал к стогу и говорит:

— Батька, давай погреемся у сена, все теплее будет.

Поп говорит:

— Как нас тут хозяева найдут да отлупят, скажут, что воровать чужое сено приехали.

— Ну, дак ты лезь в мешок, я тебя завяжу да под сено положу, никто не увидит.

Поп залез в мешок, Иван подтолкнул его под стог, а сам маленько отъехал в сторонку, а потом рысью к стогу, потом кричать зачал:

— Вы что тут делаете у чужого сена? Таки-сяки!

Поп трясется лежит. Иван как его выдернет да давай лупить, а поп только повздыхает, а не кричит, чтоб не узнали, что поп. Лупил, лупил как сидорову козу, бросил да отъехал в сторону. Потом подходит да тихонько спрашивает:

— Батя, ты жив?

Поп говорит:

— Живой, развяжи скорее.

Развязал Иван попа, вылез поп из мешка да и говорит:

— Ой Иван, как меня били-то!! А ты как?

— А я спрятался, они меня не видели.

Поехали домой. Весь день ничего не ели, решили заночевать. Заезжают к крестьянам. Иван — впереди попа в избу и говорит хозяйке:

— Вы батюшку только раз пригласите за стол садиться, а то он обидится.

Зашел и поп в избу, поздоровался, садятся на лавки. Хозяйка наладила ужин и говорит:

— Ну, садитесь, батюшка, присаживайтесь! Паренек, садись!

Иван сел, а поп говорит:

— Благодарю, что-то не хочется.

Ну, второго приглашения ему не стали делать. Иван сидел, за обе щеки уплетал все, что было поставлено: и суп, и котлеты, и чай с шаньгами. У попа от голода под ложечкой сосет, а сесть за стол, как отказался, не мог. Так и просидел в стороне голодный. Ну, поужинали, со стола прибрали и спать легли. Как все захрапели, поп потихоньку встал, пошел искать остатки от ужина — что нашел, все съел; наконец, горшок с кашей попал, он каши поел, потом хотел было его на место поставить, а руки-то вытянуть не может. Бился, бился, давай работника будить.

— Иван, поедем домой, запрягай скорее!

Сам не знает, что с горшком делать, пошел во двор да хрястнул об угол, и горшок напополам. Скорее на телегу — да ехать: «Нахлестывай, Иван!»

Вернулся домой без сена и голодный.

5. ДЬЯКОН И ПОНОМАРЬ

Жила в одном селе вдова. Осталось у нее после мужа хозяйство и денег довольно.

Вот один дьяк и давай к ней подбираться. Украл из церкви ризы, нарядился Николаем-угодником да и пришел к ней. Голос изменил и говорит:

— Вот, дочь моя, ты сподобилась меня видеть.

Та, известно, ему в ноги. А он и начал про суету мирскую ей вычитывать. Только не удалось ему сразу денежки выманить.

— Приду,— говорит,— я еще к тебе, в такое и такое время.

Только пришло то время, вдова уж ладаном накурила в хате, как в церкви: поджидает Николая-угодника.

А в том селе был пономарь. Видно, не дурак был: проведал, как дьяк хочет обморочить.

— Подожди ж,— думает,— я тебя проучу!

Только что тот Николай пришел в хату к вдове, он сейчас же нарядился: бороду из льна прицепил, взял ключ с пол-аршина, что кладовые запирают (Петром нарядился), да и пошел к Николаю-угоднику.

— Ты,— спрашивает,— кто такой?

— Я — Миколай, угодник божий.

— Как же ты сюда зашел, если я, уходя, рай запер?

— Я,— говорит,— через перелаз перелез.

Он тогда того угодника за волосы да ключом его.

— Так вы все будете через перелаз перелезать, а мне за вас перед богом отвечать?

Украинские

1. ПРО СОТВОРЕНИЕ МИРА

На одних поминках выпивали богатые люди, и поп с ними.

А мой батька пришел по какому-то делу к попу и стал у двери — к столу его не приглашали.

Зашел разговор про смерть.

Один кулак и говорит:

— Зачем бог так сделал, что богатые люди умирают? Пусть бедный умирает: все одно ему жить не с чего, а у меня и питья и еды вдоволь — а тут смерть. Разве это справедливо?

— Земля есть, в землю отыйдешь,— говорит поп.

— А почему ж земля?

— Да как будто ты не знаешь, что человек из земли, из глины.

Однажды скучно стало богу одному, вот он и слепил из глины Адама по своему подобию. Слепил, прислонил к плоту, дыхнул на него, он и ожил.

— Да кто же тот плот сделал, если людей не было? — говорит мой батька.

2. МСТИТЕЛЬНЫЙ БОГ

Ходил бог по свету с Петром и Павлом. Однажды Павел и говорит богу:

— Боже милостивый, зачем ты так делаешь?

— Как? — спрашивает бог.

— А как один человек согрешит, так ты из-за него тысячу на муку отправляешь.

Но видят: летит рой пчел, и все сели Павлу на плечи, а одна пчела как ужалила его.

Павел рассердился и стряхнул всех пчел в воду.

Бог и спрашивает:

— А почему ты из-за одной пчелы утопил три тысячи?

— Потому, что она укусила меня.

— Вот и я так делаю: когда меня один укусит — я со злости тысячу гублю.

3. КАК ПЕТРО ОСЛА ПРОДАВАЛ

Был у святого Петра осел, да такой ленивый, что даже поверить трудно. Ты его накормишь, ты его напоишь, а он — ни шагу.

Вот вывел его Петро на ярмарку. Кто ни подойдет, спрашивает:

— Хороший осел?

Петро всю правду рассказывает об осле.

Люди и отходят прочь от осла.

Водил, водил Петро осла по ярмарке да и давай бога просить:

— Посоветуй, что мне с ослом делать?

Бог ему и говорит:

— А ты так сделай: когда спросят, хороший ли осел, ты расхвали его да еще хорошенько побожись.

Петро так и сделал. Снова вывел осла, стал хвалить, начал божиться — и продал его.

4. ПРО БОГА И СВЯТОГО ИОСИФА

Так вот, значит, когда родился Христос, святому Иосифу досадно стало. Все ж таки жена его, а ребенок от святого духа! И начал он тогда к бутылке прикладываться. Пьет и пьет, пьет и пьет.

Вот бог ему и говорит:

— Хватит тебе, Иосиф, пить! Ты же таки святой!

А Иосиф молчит и пьет. Вот и второй раз появляется бог:

— Хватит тебе, одумайся, Иосиф! Довольно пить!

А тот насупился и пьет.

Бог ушел, а он опять за чарку.

Вот и третий раз приходит бог:

— Да брось же, говорю тебе, водку! Что ты думаешь?

А Иосиф как рассердился.

— Молчи,— говорит,— боже, а не то как хрякну своего байстрюка по голове, так к чертовой матери вся ваша троица полетит!

5. ХРИСТОВЫ ЧУДЕСА

Однажды Христос с апостолами отправился в путешествие по Галилее. Он хотел показать апостолам свою божескую силу да привлечь к себе новых учеников.

Попалась им по дороге смоковница. Но когда не нашли на ней плодов, Христос проклял ее, чтобы она засохла.

— Не проклинай ее, сын божий,— стал просить апостол Петр.— Ежели доведется нам еще когда-нибудь попасть в это место, может быть, тогда на ней и плоды появятся.

— Ну, так и быть, помилую ее,— отозвался торжественно Христос,— но в другой раз спущу на нее огонь с неба.

И спасенная смоковница зашелестела темно-зелеными листьями, как и раньше.

Недалеко от смоковницы было большое озеро, а над ним дубовый лесок, в котором паслось стадо свиней.

Проходя возле сонных свинок, Христос выскочил из-за дуба, напугал их и загнал в пруд, где они и потонули. Апостол Петр не успел в этот раз ничего сказать в защиту свинок: он сам поспешно удирал от рассвирепевших свинарей.

Когда они, перепуганные и побитые камнями, спрятались наконец в иерусалимскую святыню, Христос задумал и тут показать свою чудесную силу. Он скрутил из постромков арапник и начал бить им кого попало, опрокидывая подсвечники и жертвенные столы.

— Христос, что ты творишь? — пытался вразумить Петр учителя, бушевавшего в церкви.— Ты же страш-

ный, как разбойник. Великое будет чудо, если ты не повиснешь на виселице.

Христос замахнулся арапником на Петра и спросил сердито:

— Говори: ты веришь в мое божественное происхождение или нет?

Апостол взглянул на грубый арапник и поспешно промолвил:

— Да верю, верю, что ты сын бога — что же я могу сделать?

6. КАК СВЯТЫЕ СМЕТАНУ ЕЛИ

У одного попа был батрак Иван. Попы, известно, батраков плохо кормили. Хлеб всегда давали черствый.

Как-то вечером один богач привез попу ребенка крестить. Иван и подсмотрел, куда служанка положила хлеб, привезенный богачом.

Вечером Иван взял буханку хлеба и отнес в свою конуру. Да и думает: «Что я за дурак, пустой хлеб ем? Стой! Сбегаю-ка в погреб за сметаной».

Служанка захлопоталась в доме, а Иван — за хлеб и в подвал. Сел возле сметаны и ест. Наелся и ушел.

Да только в темноте накапал он на землю сметаной. Утром попадья открывает погреб, смотрит: кто-то сметану ел. Она и пожаловалась попу:

— Иван-то у нас шкодит...

Поп вызывает Ивана:

— Иван! Ты что ж это шкодить начинаешь?

— Никогда, батюшка, не шкодил, так зачем бы теперь стал шкодить?

Поп и говорит:

— Что ж там, в погребе, святые были?

— А кто его знает,— говорит Иван,— может, и святые.

На другой день Иван такое же сотворил. Только взял сначала церковный ключ и горшок со сметаной и пошел в церковь. Приходит, открывает церковь и начинает святых на стенах сметаной мазать. Всех по одному разу помазал, а Николаю-угоднику, как он

самый старший, вымазал и бороду. Запер церковь и ушел.

Утром попадья спустилась в погреб, а там горшка со сметаной и вовсе нет. Она к попу:

— Иван опять крадет, унес даже и горшок.

Вызывает поп Ивана:

— Иван, это ты натворил?

Иван говорит:

— Нет.

Поп опять:

— Как же нет, что ж там — святые были?

Иван в ответ:

— Ну, конечно, святые!

А попу как раз надо было к заутрене идти. Сторож, как всегда, зазвонил на колокольне. Поп заходит в церковь, глядит: все святые в сметане.

Закрывает поп церковь и говорит сторожу:

— Не звони, не до того.

Прибежал домой и говорит попадье:

— Плохо дело! Святые сметану поели.

И вот поп с попадьей и Иваном идут в церковь.

Попадья говорит:

— Стой, Иван, бери кнут!

Берет Иван кнут, подходят они к церкви, поп открывает двери. Зашли. Попадья и говорит:

— Бей всех святых по одному разу, а Николая-угодника два, это он их подбил.

Иван стегает всех святых по разу, а Николаю-угоднику три раза всыпал.

Пошли домой.

На другую ночь Иван взял ключи от церкви, открыл ее осторожно, всех святых поснимал и запрятал на чердак. Утром просыпается поп. В этот день был праздник. Заходит он в церковь: ни одного святого нету, все куда-то подевались. Поп испугался.

— Что ж это такое, святые из церкви ушли?

Прибегает домой, кричит:

— Иван, ты не видел?

— Что? — говорит Иван.

— Ведь святые-то ушли из церкви.

— Видел,— говорит Иван,— они зашли во двор, хотели вас повидать, да вы спали, так они не стали будить, обиделись и ушли.

Поп скорей на улицу, видит: женщина идет по воду.

— Слушай, ты не видела?

— Видела! Вот за горку пошли,— говорит женщина. А за горку пошли крестьяне землю делить, так женщина и подумала, что поп про них спрашивает.

Поп вскочил во двор и кричит:

— Иван, скачи верхом, скорее догоняй святых; что захотят — дам, лишь бы вернулись!

Иван садится на коня и едет за бугор, смотрит: крестьяне собрались землю делить. Посидел с ними Иван, покурил и едет назад.

— Ну что? — спрашивает поп.

— Да они, батюшка, обижаются. Велели так передать: «Не воротимся, пока поп нам не заплатит за каждого по три рубля, а за Николая-угодника шесть рублей, да еще и четверть водки и горшок вареников со сметаной». Сказали, что вернутся ночью, чтоб никто не видел, а то им будет совестно.

Поп и говорит:

— Ладно! Поезжай скорей и скажи, что все будет сделано, пусть только возвращаются.

Иван поехал за бугор, потолковал с крестьянами, воротился и говорит:

— Сказали, вернемся, только ночью. Пусть готовит водку и закуску среди двора.

Поп все сделал, как обещал. Подготовил и деньги. Попадья поставила горшок вареников.

Ждут-пождут, уже полночь, а святых нет и нет.

— Иван, я пойду посплю, а ты меня разбудишь, когда они придут.

И поп захрапел. Иван со сторожем поужинали вареников со сметаной, забрали святых с чердака, пообмывали и развесили снова в церкви, а сами легли спать.

Поп проснулся, спохватился:

— Что ж это Иван меня не будит?

Увидел, что Иван спит, а сметана съедена, и будит его:

— Иван, Иван, вставай!

Иван проснулся.

Поп спрашивает:

— Где же святые?

— Э-э! Да они были уже здесь, попили, поели и меня угостили да и пошли в церковь!

Поп:

— А чего ж ты меня не разбудил?

— Я хотел будить, а Николай-угодник говорит: «Не буди батюшку, он только-только уснул — обижаться будет».

7. КАК ИЕРУСАЛИМСКИЕ СВЯТЫЕ ЧЕРЕЗ ПЕЧЬ ДОРОГУ ПРОЛОЖИЛИ

Жил-был один мужик. Пошел он чумаковать, а жена дома осталась.

Привадила она к себе попа, дьякона и дьяка.

Вот раз приходит дьяк, стали они гулять, а идет дьякон.

— Спрячь меня куда-нибудь,— говорит дьяк.

— Полезайте на печь.

Завесила она его там полотенцем, пустила дьякона.

Снова гуляют. Идет поп.

— Куда ты меня,— говорит дьякон,— спрячешь?

— Лезьте на печь.

Вот их уже там двое.

Погуляли немного с попом и слышат на дворе:

— Тпру! Жинка, отопри!

— Ох, горе мне! Ведь это муж пришел. Лезьте, батюшка, скорее на печь!

Вот уже их там трое.

А муж опять:

— Отпирай, жинка!

А она притворилась такой слабою да больною, что насилу-насилу отперла.

— Что ты,— спрашивает,— так долго не отпирала?

— Да тут,— говорит,— муженек, такое творится, что и не вымолвить никак, да еще к ночи.

— Что же там такое?

А те на печи как узнали, так наутек. Один:

— Благослови, господи,— да с печи, да в двери.

А другой:

— Благословен господь бог наш,— да за ним.

А третий за ними следом — в двери.

— Смотри,— говорит жена,— вот так каждой ночью! Люди скажут, что иерусалимские святые через нашу печь дорогу проложили.

— А подай-ка,— говорит,— свечу, я полезу посмотрю, что там такое.

Влез на печь, а там в уголке сверчок дырку прогрыз. Он и говорит тогда:

— Господи, твоя воля! Смотри, что значит святые: какая маленькая дырочка, а они пролезают. А дайка,— говорит,— мне нож, я колышок застрогаю да забью ее.

8. ОТЧЕГО ГРОМ ГРЕМИТ

Идут дорогой православный поп и мусульманский мулла. Говорят себе про то, про се. А в это время набегают тучи, и вдруг загремел гром.

Вот мулла и спрашивает:

— Скажите, божий служитель, что это грохочет?

Поп вздумал поглумиться над муллой и говорит:

— Это наш православный бог колотит вашего аллаха.

Очень не понравился мулле ответ попа, и, чтоб не остаться в долгу, мулла и говорит:

— Так ему, дураку, и надо: пусть, чертов батька, с кем попало не связывается.

9. ПИСЬМО К АРХИЕРЕЮ

В одном селе была очень старая церковь. И иконы были уже старенькие.

Вот собрались крестьяне и решили написать архиерею письмо.

«Архиерей,— пишут они,— есть у нас в церкви немного деревянных святых, и то не святые, а какая-то дрянь. Матерь божья чего-то так сгорбилась, так согнулась, как будто ее кто-нибудь коленом сзади поддал.

Из святого Николая уже три года труха сыплется.

Варвара раздулась, как та яловица, а святые апостолы разбрелись по стене, как глупые бараны по полю.

Так вот дозволь нам, архиерей, матерь божью выпрямить, святую Варвару потоньше сделать, апостолов кольями в одно место согнать, а старого Николая вели совсем убрать: он уже никудышний».

Так и неизвестно, что им ответил архиерей.

10. ЧТО КУПИЛА?

— Постой, что это ты купила?

— Видишь, бога.

— Ты посмотри, а чего же он такой кривоносый?

— Э, пусть его черт заберет. Лишь бы на стене висел.

11. СВЯТЫЕ «ПОМОГЛИ»

Ехал как-то один дядька в город, и застала его в дороге завирюха. Заблудил он и попал в большой овраг. Конь и идти не может. Нокал он, нокал, а конь не идет. Дядька и думает:

— Дай-ка я помолюсь Николаю-угоднику, может, он поможет из оврага мне выехать!

Помолился он Николаю-угоднику, а конь все на месте стоит. Нокает, погоняет коня, а он ни с места: устал.

Задумался дядька, закручинился, а тогда и говорит: — Помолюсь я еще Марии-деве.— А конь все стоит: не помогла и Мария-дева.

— Дай,— думает дядька,— помолюсь еще сорока мученикам, а то Мария старая, да еще с ребенком — она не поможет.

Ну, помолился он сорока мученикам да как крикнет-нокнет на коня, как хлыстнет его, а конь навалился на одну оглоблю да и переломал ее. Эх, как рассердился дядька да как закричит:

— А, черти б вас забрали, навалились все сорок и на одну оглоблю! Нужно было вам разделиться: половина на одну оглоблю, а другая — на другую, тогда б не было этой беды. Святые, а такие дурные!

12. ПЕШИЙ ГЕОРГИЙ

Давно это было. В одном селе богомаз продавал иконы.

Вот одна бабуся просит его продать ей икону Георгия-победоносца.

Но у богомаза не было Георгия, и он показал бабусе Пантелеймона.

— Да нешто это Георгий? — спросила старуха.— Георгий всегда на коне бывает.

Покачал богомаз головой да и говорит ей:

— Глупая ты. Ничего не разумеешь. Сейчас овес дорого стоит, так Георгий продал коня и пеший ходит.

Поверила старуха и купила Пантелеймона вместо Георгия.

13. УПРЯМЫЙ

Жени, не жени — в церковь не пойду.
А хоть и пойду, так не клякну,
А хоть и клякну, так не шепну,
А если и шепну, так все одно:
Не будет богу приятно.

14. ПРО БОГОРОДИЦУ И СВЯТОГО НИКОЛАЯ

Однажды из города ехали два кума. Они были на базаре, купили того-сего; один купил себе богородицу (икону, значит), а другой — святого Николая.

Ну едут. А на дороге шинок. Останавливаются люди.

— А что, кум, зайдем?

— Зайдем. Только как же кони?

— Да чего ж там кони. А боги на что?

— Да и то правда!

Вот они подъехали, остановились, один поставил у себя на возу богородицу, другой — Николая.

— Сторожите же тут!

А сами — в шинок.

Сидели там, выпивали, потом выходят, глядь: а коней нет, только иконы на снегу валяются.

Ударили кумовья руками о полы, а потом один к своему Николаю:

— Ну, пусть уж та с ребенком не углядела, а ты ж, старый кобель, куда смотрел?!

15. ГОРОЖАНИН И ХУДОЖНИК

Один горожанин хотел, чтобы его нарисовал художник, но сам к художнику не пошел, а послал к нему хлопца. Выслушал художник этого хлопца да и говорит:

— Я его не видел и рисовать не буду. Пусть сам придет, я его и нарисую.

Но горожанин к художнику не пошел и все ждал.

Много ли, нет ли прошло времени, и вдруг горожанин повстречал художника.

Вот он и спрашивает его:

— Почему ты меня не нарисовал, когда я прислал к тебе хлопца?

А художник и отвечает ему:

— Как я мог тебя нарисовать, ведь и в глаза тебя не видел? Теперь я тебя вижу и могу нарисовать.

Ударил горожанин художника да и говорит:

— Ах ты, дурак! А бога и святых, которых рисуешь, видел?!

16. ВСЕ ОТ БОГА

Когда дьячку бывает туго,
Отец Степан внушает другу:
— Зачем печалиться, Серега?
На этом свете все от бога.

Блоха, положим, укусила,
Или под носом засвербило,
Или же ты чихнул, братуха,
Или на плешь уселась муха —
На все бывает воля бога.
Не забывай того, Серега.

Напившись ночью самогонки,
Друзья домой пошли с попойки.
Да по пути в овраг попали
И до обеда там проспали.
А в том овраге свиньи были,
Попу пол-уха откусили,
А у дьячка штаны порвали —
Его и дома не узнали.
А поп сказал: — Не плачь, Серега.
На этом свете все от бога.

Дьячок на исповедь приходит.
— Жена,— сказал он,— греховодит.
Я грех на душу взять не смею —
Хочу прогнать, да все жалею.
Что посоветуете, отче,
Прогнать, и пусть живет, с кем хочет?
А поп сказал: — Браток Серега,
Не сокрушайся, все от бога.

Раз дьяк сказал жене Христине,
Что едет в город на крестины,
Вернуться завтра обещался
И на чердак тайком взобрался.
Вот ночью в хате стало тихо,
Дьячок спускается к дьячихе
И вдруг попа с лежанки тащит.
А поп глаголет, чуть не плачет:
— Не сокрушай меня, Серега,
Что я у Христи, то от бога.

Но дьяк схватил попа за гриву,
По ребрам бил и по загривку.
— Терпи, отец, не охай много:
И кулаки мои — от бога.

Белорусские

1. БОГ И МУЖИК

Жил на свете один мужичок. Пошел он однажды на ярмарку, купил себе кобылку жеребую за какую-нибудь трешку или пятерку. Повел ее домой, и застала его в одной деревне темная ночь. Просился он переночевать, просился, а никто его не пускает. Наконец один мужичок говорит:

— Заходил здесь ко мне наперед тебя захожий старичок, тоже просился переночевать, так он вон там, за деревней, ночует, и ты иди туда.

Делать нечего, пошел мужичок к тому старичку. Подходит:

— Здравствуй, дедуля!

— Будь здоров и ты!

— Нельзя ли и мне возле тебя переночевать?

— Что ж, ночуй!

Воткнул старик колышек в землю.

— Вот,— говорит,— привяжи кобыленку.

Переночевали они, наутро встают — кобыленка ожеребилась. Старик и затеял с мужиком спор из-за жеребенка.

Мужик говорит:

— Кобылка моя ожеребилась.

А старик говорит:

— Нет, это мой колышек ожеребился.

Спорили они, спорили и давай судиться.

Повел старик мужика в один суд, в другой, в третий — везде мужик проигрывает, а все потому, что старик судьям деньги дает. Обошли они все суды, а затем старик и говорит мужику:

— Ну, обошли мы все твои суды, пойдем теперь на мой суд, посмотрим, что мой судья признает.

Приходят они к святому Гавриле.

— Ну,— говорит старик,— рассуди ты нас, святой Гаврила!

Рассказал, как дело было, и спрашивает:

— Чей жеребенок? Мужикова кобылка ожеребилась или мой колышек?

Святой Гаврила послушал, усмехнулся.

— Шел я,— говорит,— по синю морю и сеял овес; не знаю, вырос он или нет.

Господь бог, а это он с мужиком спорил, удивился таким словам:

— Как же овес может вырасти на море?

— А как же, господи, колышек может ожеребиться?

Вот тогда господь бог отпустил мужика и отдал ему кобылку с жеребенком.

2. СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Подумал господь: «Что ж, сотворил я небо и землю, нужно и людей сотворить».

Вот сотворил он Адама да и отлучился, не хватило ему материалу на дальнейшее творение. Но, боясь, что нечистый дух осквернит человека, вылепил бог «обаку» и приставил ее охранять Адама.

— Не подпускай никого к моему творению, покуда я не вернусь!

Только бог ушел, а уж нечистый тут как тут.

— Пусти меня, обака, к Адаму!

Не пускает обака, лает. А сатана опять: пусти да пусти, а не то я тебя заморожу! И нагнал он на обаку холоду, а та съежилась вся, дрожит (она была голой и холода очень боялась).

— Пусти меня: я тебе шубу дам!

И допустила обака нечистого к человеку, сатана же за это ее шерстью покрыл, а потом оплевал, обхаркал, обгадил созданного богом человека и ушел как ни в чем не бывало.

Между тем возвращается господь.

— Что это, обака, уж не согрешила ли ты? Откуда на тебе такая шуба?

— Грешна я перед тобой, господи,— отвечает обака,— смутил меня сатана.

Вот оттого-то, что обака божьего повеления ослушалась, ее и собакой с тех пор называют и в церковь не пускают, а кошку (она в этом грехе неповинна) частенько запирают даже в алтаре — ловить мышей.

Дьявол случился тут поблизости. Бог и спрашивает:

— Как ты смел, — говорит, — нечистый дух, мое творенье осквернять?

— Не изволь, господи, беспокоиться, я сделал все, как надобно.

— Как так?

— А очень просто: возьми ты этого человека да выверни его наизнанку — вся скверна и окажется внутри. Когда же от той скверны станет одолевать человека кашель, то он перво-наперво о тебе вспомнит: «Ох ты, — скажет, — господи, какой кашель!» А потом уж, как плюнет да ногой разотрет, и меня, грешного, помянет: «Тьфу, нечистая сила, вот ведь привязалась!..»

Как черт посоветовал, так бог и сделал. А тут нечистый возьми да и скажи:

— А если человек будет здоров, он не то что меня, но и тебя, господи, забудет!

С той поры у человека и бывает кашель.

3. БОГ И УГОДНИКИ

Послал бог святых своих угодников поглядеть, что на свете делается. Вот и пошли они рано-ранехонько, когда еще солнышко не всходило.

Шли они, шли, и встретилась им по дороге деревушка; заглянули они в крайнюю хату, а там девчина, пригожая и проворная, уже встала и умылась, и коров подоила, хату подмела, печь затопила.

Подивились угодники на такую работящую девчину и тронулись дальше, миновали деревню, вышли в поле.

В поле еще пустехонько — ни души, только на одной полоске статный хлопец уже, видно, давно пашет.

Снова подивились угодники: «И когда это он успел выспаться и столько напахать?»

Пошли дальше. Уже и солнце взошло, по дороге стали попадаться люди — кто с сохами, кто с боронами; глядь, снова деревушка стоит. Стали они в хаты заглядывать, а людей там не видно, только в одной

хате девчина, здоровенная, толстая, только что глаза продрала, сидит на полу и зевает, потягивается, коса у нее вся в перьях, даже глядеть тошно.

Постояли угодники, подивились и пустились дальше. Миновали они деревню и вышли в поле. Глядят: под кустом лежит молодец, лежит и спит, а сам храпит во всю мочь. Возле него кобылка стоит в соху запряженная, травку щиплет. Видать, как из дому выехал, так ничего и не работал.

Поглядели-поглядели святые угодники, плюнули и пошли прочь.

Воротились они к богу. Бог спрашивает:

— Ну что хорошего видели вы на земле, что слышали?

Стали угодники рассказывать про то, что видели, да и говорят:

— Вот, боже, по-нашему, оженить бы доброго молодца на доброй девчине, а ленивого на ленивой: были бы две пары как раз один в одного.

А бог возьми да и скажи им:

— Дураки вы, дураки, как я погляжу. Если бы я так сделал, как вы говорите, то люди про меня да про вас и думать бы забыли. Работяги все бы сами поделали, и бог бы им не понадобился, а лентяи да глупцы и подавно про бога бы не вспомнили... Сделай я по-вашему, по-глупому, так людям ни бог, ни святые не были бы нужны.

4. КАК МИКОЛА И ПЕТР ЛОШАДЕЙ НА УКРАИНЕ ПОКУПАЛИ

Бог сотворил белый свет не так, чтобы везде всего поровну было: скота, людей, лошадей. Сначала много всего было на Украине. Наступает весна. Бог видит, что белорусскому мужику пахать нечем, лошадей нет. Не пропадать же нашему брату с голоду. Бог дал святому Миколе и апостолу Петру денег и послал их на Украину лошадей покупать.

А Микола очень любил выпить. И зайди он с Петром в кабак. Взяли полштофа, второй выпили. Как зашумело у Миколы в голове, он и давай еще пить и

пропил все деньги, которые ему бог-то дал, до копейки. Не на что Миколе с Петром покупать лошадей.

Вышли они, смотрят: бегут два табуна. Микола как вскочит на первую лошадь, и табун за ним. Петр — на другую, и повели за собой два табуна. Гонят этих лошадей, никто будто этого и не видал, а хвать, свидетели оказались: ворона, сорока да кукушка.

Привели лошадей богу, хотели было его обмануть; бог у них спрашивает:

— Купили лошадей?

— Купили.

— А свидетели у вас были, как вы покупали?

— Нет, свидетелей не было.

Тут откуда ни возьмись ворона.

— А про ворону вы забыли? Ну как они, купили лошадей? — спрашивает бог ворону.

— Укра-али, укра-али! — сидит на ветке ворона да и знай орет.

— А ты что скажешь, сорока? — спрашивает бог.

Сорока прыгает с веточки на веточку и стрекочет:

— За это им, господи, чи-чи-чи!

Прилетает и кукушка. Эта пожалела:

— Господи, они купили, да, ку-у-пили, да, ку-у-пили!

Микола и Петр обрадовались, что хоть кукушка их руку держит, и говорят:

— Вот ты, кукушка, кукуй только до Петрова дня, а после будешь свободна. А вы, ворона да сорока, раз вы наклепали, вам каркать и стрекотать,— не будет вам никакого отдыха.

5. НЕСТЕРКО

Жил себе Нестерко, имел деток шестеро, работать ленился, воровать боялся, а попросить не смел. Как ему жить? Вот он взял да и пошел к богу. Идет, а навстречу ему Юрий Золотое Седло едет.

— Здравствуй, святой Юрий!

— Здорово! А кто ты такой?

— Я Нестерко, деток шестеро, работать ленюсь, воровать боюсь, просить не смею!

— Куда ж ты путь держишь?

— К богу!

— Зачем?

— А вот зачем: нечем мне жить, так пойду к богу и спрошу его, чем мне заниматься: то ль читать, то ль писать, то ль с горшков хватать? А ты куда, святой Юрий, едешь?

— И я к богу!

— Зачем?

— Да по своим делам!

— Ну, вспомни ж, святой Юрий, и обо мне там.

— Хорошо, вспомню.

— Спроси у бога, святой Юрий, чем мне заниматься.

— Хорошо, спрошу.

— Забудешь, святой Юрий?

— Нет, нет, спрошу!

— Не забудешь? Так дай мне в залог того, что не забудешь, свое золотое стремя.

— А на чем же я поеду?

Нестерко взял ивовый прутик, сделал из него стремя и привязал на место, а золотое стремя в залог взял. Поехал Юрий к богу, а Нестерко остался на дороге, где ехал Юрий, дожидаться его возвращения.

Святой Юрий порасспросил бога о своих делах и пошел садиться на коня. Бог увидел ивовое стремя и спрашивает:

— А где же твое стремя?

— О господи, его отнял Нестерко, что имеет детей шестеро, работать ленится, воровать боится, а попросить не смеет,— с чего же ему жить?

— А пусть крутит да мотает да душу питает!

И Юрий поехал. Подъехал он к Нестерке, а тот и спрашивает:

— Ну что, святой Юрий, что тебе бог сказал?

— Вот что бог сказал: пусть крутит да мотает да душу питает. Ну, дай же, Нестерко, стремя мое золотое, которое ты у меня в заклад взял!

— А когда я у тебя брал? Я еще сам тебе дал ивовое. Отдавай мне его обратно! Вот мое стремя — у седла!..

Сколько Юрий ни спорил с Нестерком, но все-таки вынужден был заплатить ему за ивовое стремя.

Тогда Нестерко побежал в хату.

— Немного поживился — и то слава богу! Не зря ведь бог велел мне ложью кормиться...

Прожил Нестерко то, что уплатил ему Юрий за ивовое стремя, потом взял и повесил на воротах золотое стремя. А тут как раз проезжал богатый пан. Увидел он стремя золотое на воротах да и говорит своему кучеру:

— Зайди-ка спроси, нет ли у мужика продажных седел.

Кучер зашел в хату и спрашивает:

— Ты седла делаешь?

— Делаю, но только на заказ,— говорит Нестерко,— потому как делаю я седла дорогие — серебряные и золотые.

Кучер вернулся к пану, рассказал об этом. Пан вылез из кареты и стал договариваться. Договорился, чтобы Нестерко сделал седло за сто рублей, и тут же уплатил ему деньги вперед. Получил Нестерко деньги да и посиживает на печи. Приезжает пан за седлом, а Нестерко босой на печи валяется.

— Где седло?

— Какое седло, паночек?

— А то, за которое я деньги платил.

Нестерко только крестится:

— Ой, ой, какое там у меня седло? Я даже лаптей сплесть не умею.

Пан кричал-кричал да и говорит:

— Одевайся, в суд поедем!

А Нестерко отвечает:

— А разве я босой могу ехать?

— Ах, черти б тебя взяли! Кучер, подай ему мои валенки. Ну, теперь обувайся, пойдем!

— А разве я поеду раздетый?

— Ах, черти б тебя взяли! Кучер, дай ему мою шубу.

Кучер принес шубу.

Нестерко обулся, оделся. Вышли они из хаты. Пан стал садиться в карету, а Нестерко глядел-глядел да и говорит:

— Да разве я собака, чтобы следом за лошадьми бежать?

— Ах, чтоб тебя черти побрали! Кучер, дай ему мою пристяжную.

Сел тут Нестерко на коня, и поехали они в суд. Приехали туда. Начали их судить.

— Почему ты, Нестерко, деньги пану не отдаешь?

— А я ему и не должен! Сам не знаю, почему он ко мне пристает. Хочет, наверно, сорвать что-нибудь. Сейчас он скажет, что и валенки на мне его.

А пан и говорит:

— Ах ты дурак! Так это ж ведь мои валенки!

— Ну вот, видите. Он говорит, что и валенки эти его. Может, он скажет, что и шуба на мне его?

И пан снова обозлился:

— Ах, чтоб тебя черти взяли! Это ведь действительно моя шуба.

— Ну вот, видите, господа судьи, он уже и шубу своей считает! Может, он сейчас скажет, что и лошадь эта его?

А пан снова кричит:

— Ах, чтоб тебя черти взяли! Это ж моя лошадь!

— Ну вот, видите, господа судьи, он уже утверждает, что и лошадь его.

Судьи думали-думали да и говорят пану:

— Нет, братец, видать, ты лжешь, коли говоришь, что это все твое: и шуба, и валенки, и лошадь, и деньги!

И не присудили они пану ничего.

Тут наш Нестерко обрадовался, сел на коня и айда домой. И остались у него и конь, и шуба, и валенки, и деньги. И теперь он живет на те деньги, которые у пана отсудил.

6. НИКОЛА, ЕГОРИЙ И МУЖИК

Жил-был одинокий мужичок. Пошел раз он лядо корчевать. Вот мимо по дороге идут Никола и Егорий и разговаривают.

Егорий и говорит Николе:

— Подойдем-ка мы к этому мужику, спросим: кто из нас из двоих красивее?

Никола отвечает:

— Нет, Егорий, не надо нам расспрашивать его.

— Нет, брат, пойдем, спросим!

— Ну что ты, брат Егорий, говоришь: тебе что ни скажи, ты все равно прогневаешься!

А Егорий свое:

— Нет пойдем, Никола!

— Будь по-твоему, пошли!

Подходят к мужику:

— Бог помощь, добрый человек!

— Спасибо!

— Вот что, добрый человек, иди-ка к нам, посиди, поговори!

— Братцы, рад бы я с вами поговорить, да мне некогда, одинокий я человек, помогать мне некому. Семеро у меня с ложкой, а я один с сошкой!

— Все равно, добрый человек, посиди с нами, поговори!

Подходит к ним мужик.

— Вот что, добрый человек, мы хотим у тебя спросить: кто из нас двоих красивее?

— Братцы, вы оба равны, красивые и пригожие.

— Нет, неправду ты нам говоришь. Скажи: кто из нас самый красивый?

— Право, братцы, оба вы хороши, все равно как братья от одного отца.

— А все-таки, скажи: кто из нас красивее?

— Ну, коли уж вам так хочется, скажу: вы оба лицом хороши, только у этого вот нос курнос!

И показывает на Егория. Рассердился Егорий, и пошли они с Николой по дороге. Никола и говорит:

— Говорил я тебе, Егорий, что ты прогневаешься.

— Ну, ничего,— отвечает Егорий,— пусть мужик работает, а я в колосья зерен не положу. Будет он намолачивать с овина по три меры.

Выкорчевал мужик лядо, посеял жито. Уродилось оно такое, что лучше не надо. Да только соломой оно хорошо, а зерна нет. Приходит Никола к мужику в дом:

— Вот что, мужичок, не скучай, не хлопочи! На-ка тебе рубль денег, пей водку и пой песни!

Начал мужик водку пить да песни петь.

Говорят соседи:

— Пой, пой песни! Да только с чем ты будешь зимовать? Ведь в жите твоем ничего нет, одна солома только.

Настало время жать жито. Сжал мужик жито. Приходит Никола к нему и говорит:

— Вот, мужичок, что я тебе скажу: ты Егория прогневил, так Егорий сказал, что с овина будешь намолачивать только три меры. Так ты клади в овин по девять снопов, будешь брать с них по три меры.

Начал мужик молотить, по девять снопов в овин сажает и по три меры берет. Намолотил жита столько, что и девать некуда.

Приходит Никола к Егорию:

— Знаешь ли, Егорий, что я тебе скажу?

— Что ж, скажи.

— А вот что: тот мужик по девять снопов сажал в овин, а по три меры зерна брал.

— Ну, хорошо, я пошлю на его хлеб червей.

Начали черви есть хлеб в амбаре. Крепко затужил мужик. Приходит к нему в дом Никола:

— Не плачь, мужичок, иди в церковь, купи свечку, мне за копейку поставь и покриви, а Егорию за рубль свечу купи, поставь ее перед Егорием.

Пошел мужик в церковь, купил свечи: Николе — за копейку, а Егорию — за рубль, поставил ее перед Егорием, а сам стал на колени посреди церкви, горько заплакал и начал просить Егория с Николой.

Вот Никола и говорит:

— Перестань ты, Егорий, гневаться! Ведь мужик тебе свечу купил за рубль, а мне за копейку да и ту покривил, а я и то не гневаюсь!

— Ладно,— говорит Егорий.— Завтра морозец будет, поморожу я червей.

Обманул мужик Егория. С тех пор стал он жить-поживать да добра наживать.

7. ИЛЬЯ И ПЕТРО

Давно это было, когда еще сам бог по земле ходил. Отдал бог весь белый свет Илье и Петру. Известно, где два хозяина, там никогда порядка нет. Один посылает дождь, а другой — ведро. Плачут тучи, не знают,

что делать, кого слушать. Пойдет дождь — Петро бежит да кричит, лается на чем свет стоит:

— Что вы, потаскухи, делаете, зачем мочите сено, люди же теперь косят!

— Нам,— отвечают тучи,— Илья приказал.

— Ах вы, мокрохвостки,— ругается Петро,— я вам покажу Илью! Илья всегда разведет гнилья.

Схватит Петро метлу и разгонит тучи по углам, а небо чистенько подметет. Вдруг откуда ни возьмись тарахтит-едет Илья, орет, словно у него живот схватило, аж небо и земля дрожат. Тучи толкутся как неприкаянные, вылазят из углов, и польет такой дождь, что не только низины — и холмы затопит. Жалуются люди богу, что паны дерутся, а у мужиков чубы трясутся, жалуются и просят бога, чтобы дал ведро. Призовет бог к себе Илью, ругает его, а тот оправдывается: столько, мол, развелось нечисти-чертей, что надо их громом побить, не то весь свет опоганят. Призовет бог Петра и уговаривает: пускай Илья немного поохотится за чертями. А Илья тем часом так разгромыхается, что аж земля стонет: нет ни дня, ни ночи; тучи кишат на небе, как вьюны в решете; на небе все кипит, как в горшке; молния так блещет, что в глазах темно становится, а Перун то и знай смалит-полосует сосны и дубы да поджигает постройки в деревнях либо стога в поле. А Илья ездит себе по небу да командует: «Так, так, так! Го-го-го! Еще, еще... Лупи, лупи его, гада... Вот так, так... Го-го-го! Тресни его по затылку! В загривок, в загривок лупи его, гада! Трах-тах-тах! Так-так-так! Го-го-го!». Просят, молят, люди, чтобы унялся гром, а Илья не слушает. Ходит Петро да плюет беззубым ртом от злости. Натешится Илья, начистит свою коляску и поедет к солнышку в гости. Тут Петро подметет небо и давай сушить землю. Вот уже подходит время сеять рожь, а земля сухая, как горячая зола,— опять беда! Беда, что нет дождя. А Илья играет себе с солнышком, а про землю забыл. Не смотрят друг на друга Илья и Петро, сердятся, боятся даже встретиться.

Вот однажды вздумали они походить по земле, поспрошать людей, кого они больше любят: Илью или Петра. Как сошли они на землю, так в скором времени и повстречались. Идут рядом и спорят: Петро говорит,

что его больше любят люди, а Илья говорит, что его. Как дознаться, чья неправда? Видят они: человек сеет гречиху.

— Вот,— говорит Петро,— давай спросим, кого мужики больше любят.

— Давай спросим,— соглашается Илья.

— Помогай бог! — кричит Петро.

— Спасибо.

— Скажи, добрый человек, кого вы больше любите: Илью или Петра?

Мужик снял с плеча севалку, поставил ее на землю, почесал затылок.

— А бог его знает, кого мы больше любим: может, Илью, а может, Павла-Петра.

— Ты не плети плетень,— говорит Петро,— а отвечай нам прямо.

— Илья и Павел-Петро — добрые святые, мы их и любим.

— А кого больше?

Видит мужик, что тут не выкрутишься.

— Пожалуй, Павла-Петра.

Илья даже задрожал от злости. Пошли они дальше, а Илья и говорит:

— Спалю за это ему ниву, ничего не уродит.

— А я намочу и пошлю урожай,— говорит Петро.

— Коли так, я сделаю вот что: кто первый попробует с этой нивы лепешку — подавится.

Ухмыльнулся Петро, и пошли они дальше.

Выдалось в тот год на редкость доброе лето: днем солнышко, тепло, а ночью теплая роса или тихенький теплый дождик. Растет все как на дрожжах; сдается, посади на поле дитя, так и оно вырастет. Уродилась гречиха по пояс. Набил мужик полгумна. Вот намолотил он гречихи, намолол, и напекла хозяйка свежих лепешек полное решето. В ту пору приходят в село Илья с Петром, и заночевали они у того мужика. Забыл Илья, не узнал его.

Сели они ужинать.

— Вот, благодарение господу,— говорит мужик,— уродилась нынче гречиха, попробуйте, дорогие гости, свежих лепешек.

А Илья в тот день здорово-таки проголодался. Как схватил он лепешку, так и подавился...

8. ДЕД И НИКОЛАЙ-УГОДНИК

Пришел старый дед в церковь, купил свечку, а еще не решил, кому ее поставить. Постоял он, постоял и пошел искать какую-нибудь икону повыгоднее, чтобы пользы больше было, а свечку в карман положил. Постоял дед на коленях перед одной иконой, помолился и дальше пошел. Так дошел он до Николая-угодника. Стал дед на колени, молится и думает: «Ну, Миколе свечку и поставлю». Полез он в карман, а свечки нет. Разозлился дед да как крикнет на Николая-угодника: «А ты, старый черт, куда глядел? Вот тебе фига, а свечку украли!»

9. ХИТРОСТЬ НИЩИХ

Нищие хоть и кормились божьим именем, а в бога не верили: им лишь бы деньги давали, так они что угодно сочиняли.

Один нищий сидел под костелом да играл себе на лире; видит, что людей нет, вот он и давай напевать:

«Ой, я играю, убогий.
Ой, да не верю я в бога».

А другой ему шепчет: «Дед, а дед, барыня идет!» Дед тут же запел на церковный мотив:

«Ой святой, святой Николай,
Проводи мою душеньку в рай».

Вот до чего хитер!

Пословицы и поговорки

Русские

Бог-то бог, да и сам не будь плох.
Бог сидит себе на небе да и не думает о хлебе.
У бога всего много, но не для нас.
Бог сирот любит, да доли не дает.
И святой ради барыша молится.
Каков бог, такова ему и свеча.
Что тому богу молиться, который нас не милует?
Не всякому хорошо на божьем свете.
Плачься богу, а слезы — вода.
Взял боженьку за ноженьку да об пол.
За того и бог, кто бедняка перемог.
Где страх, там и бог.
Где человек не сможет, там и бог не поможет.
Святые хлебом не накормят.
За деньги и бога можно купить.
В бога поверь — барин сам найдется.
Помог бог, как слепому очки.
Знают и чудотворцы, что мы не богомольцы.
Молитвой квашню не замесишь.
Без бога шире дорога.
На бога надейся, а сам не плошай.
Господи, господи! Убей того до смерти, кто лучше нашего живет.
Нам не гоже, так вот тебе, боже.
Господи, прости, в чужу клеть пусти, пособи нагрести да и вынести.

Только ангелы с неба не просят хлеба.
Было бы что поесть, то и бог пропитает.
Вози навоз не ленись, так хоть и богу не молись.

Украинские

Бог бедой наградил да и на спину взвалил.
Бог не поможет, если житье негоже.
Богу молись, а к берегу гребись, а то утонешь.
Богу не душа нужна, а деньги.
Боже, боже, возьми душу, а дай здоровье.
Божье негоже, людское лучше.
Воля-то божья, да мне не пригожа.
Все мы под богом, только кобыла под вьюками.
Дал бог хлеб, когда зубов не стало.
Если уж нет, то и бог не даст.
На бога понадеялся — без штанов остался.
Надейся на бога, когда хлеб в стоге.
Прости, боже, на этот раз да еще десять раз, а там посмотрим.
Пусть вас бог любит, а меня — молодицы.
С божьей воли продал штаны, купил соли.
«Святой боже» не поможет.
«Святый крепкий, святый боже» — как заплатишь, то поможет.
Тогда и бог даст, когда сам заработаешь.
Черт стреляет, а бог пули носит.
Что получше, то бог себе забирает.

Белорусские

Богу на небе сидеть, а нам на работе потеть.
Богу-то молись, а сам трудись, а то с голоду умрешь.
Всяк святой к себе руки жмет.
Если человек не сможет, то и бог не поможет.

Кто плутует да мотает, тому и бог помогает.
На бога надейся, а сам рук не покладай.
На бога надейся, когда хлеб в торбе.
На тебе, боже, что мне не гоже.
Не видит бог с неба, что нужно денег да хлеба.
Не диво, что человек грешит,— и бог однажды согрешил.
Нечего тому богу кланяться, который наших молитв не принимает.
Нечего тому богу молиться, который на нас не глядит.
Обещал бог дать, да велел подождать.
Плакал и смеялся, а бог не отозвался.
Пока до бога — святые душу вынут.
Сам не доглядишь — и бог не поможет.
Убирайтесь-ка с богами, я тут сяду с табаком.
Что богу дали, то потеряли.

Черти
нечистые
силы

Сказки и остроты

Русские

1. СОЛДАТ И ЧЕРТ

Стоял солдат на часах, и захотелось ему на родине побывать.

— Хоть бы,— говорит,— черт меня туды снес!

А он и тут как тут.

— Ты,— говорит,— меня звал?

— Звал.

— Изволь,— говорит,— давай в обмен душу!

— А как же я службу брошу, как с часов сойду?

— Да я за тебя постою.

Решили так, что солдат год на родине проживет, а черт все время прослужит на службе.

— Ну, скидавай!

Солдат все с себя скинул и не успел опомниться, как дома очутился.

А черт на часах стоит. Подходит генерал и видит, что все у него по форме, одно нет: не крест-накрест ремни на груди, а все на одном плече.

— Это что?

Черт и так и сяк — не может надеть. Тот его — в зубы, а после — порку. И пороли черта каждый день. Так — хороший солдат всем, а ремни все на одном плече.

— Что с этим солдатом,— говорит начальство,— сделалось? Никуда теперь не годится, а прежде все бывало в исправности.

Пороли черта весь год.

Изошел год, приходит солдат сменять черта. Тот и про душу забыл: как завидел, все с себя долой.

— Ну вас,— говорит,— с вашей и службой-то солдатской? Как это вы терпите?

И убежал.

2. ЧЕРТ-ЗАИМОДАВЕЦ

У мужика случилась беда, а на беду надо денег. Между тем денег нет; где их взять? Надумался мужик идти к черту просить денег взаймы. Приходит он к нему и говорит:

— Дай, черт, взаймы денег.

— На что тебе?

— На беду.

— Много ли?

— Тысячу.

— Когда отдашь?

— Завтра.

— Изволь,— сказал черт и отсчитал ему тысячу.

На другой день пошел он к мужику за долгом. Мужик говорит ему:

— Приходи завтра.

На третий день он пришел. Мужик опять велел прийти завтра. Так ходил он сряду несколько дней. Мужик однова говорит ему:

— Чем тебе часто ходить ко мне, то я вывешу на воротах моих доску и напишу на ней, когда тебе приходить за долгом.

— Ладно,— ответил черт и ушел.

Мужик написал на доске: «Приходи завтра» и повесил ее к воротам. Черт раз пришел, два пришел — на воротах все одна надпись.

— Дай,— говорит он сам с собой,— не пойду завтра к мужику!

И не пошел.

На третий день идет к нему и видит на воротах другую надпись: «Вчера приди».

— Эк меня угибало,— сказал черт,— не мог вчера я прийти, видно, пропали мои денежки!

И с тех пор попустился он своему долгу.

3. КОЛПАК ЗОЛОТА

Жил-был мужик, все по чужим людям в работниках жил. Пришел однажды к барину, а барин послал его сетями рыбу на озеро ловить; а он никогда не делал того, что хозяин приказывал, а что на ум придет.

Пришел он к озеру, бросил сети на берег, сел, попил, выспался и принялся яму рыть; вырыл яму глубокую, потом надрал липовой коры и замочил в озере; ходит по берегу, ждет, когда кора вымокнет, чтобы наделать лыка. Один раз нашел на берегу двух маленьких зайчат и положил их в ямку, а кругом сделал изгородь. Вымокла кора, он набрал лыка и вьет веревки; ночью в яму попался медведь.

Только лег он спать в эту ночь, из озера выбегает чертенок и говорит ему:

— Что ты, дядюшка, делаешь?

— А вот веревки вью, хочу все озеро сморщить и вас всех, чертей, скорчить!

Чертенок сейчас же в озеро, а через несколько времени вышел оттуда и говорит:

— Дедушка мне приказал с тобой потягаться; если ты меня обгонишь, то и морщи озеро, а если я тебя обгоню, то прочь уходи от озера.

— Эка невидаль,— говорит мужик,— с тобой бегать: ты пробеги с моим меньшим братишкой, и тот тебя обгонит, а со мной и тягаться нечего.

Взял мужик одного зайца, держит в руках и говорит:

— Ну беги!

Чертенок побежал, а мужик пустил зайца, недолго его и видел чертенок: заяц в лес, а чертенок бежит кругом озера; прибежал чертенок, а мужик другого зайца в руках держит и говорит:

— Ну где же тебе тягаться с моим братом, он давно прибежал, видишь — уж отдыхает?

Черт — в озеро, а работник поспал и веревки вьет.

Снова выходит из озера чертенок и говорит:

— Бегаешь ты, дядюшка, лучше, а давай поборемся — кто кого поборет!

— Эко диво бороться, мой средний брат — тот тебя поборет, а где же тебе со мной тягаться!

Спустился чертенок в яму, а мишка захватил так чертенка, что тот еле живой в озеро нырнул.

В третий раз выходит чертенок из озера и говорит:

— Вот, дядюшка, я принес палицу, давай тягаться, кто палицу выше бросит; если ты выше меня бросишь, то и морщи нас!

Работник попробовал поднять палицу, палица была тяжела — куда бросать, когда и поднять не может.

— Ну что ж, бросай; я смотреть буду, высоко ли улетит!

Бросил чертенок палицу, высоко палица улетела и упала назад и завязла глубоко в земле, одна ручка видна.

— А высоко, брат, ты бросил, а все-таки посмотрим, кто выше бросит!

— Ну, давай, дядя, тащи палицу!

— Сам завязил, сам и тащи, я после, буде придется, вытащу!

Вытащил чертенок палицу, работник держится за ручку палицы и пошевелить не может.

— Что же ты думаешь? Бросай,— говорит чертенок.

— Не торопись,— говорит мужик,— я вон подожду то облако; пусть нанесет его поближе, я швырну палицу на облако, она там и останется.

— Нет, нет, не бросай палицы на облако, палица дедушке нужна, он без палицы никуда не ходит и мне велел сейчас принести.

— Ну, как хочешь,— говорит работник,— велишь — брошу, не велишь — твое дело!

Чертенок схватил палицу — и в озеро. Работник опять вьет веревки; выбегает из озера чертенок и говорит:

— Что хочешь бери, только от озера уйди и нас не морщи!

— Да что с вас, чертей, возьмешь, как у вас, кроме золота, ничего нет. Наносите мне один колпак золота, да и будет с вас.

Чертенок согласился и ушел в озеро, а работник убил медведя, на ту яму наклал корьев и прикрыл хворостом; прорезал в колпаке дыру, приладил колпак над ямой, и ночью черти стали носить в колпак золото: выльют золото, а оно через дыру в яму; пока полной

ямы не наносили, в колпаке не было золота; наконец колпак наполнился. Снес мужик сети барину и отказался от работы, купил четырех лошадей, и на них увез четыре воза золота, и стал жить да поживать, а после еще барин из ямы набрал воз золота и стал жить богачом!

4. РАБОТНИК И ПОП

Жил-был поп с попадьей. Раз приходит к попу работник наниматься.

— Что,— говорит,— батюшка, возьмете меня в работники?

Поп и спрашивает:

— А что можешь работать?

— Что? — говорит.— Дрова могу рубить и все.

Вот поп и посылает работника:

— Поди рубить дрова.

Работник и пошел дрова рубить. Нарубил работник дров пребольшу-большу кучу да пришел домой.

Поп и говорит ему:

— Что, нарубил ужо дров?

— Нарубил,— говорит работник.

— Мало,— говорит поп.

— Дак поди посмотри,— отвечает работник.

Пришел поп, посмотрел и диву дался — сколько дров нарубил работник. Приходит он домой и говорит попадье:

— Матушка, вот беда, попали мы на работника. Страшно дров много нарублено. Пошлем мы его в поле — пускай наших коров приведет.

А коров-то в поле у попа и не было.

Приходит поп к работнику и говорит:

— Сходи-ко в поле да приведи наших коров.

Вот приходит работник в поле, и медведь хочет его съесть. Он медведя схватил за голову, сел к ему на спину и поехал. Приехал домой, медведя спустил на двор. А у попа на дворе было пять коров. Медведь всех этих коров и задушил.

Вот работник приходит к попу в избу да говорит ему:

— Поди смотри. Я привел коров.

Поп пришел на двор, а там один медведь ходит, а коровы все мертвы. Он работнику и говорит:

— Поди сходи к озеру: там я купался да крест потерял. Найди-ко ты его да принеси мне.

А сам посылает, чтоб воденник съел. Работник и пошел. Пришел он к озеру — воденник ходит. Работник схватил воденника за длинные волосы и повел. Привел опять на двор к попу и спустил. Приходит к попу.

— Поди,— говорит,— крест твой на дворе.

Поп как посмотрит, а на дворе воденник ходит.

Приходит опять поп к работнику да говорит:

— Поди-ко в лес сходи да принеси мои деньги.

Работник преспокойно запряг медведя, воденника кучером посадил, а сам сел в повозку барином.

Приехал он в лес, а навстречу ему черт идет.

— Давай,— говорит,— с тобой в карты поиграем.

— Давай,— отвечает работник.

Ну вот, сели они в карты играть. Играли-играли, играли-играли всю ночь напролет. Работник черта и обыграл. Черт работнику все деньги отдал.

Работник сел в повозку и поехал. Привез он к попу деньги и говорит ему:

— На, бери!

Поп и говорит своей попадье:

— Вот беда, матушка, никуда не денешься от работника, давай стряпать стряпню да убежим из дому.

Попадья стряпню настряпала, полный кошель наложила и повесила к воронцу. Работник приходит в избу — в избе никого нету. Заглянул в кошель — в кошеле стряпня. Он стряпенку-то эту всю и съел, а сам в кошель сел. Сидит. Вот приходит поп да говорит:

— Ну, матушка, нету работника — побежим!

Поп кошель на плечи схватил, и они убежали.

Вот они бегут, бегут по дороге, а работник в кошеле тихонько и кричит:

— До-го-ню, до-го-ню!

А поп попадье и говорит:

— Бежи, матушка, скорее. Он вслед бежит, пес.

Бежали они, бежали, пока устали да есть захотели.

Добежали до озера, поп и говорит:

— Давай, матушка, поедим.

Вот снимает поп с себя кошель и начинает его развязывать. Только хотел взять стряпню, а из кошеля вылезает работник. Опять им беда. Так голодные они и спать повалились.

Положили они работника с краю возле озера и говорят тихонько:

— Как заснет он, дак мы его и пихнем в воду.

А работник был не дурак. Поп с попадьей уснули, а он взял да перешел на другой бок. Вот попадья проснулась да вместо него пихнула в воду попа. На след попа работник пихнул в воду попадью. Они оба и потонули. А работник пришел домой, все распродал, денежки себе в карман положил да уехал. Стал жить-поживать да добро наживать.

5. КУЗНЕЦ И ЧЕРТ

Как начнет кузнец робить в кричне[1], наломает себе бока за четырнадцать часов, постоит у огня да вымажется весь в черную сажу — прямо на черта похож станет.

Ну, а потом куда кузнецу деваться, куда пойдешь, кроме как в кабак. А кто не пил? — тогда каждый пил.

Придет кузнец в кабак, напьется в долг пьяным да начнет буянить. Тут его кабатчик за шиворот да на улицу:

— Иди, грязный черт! — а сам лишнюю полтину в книжку запишет.

Кузнец пойдет домой, наболит у него на сердце, и почем зря кроет приказчиков, хозяина, кабак, всех чертей, — ну, одним словом, всех, кто тянет кровь из жил.

Много «побасок» про эту жизнь сложено. Говорить-то их нельзя было: неровен час, услышит гад какой и до приказчика доведет. Вот тут-то и разбирайся.

---

[1] Кричня — от слова «крица». В кричне плавили раньше железо. Крица — железная масса, выплавленная из чугуна, шедшая под водяной (кричный) молот. Из криц делали полосовое железо.

Одну как будто припоминаю, может, только словцо какое забыл.

Вот раз вытолкнули кузнеца из кабака:

— Иди, чертяка страхолюдный!

Пошел кузнец по улице, идет и думает себе: «Хоть я не черт, а со всем удовольствием согласен быть чертом и в аду жить. А вот пусть черт на моем месте поживет — узнает, как мы-то живем».

А черт — известно черт. О нем скажешь, а он тут как тут. Услыхал, как кузнец чертыхается, думает: «Постой, друг. Ты, видать, не знаешь моего житья, вот я поведу тебя в ад, будешь помнить».

Подходит черт к кузнецу и говорит:

— Здорово, кузнец, я тебя давно хотел видеть.

— А ты кто такой? — спрашивает кузнец.

Черт покрутил хвостиком, подмигнул глазком и говорит:

— Не узнаешь, что ли? Ты ж со мной меняться хотел. Вот я сам черт и есть.

Кузнецу что — черт как черт. Не любил кузнец словами долго распускаться и говорит:

— Давай меняться: я к тебе пойду — в ад то есть, а ты ко мне — в кричню. У тебя лучше.

— Ты в аду не бывал, смерти не видал, потому так говоришь.

Одно слово, черт свое и кузнец свое.

Тут черт за поперечентство осерчал на кузнеца и поволок его в ад показать мучеников да грешников, которые в котлах смоляных варятся.

Пришли в ад; черт повел кузнеца по геенне огненной, показывает ему все, а сам думает, что кузнец устрашится и назад вернется; а кузнец идет, ему хоть бы что, как дома себя чувствует. «Кому — ад, мне — рай»,— говорит. Ходили, ходили, черт и спрашивает кузнеца:

— Ну как... страшно? Видишь грешников, как они живут — в котлах смоляных кипят?

Тут кузнец осерчал да и говорит черту:

— Иди ты к своей матери — к чертовой, значит, не морочь мне голову. Пойдем, я тебе покажу ад! Дело верное, а то время тратим, а толку нет.

Потащил черта кузнец к кричне. Вот приходят. Идут по кричне, а в ней — ночь черна от пыли да от

сажи. Сто горнов горят, четыреста молотов стучат. Рабочие ходят, рожи у них как полагается — нет кожи на роже.

Кузнец идет впереди, черт позади. Тут начали сажать крицу и мастеру на лопате подавать. Искры посыпались из глаз, черт уж и дышать не может.

Тут и случись беда: кузнеца увидел хозяин и закричал:

— Ты что, черт, расхаживаешь без дела, морду побью!

А черт испугался, спрашивает кузнеца:

— Что он тут делает?

— Морды всем бить хочет и тебе побьет,— сказал кузнец, а сам хотел глянуть на черта. Только это покосил через плечо глаз, черт уже повернулся уходить.

Тут кузнец говорит черту:

— Куда ты, черт, это еще не все: ты хоть погляди, как хозяин с нами-то расправляться будет. Научись,— говорит,— с грешниками в аду обращаться.

— Нет,— говорит черт, крутнул хвостиком, и только его и видали...

Украинские

1. НЕУДАЧНАЯ КУТЬЯ

Сварила баба на рождество кутью.

Хозяин пошел с нею, чтоб три раза обойти вокруг хаты, как велит церковный обычай.

Обошел раз и стучит в окно.

Баба спрашивает:

— Кто пришел?

— Иисус Христос!

— Просим войти!

Обошел хозяин другой раз и опять стучит.

Баба снова спрашивает:

— Кто пришел?

Тот снова говорит:

— Иисус Христос!

Баба ему:

— Просим!

Обошел хозяин третий раз да как стукнет горшком о подоконник и разбил его, а кутья вылетела на снег.

Баба спрашивает:

— Кто пришел?

Хозяин отвечает:

— Черт! Иди собирай кутью на снегу!

2. ИКОНА И ТАБАК

— Здоров, кум!

— Здоров!

— Где ты был?

— На ярмарке!

— Что ты купил?

— Образ!

— А ну, покажи!

— Та, хай ему черт, не хочу разворачивать. Руки замерзли.

— Ну, тогда доставай табак, давай покурим!

— Давай!

3. БОЖЕНЬКА С ХВОСТИКОМ

Раз пришла баба в церковь с маленьким ребенком. Подошла близко к образу, на котором был нарисован ад, а на нем впереди стоял чертяка с длиннющим хвостом; баба поднесла к образу ребенка и говорит ему набожно:

— Марусенька, це́луй же боженьку в хвостик!

4. ПРОКЛЯТЫЕ СОБАКИ

Шел раз по селу чабан, и напали на него собаки. Всполошились, сбежались со всей улицы, вот-вот разорвут. А чабан задом, задом отступает от них, отсту-

пает и не заметил, как в церковь зашел. Оглянулся он (как раз служба шла — людей много) и говорит:

— Вот проклятые собаки, сколько же они сюда людей понагнали!

Белорусские

1. ЧЕРТ, МЕДВЕДЬ И ЗАЯЦ

В одной деревне жили старик со старухой, и было у них трое сыновей. Бедно они жили. Пришло время старику помирать, поделил он между сыновьями все свое добро: старшему сыну дал он ручную мельницу, среднему — пастуший рожок, а меньшому — лыко на лапти.

Когда отец умер, старший сын взял свою мельницу и пошел куда глаза глядят. Вдруг видит он: стоит у дороги избушка. Он влез на крышу, положил жернова на трубу, а сам сел и ждет. Ночью в избушку вошли разбойники, сели за стол и стали считать свои деньги, а он как загремит на крыше жерновами да кинул их в трубу. Испугались разбойники, убежали, а деньги бросили на столе. Тогда слез он с крыши, забрал себе деньги, воротился домой и зажил богато, а братьям своим не дает и хлеба.

Делать нечего, взял средний брат свой рожок и пошел путем-дорогою. Шел он, шел, вдруг видит: стоит на лесной опушке сторожка, а в той сторожке был заперт медведь. Сел он у двери и давай трубить в рожок. Медведь как заревет, даже сторожка вся затряслась.

В это самое время едет мимо барин на тройке и спрашивает:

— Ты чего здесь делаешь?

— Зверя стерегу.

— Покажи мне его!

Только он отворил дверь и заиграл в рожок, медведь как выскочит, как кинется на барина — и задрал

его. Парень же сел на тройку и ускакал. Стал он еще богаче старшего брата, а меньшого кормить не хочет.

Что тому делать? Взял он с горя свое лыко и пошел себе по дороге в дремучий лес да и забрел в большое болото. Сел он там на кочку и стал кроить лыко. Увидел черт его, вылез из болота и спрашивает:

— Ты что хочешь делать?

А тот отвечает:

— Буду тут церковь строить.

Испугался черт, побежал к своему старшому и говорит:

— Там какой-то человек хочет на нашем болоте церковь строить!

А старшой приказывает:

— Ступай скажи ему: пусть возьмет все, что захочет, только чтоб не строил тут церковь!

Пошел черт и передал, а тот говорит:

— Насыпьте мне золота полную яму, которую я выкопал.

Черти насыпали, но только жалко им стало золота. И приходит к нему черт по прозванию Могучий.

— Давай бороться. Кто кого поборет, тому и золото.

А парень отвечает:

— Вон под елкой лежит мой старый дед, ты вперед с ним поборись, а потом уж и со мной!

Подошел черт к елке, а там медведь.

— Давай бороться!

Тут как начал медведь его ломать, так тот едва ноги унес.

Прибежал он снова к старшому и жалуется, что человек уж больно силен. Тогда выслал старшой другого черта, по прозванию Быстрый. Тот приходит и говорит:

— Давай гоняться. Кто кого перегонит, тому и будут деньги.

А парень говорит:

— Вон под елкой мой сынок сидит, ты сперва с ним погоняйся.

Черт подошел к елке, а там заяц.

— Давай гоняться!

Заяц испугался и побежал. Черт кричит ему:

— Подожди, давай поровняемся!

А того уж и след простыл.

Опять пошел черт к старшому и плачется, что человек его обогнал, только, мол, его и видали!

Вышел тогда третий черт, Свистун.

— Давай, — говорит, — свистать! Кто кого пересвищет, тому и золото.

— Давай! Ну, свищи!

Черт как свистнул, так даже лес затрясся. А парень ему говорит:

— Завяжи-ка, брат, себе глаза, а не то, как я свистну, так они у тебя на лоб вылезут!

Завязал черт глаза платочком, а парень как свистнет его дубиной по уху, так тот даже завизжал.

— Давай я еще разок свистну!

— Ой, нет, братец, не свищи больше, у меня и так уж глаза на лоб вылезли. Бери себе деньги!

Тот взял деньги и зажил богаче своих братьев.

Купил я у одного мужика овса, тут и сказка вся.

2. КАК МУЖИЧОК ЧЕРТА ПЕРЕСПОРИЛ

Жил один мужичок. И такой он был работяга по топорной части — значит, плотник.

Вот ставил он одному хозяину дом, а уж к нему приходит другой и просит:

— Приходи, брат, ко мне, когда тут закончишь.

А идти до другой деревни надо было верст пять или шесть. Вот он закончил работу, рассчитался и пошел.

Прошел он без малого версты три, а навстречу ему черт:

— Здравствуй, мужичок!

— Здравствуй, незнакомый человек.

— Как так незнакомый? — удивился черт. — Ну, а ежели и незнакомый, так давай познакомимся!

— А как мы с тобой будем знакомиться? — спрашивает мужичок.

— А вот как: давай с тобой песни петь.

— Ну давай! — согласился мужичок.

Вот он запел песню, а черт ему стал подтягивать, да все не в лад. Тот и говорит черту:

— Вот что я тебе скажу: сколько нам с тобой ни петь, а мне надо к своему хозяину поспеть. Давай-ка мы лучше вот что сделаем: того, кто будет песни петь, другой на своей спине повезет!

Черт подумал-подумал да и говорит:

— Я первый запою, а ты меня вези!

Вот мужичок присел, черт на него влез и не успел начать песни, как тут же ее и кончил.

— Ну что, твоя песня вся? — спрашивает мужичок.

— Вся!

— Ну теперь ты присядь: я на тебя влезу!

Вот влез он на черта и затянул: «О-а-и-е... О-а-и-е!»

Черт спрашивает:

— Ну что, это вся твоя песня?

А мужичок отвечает:

— Как так вся? Я еще и не начинал!

Испугался черт, сбросил своего седока, а сам наутек.

А мужик бежит вслед за чертом да кричит:

— Держи его, держи!

Так и не догнал, потому что черт за облака скрылся, и пошел мужик своей дорогой.

3. МУЗЫКАНТ И ЧЕРТИ

Жил-был музыкант. С малолетства он ничего не делал, только играл. Еще хлопчиком, бывало, пасет волов или коней, сделает из лозы дудочку, как заиграет, так волы бросят пастись, развесят уши да слушают, а в лесу пташки притихнут, даже жабы не квакают. А как поведет коней в ночное — лето, ночи теплые, так и парит, приведут в дубраву коней хлопцы и девки из его села, резвятся, смеются, поют песни — ведомо, молодость, всегда весело, а музыкант как заиграет на своей дудочке, так сразу все притихнут. И кажется им, что какая-то сладость влилась им в сердце, а какая-то сила подхватила на плечи и несет все в гору и в гору, к ясным звездам, в чистое, синее, широкое небо. Сидят они, ни о чем не думают, забыли,

что руки и ноги млеют от тяжкой работы, что в животе урчит от голода. Сидят и все слушают. И хотелось бы им сидеть этак всю жизнь, слушать, как играет музыкант. Вот он замолчит. Но никто не смеет пошевельнуться, чтобы не спугнуть тот голос, что по лугам рассыпался, по дубраве, по лесу и поднимается в самое небо. Но вот заиграет музыкант жалостливо — и заплачут и лес, и дубрава, набежит тучка, и с неба слезки так и польются.

Идут поздно домой мужики и бабы, услышат ту музыку, остановятся, слушают, плачут. Словно вся их горькая жизнь перед глазами стоит, и такая их захватит печаль от той музыки, что старые, бородатые мужики плачут, как бабы над покойником или когда провожают сынков в солдаты. Но вот мало-помалу музыкант от жалостливого да на веселое свернет. Побросают мужики и бабы косы, грабли, горшки и баклаги, руки в боки и давай плясать. Пляшут малые дети, пляшут кони, пляшут кусты и лес, пляшут звезды, скачут тучки — все пляшет и смеется.

Вот какой был музыкант чародей: что захочет, то он с сердцем и делает.

Подрос музыкант, сделал себе скрипочку и пошел по белу свету. Куда ни придет — поиграет, за то его накормят, напоят как самого лучшего гостя да еще дадут на дорогу. Долго ходил так по свету музыкант, веселил добрых людей, а лихим без ножа резал по сердцу. Видят черти, что, куда музыкант ни придет, там меньше люди грешат, и давай вострить на него зубы. Идет раз музыкант через лес, а черти напустили на него двенадцать голодных волков. Стали они на дороге, стоят да зубами щелкают, а глаза горят, как горячие уголья. Нет у музыканта ничего в руках, только под мышкой в мешочке скрипка.

Думает музыкант, что тут делать, пришел, видно, ему конец. Достал он из мешочка скрипку и смычок, чтоб хотя бы еще раз напоследок поиграть, прислонился к дереву да и провел смычком по струнам. Как живая, заговорила скрипка, раздался отзвук по всему лесу. Притаился лес, и листочком не шелохнет, а волки как стояли разинувши пасти, так и окаменели: стоят да слушают, а слезы так и текут из волчьих глаз. Перестал музыкант играть, а волки словно сонные

потащились в лес. Пошел музыкант дальше. Идет он, идет, подходит к реке. Солнышко уж закатилось за лес, только еще светит на самые верхушки, словно обливает их позолотой. Тихо, ни один листок не шевельнется. Очень хорош вечер. Сел музыкант на камень на крутом берегу возле реки, достал свою скрипочку и заиграл, да так хорошо, что заслушались его и небо, и земля, и вода, и ну все плясать. Звезды мечутся, как зимою снег, тучки плавают по небу, как ласточки перед дождем, а рыба так разгулялась, что река кипит, как вода в горшке. Но вот поднялся из реки водяной царь да как начал плясать, а вода так расплескалась, что залила берег, а черти испугались и повыскакивали из воды. Видят они, что от музыканта нигде покоя нет, вот и давай они думать, как бы его загубить.

Видит музыкант, что водяной царь наделал людям беды, перестал играть, положил скрипку в мешок и хотел идти дальше, но глядь: подходят к нему два панича и просят поиграть на игрище, обещают заплатить, сколько он захочет. Вспомнил музыкант, что негде ему ночевать да и денег нет, послушал паничей и пошел с ними играть на игрище. Привели паничи музыканта в палаты. Видит он, а там панов и паненок хоть гать гати. Покуда он собирался играть, видит, что все паненки подбегают к столу, опускают пальцы в миску и мажут себе глаза. Помазал и он, да как помазал, так и видит, что это не паны, а черти и ведьмы и что он не в палатах, а в пекле. Вот и заиграл он, да так, что все пекло разлетелось в щепки, а черти разбежались по всему свету. С той поры черти боятся музыканта и больше его не трогают.

4. ЧЕРТ И БАБА

Была у одного мужика упрямая баба, все хотела по-своему сделать. Бился-бился он с ней — никак не переспорит поганую бабу. Раз ехали они по лугу и видят: одна делянка очень ладно скошена. Мужик говорит:

— Во, выголили делянку!

А баба отвечает:

— Нет, выстригли!
— Нет, выголили!
— Нет, выстригли!
Приехали к колодцу.
— Скажи, баба, «выголили», а то утоплю!
— Топи себе, все равно выстригли!

Мужик и кинул ее в колодец. А в том колодце жил черт. И так она там надоела черту за ночь, что ему показалась ночь за пять лет. Пошел утром мужик к колодцу поглядеть, жива ли баба, а она там загнала черта в угол. Увидел черт мужика и давай просить:

— Вытащи, пожалуйста, меня, добрый человек, что хочешь дам тебе!

Мужик вытянул из колодца черта и бабу.

— Ну, спасибо тебе,— говорит черт. Я пойду теперь к пану и выгоню всех вон, а ты берись меня выгнать вон из хаты. Как ты придешь, я и уйду. А пан тебе заплатит.

Бросился черт убегать от бабы и прямо на панский двор. Повыгонял всех панов со двора. Мужик пошел в корчму и говорит:

— Я слышал, что на панском дворе черти есть. Коли хочет пан, так я их выгоню.

Доложили тотчас пану. Тот зовет мужика и дает ему пятьсот целковых золота, лишь бы он выгнал со двора чертей. Мужик пошел к черту. Черт ему и говорит:

— Ну, мужик, я пойду других панов выгоню, но ты уже туда не иди, а то я тебя задушу там!

Повыгонял черт других панов со двора и стал там жить. Пан нашел мужика и говорит:

— Это ты, такой-сякой, загнал чертей мне во двор. Коли выгонишь — тысячу целковых получишь, а нет, так со света сживу!

Что тут делать мужику? И черт сказал, чтоб не показывался на глаза, и пан со света сживет. Вот поймал он большую мышь и пошел к черту. Как пришел, так сразу мышь пустил между двойными рамами. Идет к черту, а тот на мужика:

— Чего ты пришел, или я не говорил тебе?

— Да я пришел сказать, что баба та сюда бежит: коли поймаю, говорит, черта, то будет ему еще хлеще, чем в колодце.

— Ах, спасибо тебе, мужик, что ты мне сказал!

А мышь тут скреб-скреб по окну.

— Это кто скребется?

— Да это баба уже прибежала!

Черт опрометью со двора. А мужик спрашивает:

— Куда же ты теперь побежишь?

— Побегу к ксендзу во двор. А коли она узнает да будет искать меня, ты прибеги да скажи!

Побежал черт к ксендзу, выгнал его вон, а сам стал жить в ксендзовом доме. Наговорили паны ксендзу: это, мол, мужик нагнал к тебе чертей. Припугни его, так он их выгонит. Ксендз отыскал мужика и говорит:

— Ты на что нагнал мне чертей? Не жить же тебе на свете, если не выгонишь! А выгонишь, тысячу целковых заплачу.

Мужик снова поймал мышь, пустил ее между окон, а сам пошел к черту. Черт как его увидел, испугался:

— Чего ты прибежал?

— Как чего, быстрей убегай: баба бежит к тебе. «Коли будет,— сказала,— прятаться по дворам, то изведу старого черта!»

— Спасибо тебе, мужик, что ты предупредил меня. Я теперь побегу в болото: там она меня не найдет!

А мышь тут скреб-скреб по окну да как запищит. Мужик говорит:

— Скорей убегай, а то баба бежит и кричит.

Черт как пустится в болото! Только его мужик и видел. Так мужик перехитрил черта и заработал несколько тысяч денег.

5. ЗНАХАРЬ

Жил в одном селе колдун-ведьмак. Откуда только к нему не ходили люди! Он и завидки вырывал, и от всяких хвороб вылечивал, и отколдовывал, коли кому какое лихо сделано, и волков насылал, и молоко у коров отбирал. Все его боялись и угождали ему. Куда ни придет колдун-знахарь: на свадьбу ли, на крестины,— всюду его сажают в красный угол, потчуют, шапки снимают, как перед попом. А он сидит, надвинувши шапку да только глазами сверкает, как волк.

Вот раз у одного человека заболела корова. Жена хотела попросить колдуна-знахаря, чтоб пошептал, а хозяин не послушал жены — корова утром и сдохла. Горюет мужик: нету детям ни капли молока, а купить другую корову — денег нет.

Пошел мужик с горя в корчму, хотел выпить бутылку горилки. Приходит туда, а там уж сидит за столом колдун-знахарь, сидит, люльку покуривает, ждет, покуда кто полбутылки поставит.

— Что,— говорит колдун-знахарь,— несчастье, Степан?

— Несчастье.

— Это, наверное, подстроено, надо на звезды поглядеть.

— Глянь на бога, Никифор, погляди на звезды, кто это мне подстроил, чтоб ему добра не было!

— Ничего, не бойся, я отколдую,— говорит колдун-знахарь.

Поставил тут ему Степан полбутылки, а другую взял в карман и повел Никифора в свой дом. Зажарила жена яичницу, потчуют колдуна-знахаря. Напился Никифор, наелся и лег спать. Но в самую полночь встал и спрашивает Степана, спит ли он. Степан отозвался: нет, мол, не сплю.

— Спи,— говорит Никифор,— спи, ничего не бойся,— а сам пошел из хаты глядеть на звезды.

Вот назавтра чуть свет слышат: у соседей бабы голосят: самая лучшая здоровая корова вечером чего-то наелась, а к утру и подохла.

— Ну что,— говорит колдун-знахарь,— вот и отколдовал.

Тут давай эти соседи просить Никифора к себе: ласкают, угождают, потчуют. Вот так же, как и у Степана, напился, наелся у них Никифор да и лег спать. Ночью встал и спрашивает:

— Спите?

— Нет,— говорят,— не спим.

— Спите, спите, ничего не бойтесь, я только погляжу на звезды. И шмыгнул из хаты во двор. А на печке лежал хлопчик лет двенадцати, очень любопытный. Захотелось ему знать, как это Никифор глядит на звезды. Вылез он из-за печки, потихоньку вышел из хаты да притаился за углом. Видит: Никифор постоял-

постоял на улице да и пошел, озираючись, к соседу во двор. Долго стоял хлопчик, хотел уже идти в хату, да слышит: что-то у соседа в хлеву очень сильно стучит. Побежал хлопчик к соседу под окно, побарабанил в раму и говорит:

— Дядька Никита, дядька Никита, погляди-ка, что в твоем хлеву так сильно стучит?

Запалил Никита лучину, поднял работника, и пошли они в хлев. Видят: Никифор сидит на самом лучшем волу да затягивает ему горло, а вол лежит и только ногами дрыгает.

— Что ты, гад, делаешь? Вот ты как отколдовываешь? — И давай его лупцевать чем попало. Подняли крик, сбежалось полсела. Насилу спасли вола, а Никифора, колдуна-знахаря, так прибили, что думали, он уж больше не встанет. Но живуч он, гад, как кот: полежал малость без памяти, а потом очухался, достал из кармана бутылку водки, потянул из горлышка и на ноги поднялся. Видит: выкинули его за плетень, как падаль, вот и пополз он потихоньку восвояси. Там, наверное, отлежался и совсем поправился. Да только с той поры хватит колдовать да отколдовывать. Вот как Никифор — колдун-знахарь глядел на звезды, заколдовывал да отколдовывал.

Пословицы и поговорки

Русские

Монах говорит: сатана соблазнил (яйцо на свече испечь), а черт говорит: и сам впервые вижу.
Не наше дело попа учить, пусть его черт учит.
Святой да божий, на черта похожий.
Богу свечка, а черту две.
И черт под старость в монахи пошел.
Мужик хитрее черта.
Поп свое, а черт свое.
Никто беса не видел, а все его ругают.
Заступил черту дверь, а он в окно.
Мужик лишь пиво заварил, а черт с ведром.
Бес беса хвалит.
Ни богу свечка, ни черту кочерга.
Копил, копил да черта и купил.
Богу молись, а черта не гневи.
Не так черт страшен, как его малюют.
На черта только слава, а монах поросенка съел.

Украинские

Что поп, что черт — один сорт.
Что поп, что ксендз, что нечистая сила: все из мужика тянут.
Сверху святой и божий, а внутри на черта похожий.
Поп в форточку, а черт в дырочку.
Куда поп с крестом, туда черт с копытом.
Богу клянется, а черту душу продает.
Варил черт с попом пиво, да и от пивной гущи отказался.

Белорусские

Глуп мужик, как ворона, а хитер, как черт.
— Кто идет? — Черт. — Хорошо, что не поп.
Пусть то бог ест, что черт даст.
Попы и черти — одной шерсти.
Чертову грязь и святые не высушат.
Колдун не лечит, а калечит.

СВ ПЕТР
РАЙ И АД

Сказки и остроты

Русские

1. СОЛДАТ И СМЕРТЬ

Один солдат прослужил двадцать пять лет, а отставки ему нет как нет! Стал он думать да гадать: «Что такое значит? Прослужил я богу и великому государю двадцать пять лет, в штрафах не бывал, а в отставку не пущают; дай пойду куда глаза глядят!»

Думал-думал и убежал. Вот ходил он день, и другой, и третий и повстречался с господом. Господь его спрашивает:

— Куда идешь, служба?

— Господи, прослужил я двадцать пять лет верою и правдою, вижу: отставки не дают — вот я и убежал; иду теперь куда глаза глядят!

— Ну, коли ты прослужил двадцать пять лет верою и правдою, так ступай в рай — в царство небесное.

Солдат замолчал. Опять ходил он, ходил по райским местам, подошел в другой раз к святым отцам и спрашивает:

— Не продают ли где близко вина?

— Ах ты, служба-служба! Какое тут вино! Здесь рай, царство небесное!..

— Какой тут рай: ни табаку, ни вина! — сказал солдат и ушел вон из рая.

Идет себе да идет, и попался опять навстречу господу.

— В какой — говорит,— рай послал ты меня, господи? Ни табаку, ни вина нет!

— Ну, ступай по левую руку,— отвечает господь,— там все есть!

Солдат повернулся налево и пустился в дорогу. Бежит нечистая сила:

— Что угодно, господин служба?

— Погоди спрашивать; дай прежде место, тогда и разговаривай.

Вот привели солдата в пекло.

— А что, табак есть? — спрашивает он у нечистой силы.

— Есть, служивый!

— А вино есть?

— И вино есть!

— Подавай всего!

Подали ему нечистые трубку с табаком и полуштоф перцовки.

Солдат пьет-гуляет, трубку покуривает, радехонек стал: вот взаправду рай так рай!

Да недолго погулял солдат. Стали его черти со всех сторон прижимать, тошно ему пришлося! Что делать? Пустился на выдумки, сделал сажень, настрогал колышков и давай мерить: отмерит сажень — и вобьет колышек. Подскочил к нему черт:

— Что ты, служба, делаешь?

— Разве ты ослеп? Не видишь, что ли? Хочу монастырь построить.

Как бросился черт к своему дедушке:

— Погляди-тка, дедушка, солдат хочет у нас монастырь строить!

Дед вскочил и сам побежал к солдату.

— Что,— говорит,— ты делаешь?

— Разве не видишь? Хочу монастырь строить.

Дед испугался и побежал прямо к богу:

— Господи, какого солдата прислал ты в пекло: хочет монастырь у нас построить!

— А мне что за дело! Зачем таких к себе принимаете?

— Господи! Возьми его оттедова.

— А как его взять-то! Сам пожелал.

— Ахти! — завопил дед.— Что же нам, бедным, с ним делать?

— Ступай сдери с чертенка кожу и натяни барабан да после выйди из пекла и бей тревогу: он сам уйдет!

Воротился дед, поймал чертенка, содрал с него кожу, натянул барабан.

— Смотрите же,— наказывает чертям,— как выскочит солдат из пекла, сейчас же запирайте ворота крепко-накрепко, а то как бы опять сюда не ворвался!

Вышел дед за ворота и забил тревогу; солдат, как услыхал барабанный бой, пустился бежать из ада сломя голову, словно бешеный; всех чертей распугал и выскочил за ворота. Только выскочил, ворота — хлоп и заперлися крепко-накрепко. Солдат осмотрелся кругом: никого не видать, и тревоги не слыхать; пошел назад и давай стучаться в пекло.

— Отворяйте, скорее! — кричит во все горло.— Не то ворота сломаю!

— Нет, брат, не сломаешь! — говорят черти.— Ступай себе куда хочешь, а мы тебя не пустим; мы и так насилу тебя выжили!

Повесил солдат голову и побрел куда глаза глядят. Шел-шел и повстречал господа.

— Куда идешь, служба?

— И сам не знаю!

— Ну, куда я тебя дену? Послал в рай — нехорошо! Послал в ад — и там не ужился!

— Господи, поставь меня у своих дверей на часах.

— Ну, становись.

Стал солдат на часы. Вот пришла Смерть.

— Куда идешь? — спрашивает часовой.

Смерть отвечает:

— Иду к господу за повелением, кого морить мне прикажет.

— Погоди, я пойду спрошу.

Пошел и спрашивает:

— Господи! Смерть пришла, кого морить укажешь?

— Скажи ей, чтоб три года морила самый старый люд.

Солдат думает себе: «Эдак, пожалуй, она отца моего и мать уморит: ведь они старики».

Вышел и говорит Смерти:

— Ступай по лесам и три года точи самые старые дубы.

Заплакала Смерть:

— За что господь на меня прогневался, посылает дубы точить!

И побрела по лесам, три года точила самые старые дубы; а как изошло время — воротилась опять к богу за повелением.

— Зачем притащилась? — спрашивает солдат.

— За повелением, кого морить господь прикажет.

— Погоди, я пойду спрошу.

Опять пошел и спрашивает:

— Господи! Смерть пришла, кого морить укажешь?

— Скажи ей, чтоб три года морила молодой народ.

Солдат думает себе: «Эдак, пожалуй, она братьев моих уморит!»

Вышел и говорит Смерти:

— Ступай опять по тем же лесам и целых три года точи молодые дубы; так господь приказал!

— За что это господь на меня прогневался!

Заплакала Смерть и пошла по лесам, три года точила все молодые дубы, а как изошло время — идет к богу, едва ноги тащит.

— Куда? — спрашивает солдат.

— К господу за повелением, кого морить прикажет.

— Погоди, я пойду спрошу.

Опять пошел и спрашивает:

— Господи! Смерть пришла, кого морить укажешь?

— Скажи ей, чтоб три года младенцев морила.

Солдат думает себе: «У моих братьев есть ребятки: эдак, пожалуй, она их уморит!»

Вышел и говорит Смерти:

— Ступай опять по тем же лесам и целых три года гложи самые малые дубки.

— За что господь меня мучает! — заплакала Смерть и пошла по лесам, три года глодала самые что ни есть малые дубки; а как изошло время — идет опять к богу, едва ноги передвигает.

— Ну, теперь хоть подерусь с солдатом, а сама дойду до господа! За что так девять лет он меня наказует?

Солдат увидал Смерть и окликает:

— Куда идешь?

Смерть молчит, лезет на крыльцо. Солдат ухватил ее за шиворот, не пускает. И подняли они такой шум, что господь услыхал и вышел:

— Что такое?

Смерть упала в ноги:

— Господи, за что на меня прогневался? Мучилась я целых девять лет: все по лесам таскалась, три года точила старые дубы, три года точила молодые дубы, а три года глодала самые малые дубки... еле ноги таскаю!

— Это все ты! — сказал господь солдату.

— Виноват, господи!

— Ну, ступай же, за это носи девять лет Смерть на закортышках (на плечах).

Засела Смерть на солдата верхом. Солдат — делать нечего — повез ее на себе; вез-вез — и уморился; вытащил рог с табаком и стал нюхать. Смерть увидала, что солдат нюхает, и говорит ему:

— Служивый, дай и мне понюхать табачку.

— Вот те на! Полезай в рожок да и нюхай сколько душе угодно.

— Ну, открой-ка свой рожок!

Солдат открыл, и только Смерть туда влезла — он в ту ж минуту закрыл рожок и заткнул его за голенище. Пришел опять на старое место и стал на часы. Увидал его господь и спрашивает:

— А Смерть где?

— Со мною.

— Где с тобою?

— Нет, господи, не покажу, пока девять лет не выйдет; шутка ли ее носить на закортышках! Ведь она не легка!

— Покажи, я тебя прощаю!

Солдат вытащил рожок, и только открыл его, Смерть тотчас и села ему на плечи.

— Слезай, коли не сумела ездить,— сказал господь.

Смерть слезла.

— Умори же теперь солдата! — приказал ей господь и пошел куда знал.

— Ну, солдат! — говорит Смерть.— Слышал: тебя господь велел уморить!

— Что ж? Надо когда-нибудь умирать! Дай только мне исправиться.

— Ну, исправься!

Солдат надел чистое белье и притащил гроб.

— Готов? — спрашивает Смерть.

— Совсем готов!

— Ну, ложись в гроб!

Солдат лег спиной кверху.

— Не так! — говорит Смерть.

— А как же? — спрашивает солдат и улегся на бок.

— Да все не так!

— На тебя умереть-то не угодишь! — и улегся на другой бок.

— Ах, какой ты, право! Разве не видал, как умирают?

— То-то и есть, что не видал!

— Пусти, я тебе покажу.

Солдат выскочил из гроба, а Смерть легла на его место.

Тут солдат ухватил крышку, накрыл поскорее гроб и наколотил на него железные обручи; как наколотил обручи — сейчас же поднял гроб на плечи и стащил в реку. Стащил в реку, воротился на прежнее место и стал на часы. Господь увидал его и спрашивает:

— Где же Смерть?

— Я пустил ее в реку.

Господь глянул — а она далеко плывет по воде. Выпустил ее господь на волю.

— Что ж ты солдата не уморила?

— Вишь, он какой хитрый! С ним ничего не сделаешь...

2. КАК НА ТОМ СВЕТЕ РАБОТНИК СКУПОГО БАРИНА ВЫЗВОЛЯЛ

Жил на белом свете, говаривали старики, какой-то барин. И было у этого барина поле заколдованное. Коли будешь один жать, ввек снопа одного не свяжешь, а беспременно надо вдвоем. Приходит раз к барину один человек, поесть просит, а барин жадный был, скупердяй, и говорит:

— Коли хошь есть, иди да и нажни сноп, а сжавши, обмолоти, тогда и ешь.

А человек-то и не ведал, что поле бариново заколдовано. Целый день жал, а снопа не нажал. Потому без подмоги. Так и лег голодный. И на другой день жнет, а снопа не нажать, хошь матушку-спасительницу призывай. Видит — уже солнышко за лес закатывается, а снопа все нет.

— Свет, красное солнышко! Микола, святой батюшка! Егорий-победоносец! Помоги нажать.

И на второй день лег голодный спать. А есть хоцца. И на третий день вышел человек в поле. Сжалилась над ним одна жница, порассказала чистую правду об том поле и помогла нажать сноп. И так прилюбилась человеку тая жница, стал просить у барина, чтобы повенчаться дозволил. А барин кричит:

— Коли будешь у меня работником да отслужишь верой-правдой шестнадцать лет — отпущу бабу замуж, а не отслужишь — ни с чем уйдешь.

Проработал работник барину верой-правдой шестнадцать лет, и жалко стало барину своей работницы, и задал он ему загадку.

— Пропаси,— говорит,— моих зайцев в лесу целый день, а к вечеру домой пригони, а ежели хоть один заяц домой не придет, то и голова у тебя с плеч.

Затужил работник и идет к невесте. А она ему в ответ:

— Не тужи,— говорит,— на вот тебе сопелочку: как скроется солнце, заиграй на сопелочке, зайцы-то сами и забегут во двор. А чтобы барин мне худа какого не сделал, обкрути,— говорит,— меня через левое плечо.

Взял он сопелочку, перекрутил невесту через левое плечо, и оборотилась она в кирпичину. Выпустил барин зайцев. Как выскочили зайцы, да в лес наутек. Лови их.

«Ну,— думает работник,— распропала моя бедная головушка!»

Одначе, как вечер пришел, заиграл работник в сопелочку, а зайцы построились в ряды, как будто солдаты, а работник впереди, будто командир какой. Сосчитал барин зайцев — видит: все целы.

И загадал он вторую загадку, мудрей первой.

— Хочу,— говорит,— чтобы мост в одну ночь построить, а к утру чтоб езда была.

Больше прежнего затужил работник и опять идет к своей невесте.

— Ну,— говорит невеста,— это еще не беда, беда впереди будет! На вот тебе,— дает,— палочку-татарочку: как выйдешь на речку, знай по дну стучи да кричи: «Эй, домовые, водяные и шишки лесовые, живо за работу!» А там вот увидишь, что будет.

Оборотил невесту через правое плечо, а она решетом оборотилась, что муку сеют. Вышел он на берег, стукочет палкой-татаркой по дну да вопит:

— Эй, домовые, водяные и шишки лесовые, живо за работу!

Понаскочило домовых да лесовых: кто рубит, кто стругает, кто сваи забивает, а к утру мост готов,— возьми да и езди.

— Ну, счастье твое,— говорит барин,— а только одну еще загадку угадай остатнюю. Сходи-ка ты, добрый молодец, на тот свет да узнай у батюшки, где он клад схоронил. Коли узнаешь — половину клада получишь, а не узнаешь — башка с плеч долой. А чтобы ты меня не обманул, управляющего своего дам в товарищи.

Больше других разов затужил работник и опять идет к невесте.

— Да,— говорит невеста,— это задача тяжельше других... На вот тебе,— говорит,— клубочек: куда он покатится, и ты за ним иди следом; и на тебе еще платочек, передай его моей середней сестрице, в мужьях у ней светлый месяц,— може, она что поможет. А меня перекинь через голову, я в торбину с кусовьем оборочусь.

И пошел за клубочком работник. И привел его клубочек в царство пресветлого месяца. Покуль хозяина дома не было,— караулить он пошел на ночь,— а женка месяцева и говорит:

— Не могу я помочь тебе, а дам я тебе клубочек да шелковый платочек, и дай ты этот платочек моей старшей сестре. А в мужьях у ней красное солнце, може, она в чем поможет.

Пришел с караула месяц, и до того он полюбил работника, и работник месяца полюбил. На другую ночь за месяца караулить на небе взялся. А месяцу-то на руку, чего ночь не поспать! Дошел до середки неба, видит — Егорий, на паству выехавши, сам в кустах спит, а конь просто пасется. Вспомянул, как его дарма просил сноп в бариновом поле нажать, думает:

— Я тебя выучу!

И давай Егория палкой колышматить. Егорий как вдарил бежать, и коня оставил; а работник за ним. Видит — Миколай-угодник куда-то идет. Он к Мико-

лаю. Миколай от него. Подобрал подрясник, потуда его и видали; узнал работника-то Миколай. Пришедши с караулу, и рассказывает месяцу. А тот смеется.

На третий день ушел работник, а привел его клубочек в царство красного солнышка, а управляющий все с ним идет рядом да пыхтит,— толст дюже был. Вручил солнцевой жене платочек и докладывает все как есть.

— Могу,— говорит,— помочь, только надо сначала у мужика моего допытаться.

Пришло солнце, баба блинов напекла, ужинать сели.

— Могу,— говорит,— помочь, коли завтра за меня по небу походишь.

— Могу,— говорит работник.

— Только,— говорит солнце,— как дойдешь до середки неба, увидишь там стол, а на том столе кружка с водой и просвирка. Так ты,— бает,— коли есть захочешь, половину мне оставь, не то на другой день без еды меня оставишь.

— Ладно, будь покоен,— говорит работник,— в самом аккурате будет.

А сам думает:

— Не больно-то послушался, когда я тебя просил на бариновом поле!

Дошел до середины неба и видит все как есть: и стол, а на столе кружка с водой и просвирка. Взял да и съел все, а к вечеру домой воротился.

— Вот что,— говорит солнце,— иди ты сегодня в полночь на перекресток, схоронись за столб, а сам нишкни. И аккурат в полночь черти поедут,— кажинную у бога ночь они богачей объезжают. Как поровняются черти со столбом, выскочи из-за столба, выбей из хомута крайнего коня, а заместо его своего управляющего в хомут втисни. А там увидишь, что будет.

И вот аккурат в полночь слышит работник, как во весь дух четверка едет, а в тарантасе черти сидят, в балалайки играют, в заслонки бьют, а коней тех хлещут нещадно. И только эти поровнялись со столбом, выскочил работник, дерг крайнего коня, а черти и обпамятоваться не успели, как разом всадил в хомут управляющего. Черти погнали, а конь в баринова отца обернулся.

Плачет, кричит:

— Кажинну ночь так ездят на богачах, а приехавши, воду заставляют возить. А все из-за богатства, которое зря зарыли. Ворочайся,— бает,— живей, все мое богатство зарыто в переднем углу под киотом; а за то, что ты освободил меня теперь от муки, возьми половину богатства.

А черти уж обратно едут. Управляющего оставили, а барина опять впрягли.

А управляющий еле дышит.

Воротился работник к барину, а барин глазам своим не верит. Только когда клад отрыли, поверил.

Зависть забрала барина, не хочет отдавать половину добра. А в сундуках доверху червонное золото набито. Работник говорит:

— Спроси управляющего.

— Да где же он?

— Да глянь.

Ажно обомлел барин. Посылал жирного, с брюхом, а теперь моща мощой.

— Вот,— говорит,— барин, один часок черти поездили, да и то высох. А каково было твоему батюшке! Ох, тяжело там скупердяям! Не тянись и отдай половину...

Ужаснулся барин и все золото отдал своему работнику. А работник пошел в избу, перекинул через голову торбину с кусовьем, а она в бабу обратилась. А потом они обвенчались. Тут и сказке конец.

3. БАБА И ЗМЕЙ

Одна баба, ставя по праздникам свечу перед образом Георгия Победоносца, завсегда показывала змию кукиш: «Вот тебе, Егорий, свечка; а тебе шиш, окаянному!» Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел, явился к ней во сне и стал стращать: «Ну, уж попадись ты только мне в ад, натерпишься муки!» После того баба ставила по свечке и Егорию и змию. Люди и спрашивают, зачем она это делает. «Да как же, родимые! Ведь не знамо еще, куда попадешь: либо в рай, либо в ад!»

Украинские

1. КАК ПОПАСТЬ В РАЙ

После обедни голова церковного совета вышел на амвон и обратился с речью к прихожанам:

— Православные, все вы утруждаете батюшку, все вы просите, чтоб он за вас помолился. И батюшка молится, и хорошо молится; иногда даже пот капает, особенно это бывает летом. А хата у батюшки пооблупилась, а земляной пол повыбивался, а в сенях смрад стоит...

Можем ли мы допустить, чтоб ваш святитель и наставник на виду у бога жил в таком хлеву?

Собирайтесь вы часа на три, утеплите хату, поправьте полы.

А оно на том свете и зачтется вам. Аминь!

А из толпы кто-то говорит:

— А не тесно ли будет в раю? Если за то, чтоб поправить у попа полы,— в рай, за то, чтоб подстричь святую бороду,— в рай, за то, чтоб залатать поповские штаны,— тоже в рай?

2. ПРАВЕДНАЯ БАБУНЯ

Очень долго жила себе праведная бабуня. Она исполняла все законы всю свою жизнь: исповедовалась каждый пост, ходила на отпущение, в понедельник постилась, в пятницу холста не золила, в субботу не пела, в воскресенье в баню не ходила.

И так хорошо она знала все законы, что не было, кажется, такого, который бы она не исполняла.

Когда пришел час умирать, она была совсем спокойна, потому что душа ее покаялась во всех грехах, была чиста и готова к этому страшному часу.

Вот она умерла, и ее похоронили. Когда она пришла на тот свет, то повернула на ту дорогу, по которой

нужно идти в рай. Каких святых она ни встречала, все ей говорят:

— Бабуся, ты праведная, иди в рай прямехонько по этой дороге. Там для тебя давно уже есть место.

А нечистый тем временем все хвостом вертел да усмехался, издали поглядывая на бабуню.

Вот она приходит к райским воротам и просит святых Петра и Павла пустить ее в рай.

Святые Петр и Павел говорят:

— Мы б радехоньки пустить тебя, бабуня, в рай, но ты в одном грехе не покаялась.

Она даже в лице переменилась и стала спрашивать:

— В каком?

Тогда они взяли из шкафа здоровенную книгу и прочитали:

«Когда бабуня была молода, законов еще хорошо не знала, то в масленицу лен пряла».

Тут бабуня и сама вспомнила, что был такой грех, и начала очень убиваться, что не может войти в рай: хоть бы грех был настоящий, а то и грех-то не велик.

А святые Петр и Павел пожалели бабуню и говорят:

— Не печалься, бабуня, что нельзя тебе войти в рай. Садись возле райских дверей на камушек и жди: как пойдет какой-нибудь поп в рай, попроси его хорошенько, он тебя освободит от греха, и мы пустим тебя в рай.

Бабуня послушалась, села на камешек, но там, она, бедная, сидит и до сих пор. Сидит, ждет, но ни один поп не идет в рай.

3. У РАЙСКИХ ВОРОТ

Умер бедный гуцул[1] с голоду и оставил в пустой холодной хате жену и кучу малых детей. Вот незаметно подходит он к райским воротам, но тут загородил ему дорогу святой Петр со связкой ключей в руках:

— Куда ты так разогнался, голубчик? Не видишь, за тобой поважнее идут.

[1] Гуцул — житель Закарпатской Украины.

Оглянулся гуцул и узнал помещика из соседнего села, у которого прошлый год косил сено. Поклонился ему до самых ног, но тот поглядел на него неуважительно, свысока, как на земле. Дальше стояли знакомый фабрикант, судья и много других в дорогих мехах, которых он впервые видел. Пришлось гуцулу стать на самом конце длинной очереди в рай.

На страже у входа стояли два ангела с огненными мечами в руках. Вот Петр начал впускать в рай по одной душе. Первым подошел судья.

— Какие имеешь заслуги? — спросил небесный ключник.

— За свою жизнь я засудил сотни вольнодумцев, бунтарей, но, если сказать по правде, был я часто несправедливый, судил гораздо строже, чем позволял закон...

— Ничего, ничего, — перебил его святой Петр, — с ними нужно как раз построже. Пожалуйте, господин судья, в рай.

Подходит граф.

— А вы, господин граф, чем заслужили царство небесное?

— Я держал твердой рукою до последнего своего вздоха тысячу холопов, они только и думали про бунт против бога и пана. Правда, иногда мои гайдуки засекали одного-другого хама насмерть...

— А это и надо, надо для науки некоторым. Жалко, что вас господь скоро забрал с такого важного места на земле.

— Не печальтесь, святой Петр, я оставил достойного наследника. Шестьдесят лет такого труда для меня достаточно.

— Ну, тогда прошу, господин граф, в рай.

Наконец пришла очередь и до гуцула.

— А ты кто такой будешь? — спросил строго Петр, с недоверием приглядываясь к его оборванной одежде.

— Я гуцул. С голоду умер.

Святой Петр отскочил от него и сейчас же приказал ангелам не пускать в рай таких людей.

4. ПАН СОГЛАСЕН БЫТЬ В АДУ, ЛИШЬ БЫ С ПАНАМИ

Однажды бернардин[1] поехал к одному пану просить для монастыря пожертвований. Приезжает к нему. Тот дает ему есть, пить, а потом и спрашивает:

— Ну, скажи мне, бернардин, что мне за то будет, если я дам на ваш монастырь?

Тот говорит:

— А что же будет? Царство небесное.

— А кто же там будет?

— Да все те будут, что тут бедствуют.

— Как это? Мужики и нищие?

— А как же, паночек? Будут!

— Так ты что! Хочешь меня осрамить, посадить между мужиками?! Давайте лоз!

Всыпали бернардину сто лоз и выгнали со двора. Уехал он. По дороге встретился ему монах из того же монастыря. Рассказал бернардин ему обо всем. Монах и говорит:

— Вот видишь? Ты получил сто лоз, а я возьму много милостыни!

Взял и поехал. Приезжает к пану. Первый день пан принимает его как гостя, а на другой день задает ему те же вопросы. Монах говорит:

— В небе-то будут мужики, калеки и все паскудство, что тут бедствует, а в аду будут сами князья, графы, великие паны: лучше и пану быть в компании с ними.

— О, ты правду говоришь, бернардин! Лучше быть в аду с панами, чем в раю с мужиками.

Тут же приказал пан наложить для монастыря несколько возов провизии и отвезти ее в монастырь.

5. ПАНЫ В АДУ

Идет бедный мужик по дороге, а навстречу ему едет пан на шестерке.

— Откуда ты, человек? — спрашивает пан.

[1] Бернардин (бернардинец) — член католического монашеского ордена.

— С того света,— отвечает мужик.

— А что наши отцы там делают?

— А что же, ясновельможный пан! Панам всюду хорошо: в котлах сидят, трубки курят, а бедный мужик дрова рубит да под панами огонь разводит.

6. БОЖЕ СОХРАНИ

Разыгралась на море буря. Свищет ветер, сверкают молнии, волны захлестывают корабль.

— Ну, что же, батюшка,— спрашивает один из пассажиров, стоя на палубе,— наверно, будем сегодня в раю?!

— Боже меня сохрани! — испугался батюшка.

Белорусские

1. СОЛДАТ НИ В РАЮ, НИ В ПЕКЛЕ

Помер когда-то один солдат. На том свете привели его ангелы к раю. Солдат спрашивает:

— Что это?

— Рай!

— Водка есть?

— Нет, нету!

— Табак есть?

— Нет, нету!

— Ну, так какой же это рай? Не пойду!

Ангелы сдали его на руки чертям. Приводят те солдата к пеклу.

— Что это?

— Ад!

— Водка есть?

— Есть!

— Табак есть?

— Есть!

— Ну, вот это рай!

Черти отперли двери да его туда и втолкнули. Ворочается солдат в пекле. Жарко! Опомнился он и стал в стены гвозди забивать. На одном повесил шинель, на другом — мундир, на третьем — ранец, дальше — шапку, амуницию. Все стены позанимал. И давай чертей под бока штыком колоть, гоняет их по пеклу! Некуда им деваться. Построили они звонницу и давай звонить!

— Солдат, ваши звонят!

— Да пускай звонят, покуда охота не пропадет: мне и тут хорошо! Солдат не слушается звона — солдат слушается царского зова.

Убили тогда черти собаку, напялили кожу на барабан, да и давай бить:

— Солдат, ваши в барабан бьют!

Солдат оделся и побежал. Выскочил из пекла, огляделся: позабыл ремень. Подскочил он к дверям, а они уже заперты. Вот он и давай штыком ковырять двери.

— А ну, открой, возьму ремень, а то двери разломаю!

Черти выкинули ему ремень. Пошел солдат, видит: ничего нет. Так и остался солдат ни при чем: ни в раю, ни в пекле.

2. КАК ПЬЯНИЦА В РАЙ ПОПАЛ

Подходит пьяница к царству небесному, в дверь стучится:

— Отоприте!

У апостола Петра ключи от царства небесного; услышав стук, он подходит к двери.

— Кто здесь?

— Да я.

— Кто ты?

— Пьяница. Пустите меня в царство небесное.

— Здесь пьяницам не место, нельзя.

— А ты кто такой, что меня не пускаешь?

— Я апостол Петр.

— Знаю я тебя, ты тот, кто от Христа отрекся, не успел петух три раза пропеть... Я все, брат, знаю.

Нечего возразить Петру на это, вернулся он обратно, пришел к Павлу.

— Иди, Павел, поговори с ним.

Подходит Павел к двери.

— Кто здесь?

— Я, пьяница. Пусти меня в царство небесное.

— Здесь пьяниц не принимают.

— А ты кто такой, что меня не хочешь пускать?

— Я апостол Павел.

— А, Павел! Знаю, это тот самый, который гнал Христа от Иерусалима до Дамаска, а теперь ты уже в раю.

Нечего Павлу сказать на это, вернулся он обратно и рассказал обо всем Петру.

Говорит Петр:

— Ну, пошлем евангелиста Иоанна: он от Христа ни разу не отрекался, пусть с ним и поговорит.

Подходит к двери Иоанн.

— Кто тут?

— Я, пьяница. Пусти меня в царство небесное.

— Ах ты, пьяница, да еще просишься в рай! Таких сюда не пускают.

— А ты кто такой, что не хочешь меня пускать?

— Я евангелист Иоанн!

— А, ты евангелист! Зачем же вы обманываете людей? Вы написали в евангелии: «Стучите — и откроют вам, просите — и получите». Разве это не обман? Я часа два стою и стучу, а мне не открывают. Если меня сейчас же не пустишь в царство небесное, я вернусь на белый свет и скажу людям, что вы написали в евангелии неправду.

Испугался Иоанн и пустил пьяницу в царство небесное.

3. КАК ЧЕРТИ ПЬЯНИЦУ ПРОГНАЛИ ИЗ ПЕКЛА

Угодил пьяница в пекло.

Дали ему черти варить в котле триста грешных душ.

А за эти души на этом свете усердно молились их родные.

Приходит к пьянице за этими душами ангел:

— Отдай мне эти триста душ!

Пьяница не отдает.

Тут ангел смекнул, что нужно пьянице, и через некоторое время приносит ему полштофа водки.

Взял пьяница у ангела водку и давай ее цедить глоток за глотком. Выцедил всю до капельки, опьянел и выпустил из котла души грешников.

Приходят черти, глядят — душ-то и нет!

— Где души? — спрашивают они у пьяницы.

Пьяница молчит (язык-то не слушается), только палец ко рту подносит, показывает, где души.

Перепугались черти:

— Ах, обжора! За каких-нибудь два часа слопал триста душ, да он так весь ад опустошит, ни одного грешника нам на мучение не оставит. Гоните его взашей!

Вытолкали пьяницу из ада. Деваться ему некуда — ну и пустили его в рай.

4. СМЕРТЬ

Жили-были дед да баба. Жили они очень долго, а им казалось, что прожили мало.

Пока бог давал здоровья, им жилось так, что они и не замечали, как время шло, вот и казалось им, что жизнь у них была короткая. Под старость начало все болеть: кости трещат, спину ломит, руки и ноги ноют, кашель душит, глаза не видят, уши не слышат, да и в еде вкуса нет. Есть хочется, а положи в рот хоть меду — душа не принимает.

Охают да стонут дед с бабой. Тяжело им жить на старости лет без подмоги.

Были у них и детки, и внуки, да все померли. Вот и пришлось им вдвоем век коротать.

Один лежит на печи да жалуется, что бог смерти не дает. Другой стонет на постели и бога ругает, что тот и молодых людей прибирает, а на старсти лет и умереть нельзя, место освободить.

Совсем одряхлели дед с бабой, а все живут и живут. Вот как-то к лету вышли дед с бабой из хаты, сидят на завалинке и на солнце греются.

На улице куры копошатся, свиньи роются, в лужах купаются, гуси траву через плетень щиплют, дети песок пересыпают да оладьи лепят.

Солнце печет, а дед с бабою в шубах сидят, да и то им холодно.

Подошел к ним сосед и спрашивает про здоровье.

— Ой, какое наше здоровье,— отвечает дед.— Чем так жить — лучше в земле гнить, да бог смерти не дает.

— Эх, дед,— говорит сосед,— не греши! Жить горько, а помирать еще горше.

Тут баба стала жаловаться, что бог от них отступился, не дает смерти, не опрастывает землю. Откуда ни возьмись — подбежал к соседу его сынишка и давай ласкаться да просить:

— Батенька, сделай мне хатку!

— Ладно, сынок, сделаю тебе хатку,— отвечает отец и гладит сына по кудряшкам.

Баба повеселела и тоже приласкала мальчика. Взглянул дед на бабу и вспомнил, как она своих детей нянчила. И так стало радостно ему, что он и сам приласкал мальчика.

Вот начал сосед из щепок хатку строить, а дед с бабой сидят на завалинке, посматривают на его сынишку да слушают, как он щебечет.

Вдруг подошел к бабе гусь и давай ее за шубу щипать.

— Чего он привязался? — спрашивает баба.

А сосед и говорит:

— Это за тобой смерть пришла.

Испугалась баба, гонит от себя гуся и кричит:

— Иди к деду!

А дед кричит:

— Иди к бабе!

Вот они и гоняют гуся один к другому — никому помирать не хочется.

Засмеялся сосед, отогнал гуся и говорит:

— Жить горько, а помирать еще горше.

Пословицы и поговорки

Русские

Где хлеба край, там и под елью рай, а как хлеба ни куска, так везде тоска.
Пусти душу в ад, будешь богат.
И в аду обживешься,— так ничего, жить можно.
Без бороды и в рай не пустят.
Мы и в аду служить будем на бар: они будут в котле кипеть, а мы дрова подкладывать.

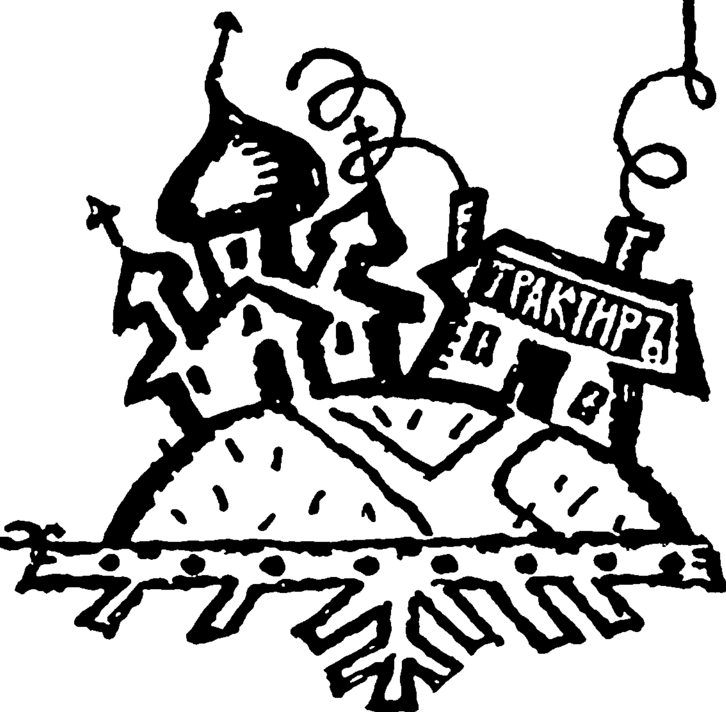
Украинские

Не жди избавления с неба, добывай больше хлеба.
Без веры в небо — добыли много хлеба.
Не верь в рай — больше хлеба собирай.
Если захотим, то и небо покорим.
Повышай урожай — не надейся на рай.
Ни в аду, ни в раю нам делать нечего.

Белорусские

Богатому и в аду хорошо.
Рай и ад нужны тому, кто богат.
Небо не дает хлеба.
Небо-то небо, но ведь нужно и хлеба.
Никто на том свете не бывал.
Бедняку рай не нужен.

Церковь и богослужение

Сказки и остроты

Русские

1. ЦАРЬ ИВАН ГРОЗНЫЙ И ДЕРЕВЕНСКИЙ ШИБАРША[1]

Вечером раз царь Иван Васильевич пошел сам гулять, навстречу ему попался шибарша и окликал его:

— Кто-де идет?

И царь Иван Васильевич сказал:

— Я-де московский скосарь.

И сам его окликал, и шибарша сказался:

— Я-де деревенский лабза.

И шибарша говорил:

— Московский скосарь, куда идешь?

И царь Иван Васильевич сказал ему:

— Гулять-де иду. А ты-де, деревенский лабза, куда идешь?

И он сказал ему:

— Я-де воровать иду.

И царь Иван Васильевич спросил его:

— Куда-де идешь воровать-то?

И он сказал ему:

— Я-де в Москву иду.

И московский скосарь деревенскому лабзе говорил:

— Возьми-де с собой воровать.

И деревенский лабза говорил же:

— Куды-де нам идти воровать-то?

[1] Шибарша — деревенский бродяга.

И московский скосарь говорил же:

— Пошли-де к царю Ивану Васильевичу воровать.

И деревенский лабза ударил его в щеку и говорил:

— Не думай-де на нашего царя Ивана Васильевича лиха, он-де до нас милостив, поит нас и кормит и всех жалует, пошли-де к главному министру воровать.

И пошли вместе. И шибарша, пришедши к главному министру на окошко, и слушал, и министр жене своей говорил:

— Жена-де, сделай мне лютого зелья.

И жена ж спросила его:

— На что-де тебе?

И он сказал ей:

— Утре-де ко мне государь будет кушать, я-де ему поднесу чашку лютого зелья, и он-де выпьет, и ему-де от этого смерть случится.

И шибарша, вскоча с окна, московскому скосарю говорил:

— Полно-де, брат, воровать.

И пошли по домам, и московский же скосарь деревенскому лабзе говорил:

— Приди-де ты ко мне ко заутрене.

Деревенский лабза ко заутрене пришел, и стали с московским скосарем вместе, и вышедший архиерей говорил:

— Доселе-де царь Иван Васильевич воров выискивал, а нонче-де сам с ворами знается.

Московский скосарь деревенскому лабзе говорил:

— Надобно архиерею насмешку отсмеять.

И деревенский лабза говорил же:

— Можно-де отсмеять.

И деревенский лабза, дождавши ночи, надел на себя архиерейское платье и взял суму большую и пошел к архиерею на двор; и, пришедши на двор, под окошком стукался и говорил:

— Архиерей-де божий, выгляни!

И архиерей выглянул и спросил его:

— Кто-де тут есть?

И деревенский лабза сказался:

— Я-де ангел божий; велено-де тебя на небеса взять.

И архиерей говорил же:

— Разве-де я умолил?

И лабза говорил:

— Умолил-де, архиерей божий!

И архиерей говорил:

— Как же-де ты меня поведешь на небо?

И лабза говорил же:

— Садись-де в эвту суму-то!

И как оный архиерей сел, и оный лабза поднял его на плечи и понес на колокольню Ивана Великого, и архиерей спрашивал его:

— Далеко ли-де, ангел божий, до неба?

И он сказал ему:

— Недалеко.

И взнес его на колокольню Ивана Великого и с той колокольни в той суме спустил его по лестнице и сам говорил:

— Крепись-де, архиерей божий, первое тебе мытарство.

И как того архиерея по лестницам же на другую сторону перевернул, то говорил же:

— Архиерей-де божий, крепись, второе мытарство.

И потом в третие то ж говорил, и как оный архиерей упал наземь, и оный же лабза говорил:

— На небе-де ты уж, архиерей божий!

И, взяв его, положил к себе на плечи и пошел к Спасским воротам и на тех воротах в стену вбил железный гвоздь и повесил того архиерея в той суме и написал на той суме: «Деревенский шибарша». И возле сумы поставил дубину и на той суме написал же: «Кто-де в эвти ворота поедет и на той суме подпись увидит да ежели трижды по суме не ударит, и тот будет проклят отныне и довеку».

И поутру царь Иван Васильевич, поехавши к заутрене, увидел на той суме тое подпись и взял дубину и стал по суме бить и говорил:

— Я-де не хочу в проклятии быть.

И которые за ним люди ни были, то также били; и царь Иван Васильевич, отслушавши заутреню, и поехал во дворец домой, и архиерей услышал, что царь Иван Васильевич едет, и взмолился:

— Батюшка царь Иван Васильевич, помилуй!

И царь Иван Васильевич спросил:

— Кто-де есть в суме?

И он сказал ему:

— Я-де, архиерей.

И царь Иван Васильевич говорил же:

— Зачем-де ты сюда зашел?

И он сказал ему:

— Приходил-де ангел с неба и сказал-де то, что велено меня на небеса взять к богу, и я-де спросил его: «Умолил-де я, что ли?», и он-де мне сказал, что «умолил, архиерей божий», и я-де его спросил: «Как-де ты меня понесешь на небеса?», и он-де мне сказал: «Садись в эвту суму» и понес-де меня, я-де теперя не знаю где.

И царь Иван Васильевич сказал ему:

— Ты-де теперь в суме-та на Спасских воротах висишь!

И он взмолился ему:

— Помилуй-де меня, батюшка царь Иван Васильевич!

И он его из сумы вытащил и посадил его в коляску и послал его домой, и он домой приехал и, пожив дома три дня, умер.

2. БЕСПЕЧАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ

На одном большом тракте стоял монастырь. Ни один крестьянин не проезжал этот монастырь, чтобы не зайти помолиться.

Однажды мимо монастыря проезжал крестьянин. Тоже вздумал помолиться. Привязывает лошадь к забору, приходит к монастырским воротам, стал их отпирать, но не тут-то было — ворота были крепко заперты. Крестьянин начал стучаться в ворота, но никто ему не ответил. «Что бы это значило,— думает крестьянин,— среди бела дня, а ворота так крепко закрыты». Он стал прислушиваться и услыхал за монастырскими стенами не то гимны, не то стихи или просто песни. Крестьянин подумал себе на уме: «Вот так-так, монахи загуляли». Он вытаскивает из кармана записную книжку и пишет на листе крупным шрифтом: «Беспечальный монастырь». Отрывает этот листок, залипает его на монастырской стене. А сам садится на свою лошадь и уезжает.

Вскоре после крестьянина проезжает царь и тоже вздумал помолиться. Вышел он из своей коляски, подошел к монастырским воротам и заметил вывеску «Беспечальный монастырь». Царь отпирает монастырские ворота, входит туда. Навстречу ему отец игумен с крестом, осеняет государя крестным знамением. Царь целует крест и сразу задает игумену вопрос:

— Оказывается, отец игумен, у вас беспечальный монастырь?

Игумен несколько струсил и спросил государя:

— Откудова знаете, государь, что здесь беспечальный монастырь?

Тогда царь и говорит игумену:

— У вас вывеска есть на стене — «Беспечальный монастырь».

Игумен и говорит государю:

— Не может быть, чтобы монастырь был беспечальный. Мы со всею братиею каждый день молимся за государя и за весь народ.

Тогда царь вызывает игумена на улицу и показывает ему надпись. Когда игумен прочитал, стал говорить государю, что это просто насмешка иль кто-то по злобе на игумена взял написал и прилепил. Государь стал настаивать, что это не зря, все же здесь есть доля правды.

— Так вот что, отец игумен, надо будет попечалиться и помолиться. Я вам дам небольшую печаль — три задачи, чтобы вы их разгадали со своей братией.

— А какие же это задачи? — поторопился спросить отец игумен.

Государь стал ему задавать:

— Ты со своею братией должны сосчитать, сколько на небе звезд. Это будет первая задача. А вторая задача — узнать, тот свет дальше или небеса выше. А третья задача — поценить меня, что стою я.

Вышел царь из монастыря, сел в коляску и уехал. Отец игумен созвал всех своих послушных, и стал он им рассказывать:

— Вот что, братия, проезжая, государь проездом вздумал помолиться и увидел на монастырской стене надпись, где было написано: «Беспечальный монастырь». Зашел он в монастырь, чтобы помолиться, но

он не молился, а сказал, что у нас находится беспечальный монастырь, и вот за это, что мы беспечальные, задал нам задачи, чтобы мы все помолились, попечалились и разгадали эти задачи.

Тогда братия спрашивает отца игумена:

— Что за задачи и что они представляют из себя?

Отец игумен стал им рассказывать заданные три задачи государем. Первая задача — сосчитать, сколько на небе звезд; вторая — узнать, тот свет дальше или небеса выше, а третья — оценить самого царя, что он стоит.

— Вот, братцы, помолитесь, попечальтесь и разгадайте, чтобы в семь дней нам кончить.

И распустил он всю свою братию по своим местам. Кто ушел в келию, кто гулять в поле, а только один ермонах думает себе: «Так и так недолго осталось жить. Такие задачи невыполнимы. Казнит или разгонит всех государь».

— Дай пойду в трактир, куплю большой запас водки, буду пить, лишь бы скорее, незаметно время прошло.

Взял деньжонки и пошел в трактир. Когда пришел в трактир, заказывает он трактирщику большой запас водки, что даже трактирщик удивился. Трактирщик спросил отца ермонаха:

— Зачем вам так много водки?

Ермонах и говорит трактирщику:

— Проезжая проездом, государь заехал в монастырь, за что-то задал отцу игумену три задачи, которые простым смертным монахам невыполнимы. А отец игумен просит всю братию, чтобы мы все потрудились над этими задачами; может быть, кто их выполнит. Я думаю, что они невыполнимые, и вот пришел взять большой запас водки и просто пить, чтобы незаметно время шло.

В это время сидел в трактире пьяница-мужик, полулежал, полудремал. Вдруг он услышал речи отца ермонаха, подскакивает к отцу ермонаху и просит у него, чтобы подал ему водки:

— Я вам помогу разгадать эти задачи.

А ермонах ему сказал:

— Отойди от меня, некогда мне с тобой растабарывать.

А тот еще больше стал вязаться и просить водки, и одно — настаивает, что я вам разгадаю эти загадки.

Ермонах одумался, не стал уходить и говорит пьянице:

— Если только можешь, тогда идем к отцу игумену.

Пришел пьяница в монастырь, и еромонах доложил отцу игумену о пьянице, который берется разгадать все эти задачи.

Игумен велел позвать пьяницу, который и вошел к нему в келию. Игумен спрашивает пьяницу:

— Что, брат, разве можешь разгадать теи задачи?

А пьяница отвечает:

— Могу.

Тогда игумен и говорит ему:

— Давай заусловим, какое ты с нас возьмешь жалованье за выполнение этих задач.

Пьяница и говорит отцу игумену:

— Что вы, отец игумен, ничего я с вас не возьму.

— Нет, брат, нельзя. Даром не хотим заставить человека, чтобы он на нас работал.

— Вот что, отец игумен, вы прежде всего снимайте свое одеяние, я одену его, чтобы попривыкнуть быть игуменом, а вы надевайте мое, хотя все оно изорвано, но ведь это все на время.

Переодеваются они. Пьяница одевает одеяние игумена, а игумен одевается в одеяние пьяницы. Пьяница и говорит отцу игумену:

— Теперь расскажите, какие задачи.

Игумен стал ему рассказывать: нужно сосчитать на небе звезды, тот свет дальше или небеса выше, поценить самого царя, что он стоит.

Пьяница просит у игумена несколько стоп бумаги и карандашей и велел принести литр водки.

— Мне жалованья не надо, только не забывайте меня водкой, пока я буду у вас работать.

Берет пьяница несколько пачек бумаги, карандаши, литр водки, пошел, заперся в келию игумена и заложил дверь на крючок. Расклал бумагу на стол, начал писать с краю, ставил цифру за цифрой, где десять, где двадцать, где пятьдесят, пятьсот, тысячу, десять тысяч и давай орудовать вовсю. Исписал всю бумагу. Как напьется, так мертвецки и спит, а когда пробу-

дится, просит вторично водку. Приносят ему монахи водку и спрашивают пьяницу, как идут его дела и скоро ли он кончит подсчет звезд, а он им отвечает:

— Не ваше дело, это только знаю один я.

Приходит время приезда царя. Стали будить его и стучать в дверь. Пьяница пробуждается и говорит им:

— Кого вам надо?

— Надо приступить к делу. Сегодня приедет государь,— говорит игумен.

Пьяница мало-мало причесался, вышел, замкнул свою келию, а сам приходит в монастырь. Вдруг на колокольне зазвонили: говорят, что приехал царь.

Пьяница-игумен берет крест, осеняет его крестным знамением. Царь поцеловал крест и торопился спросить отца игумена: «Выполнил мое задание?» — «Думаю, выполнил». «А ну-ка, расскажи!» — говорит царь.

Мнимый игумен просит его в свою келию. Заходит царь в келию; он преподносит ему все стопы бумаги и говорит ему:

— Вот, государь, можете сами посмотреть.

Царь стал всю бумагу перелистывать и смотреть. Потом царь и говорит: «Что ты, отец игумен, здесь наврал? Стоят какие-то несложные цифры?» А пьяница ему и говорит: «Государь, ведь у нас и звезды стоят в непорядке, вот и пришлось мне так записать».— «Ты, отец игумен, наврал тут».— «А если я наврал,— говорит игумен,— то вы сами пересчитайте, тогда для вас будет виднее. А я-то думаю, что я верно подсчитал».

Царь немного подумал себе на уме: «Кто может звезды считать? Хитрый игумен! Сумел мне доказать» — и говорит ему:

— Ну, это верно, скажем, подсчитал ты, а вот теперь скажи вторую задачу.

— Это тоже узнал. Мой батюшка помер двадцать пять лет, и теперя его нет, а вот на небесах я слышу стук и бряк, значит, небеса ближе того света.

Царь и на это согласился, что небеса и тот свет никто не проверял, поэтому игумен прав.

— Сумел ли ты оценить меня?

— Да, и это оценил.

— А что же стою я? — говорит царь.

— Вы стоите двадцать девять рублей.

Царь вспыхнул, и соскочил на ноги, и закричал на него:

— Откуда взял такую цену — двадцать девять рублей, когда простой рабочий получает в месяц тридцать рублей?!

А игумен говорит:

— Царь! Вы, государь, прежде прослушайте, а потом и сердитесь на меня. Вас я ценил вот по чему: Иуда продал царя Христа небесного за тридцать рублей, а вы земной царь, значит, на рубль его дешевле должны быть.

Царю после этого нечего было говорить.

— Вот что,— говорит царь,— узнайте еще четвертую задачу: что я думаю на уме?

Игумен и говорит ему:

— Государь, вы думаете на уме: молодец игумен монастыря.

А царь действительно так и думал.

— Да, я так и думал: молодец игумен монастыря.

— Вы тут-то ошиблись,— говорит игумен,— я, молодец-то, ведь не игумен монастыря, а я пьяница трактира и кабака.

— Как так? — Пошли спросы и допросы, что вместо игумена был пьяница, а сам игумен скрывался.

Царь пьяницу поставил игуменом, а игумена выгнал шляться по трактирам и кабакам.

3. СОЛДАТ МОЛЕБЕН ЗАКАЗЫВАЕТ

Заказывает солдат молебен, а дьяк и спрашивает:

— Какой тебе, с акафистом?

— Да не дюже закатистый, так копеек на десять.

4. «ДОБРЫЙ» ПОП

Был в одном селе поп, да такой добрый да разумный, что и сказать нельзя. (И где он такой уродился, не знаю.) Часто он нас поучал своими проповедями.

Один раз он начал нам рассказывать, да так-то хорошо, что мы слушали-слушали да давай плакать.

А батюшке стало нас жаль. Посмотрел он на нас сквозь очки да и говорит:

— О чем же вы плачете? Чего же вы плачете? Может, это еще все брехня!

Промолвил «аминь», закрыл книжку и пошел в алтарь.

5. ПОП И ДЬЯКОН

Жили-были поп да дьякон.

Приход бедный был: не во что ни обуться, ни одеться и в головах положить нечего. Вот и придумали они, где бы на сапожишки добиться.

Дьякон говорит:

— Давай-ка, поп, я буду воровать, а ты будешь ворожить.

Поп и говорит:

— Чего будешь воровать?

— Лошадей. В лес буду их прятать. Ты будешь деньги брать, про лошадей рассказывать.

Вот дьякон пошел ночным бытом, троечку спер и в овраг их отвел.

— Ну, поп, я троечку спер и в овраг отвел. Пришлю к тебе мужиков. Ты будешь гадать, по черной книге читать, по сотне рублей денег брать. Чур, деньги пополам!

Вот дьякон увидал мужиков, у которых лошадь украл, и рассказал им все.

— Идите к попу: он вам про лошадей погадает.

Мужики обрадовались, скорехонько к попу собирались.

— Ох ты, батюшка, отец духовный, ты видишь свет. Не знаешь ли, где лошадей наших след?

— Ничего, друзья, не знаю, разве в черну книгу погадаю — все узнаю. Придите наутро.

Пришли они наутро, сказал поп:

— Ну, мужички, ваши лошади в лесу. Дорогу только я вам не скажу: давайте сотенку рублей.

— Сотенку дадим, только путь-дорогу расскажи, до коней нас доведи.

Мужики сотенку вынимали, алчному попу в руки давали. Сотенку поп взял, про лошадей им рассказал:

— Идите в поле. Лошади в рове стоят, аржану соломушку едят.

Мужики в поле пошли и лошадушек нашли.

Завтра праздник-воскресенье. К обеденке дон-дон.

Вот пришли добрые люди к обеденке, стали богу молиться, Христу-спасу клониться.

Дьякон лист бумаги взял, новую молитву читал:

— А послушайте, миряне, что я вам буду читать: у нас приход-от бе-е-дный, корми-и-ться нам нечем. Дьякон собирал-ся лошадей во-ро-вать, а попу-то велел во-ро-жить. Слышите ли, миряне? Не все ли вы с дырами? И спер дьякон тройку ло-ша-де-ей; отвел в о-враг, по-пу то ска-за-ал. Он в черной книге у-зна-а-л, а с му-жиков сотню рублей взял и про лошадей рассказал.

А поп-то и говорит:

— Сказал, ду-р-а-ак, ду-р-а-ак, дьякон, не во вся лю-дям бя-кай, знай ты да я. И обедня, братие, вся-а!

6. ПОП ПАХОМ

Один приход без священника все жил. Крестьяне и выбрали мужичка искать попа. Ну, пошел мужичок, и попался ему навстречу старичок.

— Как тебя зовут, старичок?

— Меня зовут Пахом.

— Так будь у нас попом!

Ну, он и согласился. Дом ему выстроили. Ну, он из дому, конечно, выписал жену и детей. Дети у него работой занимались, хозяйством. У церкви земли покосной было много. Они заживали да денежки наживали. Пахом нажил капитал большой. Надо обедню служить. Народу собралось много — слушать нового попа. Он обедню так служил: взял большую книгу, кверху поднял.

— Знаете ли, миряне, эту книгу?

— Не знаем,— отвечают ему.

— Не знаете, так и нечего сказывать!

Второй раз и говорят:

— Ну, ребята, как поп сделает, скажем, что знаем.

Опять взял поп большую книгу, кверху поднял.

— Знаете ли, миряне, эту книгу?
— Знаем!
— Ну, а знаете, так нечего и сказывать!
Недовольны миряне попом, что худо служит. Стали роптать прихожане. Третью обедню стал служить. Много пришло прихожан — обедню слушать. Третью обедню начал Пахом служить с решетом. Поднял решето кверху и начал распевать:
— Тут дыра и тут дыра, тут дыра и тут дыра, тут дыра и тут дыра.
Потом и говорит:
— Ну, дьячок, запирай двери на крючок, будем всю неделю служить.
Прихожане испугались, все из церкви разбежались: испугались, что долго. Прихожане уговорились, что надо прошение подать архиерею, что поп худо служит. Архиерей отписал, что на такое-то время приеду на ревизию. Архиерей приехал с певчими и с протодиаконами. Собралось прихожан много. Архиерей заставил обедню служить отца Пахома. Архиерей пошел вместе слушать с певчими, с протодиаконом. И мужики пошли слушать, как при архиерее будет служить. Начал обедню служить:
— Преосвященнейший владыко! Возглас первый: служу при сей церкви двенадцать лет и составил капитал двенадцать тысяч. Вам жертвую шесть тысяч и протодиакону пятьсот рублей, певчим триста рублей. Поехал мужик на мельницу, навалиша большой воз, и смутишася кони его, и бысть глас с небесе: прррру!
Певчие и подхватили:
— Слава тебе, господи, слава тебе!
Архиерей вышел и говорит:
— Миряне, поп-то ничего служит!
— Это при вас хорошо, а без вас плохо.
— Нет, пусть служит. Нельзя хаять.

7. ВРЕМЕННАЯ ПЯТНИЦА

Одна глупая баба приехала на ярмарку купить образ Временной Пятницы. Приходит в балаган к разносчику: «Дядюшка! Покажи-ка образ Временной

Пятницы». Вместо того показывает он ей Егория храброго. «Дядюшка! Да отчего же она, матушка, на коне?» — «Экая ты, баба, дура! Оттого она и называется Временною, что иной раз пешком ходит, а временем на коне ездит. Вишь, конь-то как копытища и задирает!»

8. «ГОСПОДИ, ОБРАТИ ПОРОСЯ В КАРАСЯ!»

Однажды были именины у одного богатого человека, и среди гостей был священник. А дело было в великий пост. Среди разнообразных кушаний был подан хорошо зажаренный поросенок. Хозяева извиняются и говорят попу:

— Уж извините, батюшка! Вы ведь поросенка-то не будете есть!

Поглядел он на поросенка — вкусно! Поправил он рукава рясы, поднял руку с крестом и перекрестил поросенка, говоря:

— Господи, господи! Обрати порося в карася! — и стал спокойно кушать.

9. СКАЗАНИЕ О КУРЕ И ЛИСИЦЕ [1]

Стоит древо высоко и прекрасно, а на том древе сидит кур велегласны, громкогласны, громко распевает, Христа прославляет, а християн от сна возбуждает. И под то древо, к тому седящему на древе к велегласному х куру пришла к нему ласковая лисица и стала ему говарить лестными своими словами, глядя на то высокое древо. И рече куру лисица:

«Чадо мое милое, громкогласны кур! Вознеслся еси ти на прекрасное древо, красота твоя неизреченная, глас твой на небеси, а косы твои до земли. А коли запоешь, аки в трубу златокованную затрубишь. Сниди ко мне, к преподобной жене лисице, и аз тя приму на покаяние с радостию, и приемлеши от меня прощение грехов своих в сем веце и будущем».

---

[1] Это произведение, возникшее на основе народных сказок, дошло до нас в записи XVIII в.

Отвеща кур лисице: «Госпожа моя, преподобная мати лисица, сахарныя уста! Тяшки суть грехи мои! Зде умру, а к тебе, госпожа моя лисица, не иду, понеже язык твой лстив, уста твоя полны суть неправды».

Отвеща лисица х куру: «Чадо мое милое, доброгласное куря! Чему тебя бог посетил? Глас твой страшен, всех людей устрашает, и вси люди гласа твоего боятца, от сна своего воставают. Послушай, куря, моего учения, своея матере лисицы. Помнишь ли ты, чадо, как во святых книгах пишет: «не долго спите и не долго лежите, вставайте рано, молитеся богу, да не внидете в напасть». Тако ж и в притчах глаголет: «много лежать, добра не добыть, горя не избыть, чести и славы не нажить, красных риз не насить, медовыя чаши не пить, слаткого куса не есть, умному не быть, в дому господину не слыть, власти не видать, князям милу не быть». А твой глас страшен, всех людей устрашает. А не хощешь ты от меня праведнаго покаяния прияти, и ходишь ты по земли, яки свиния в кале валяешися, во гресех своих. Сниди ко мне на покаяние, и я дам тебе праведное покаяние. И аще народ услышит глас твой, не могут изглаголати доброты и смирения твоего. А ты, мое милое чадо куря, хощешь во гресех своих тяшких умрети без покаяния. Сам ты, чадо милое, чтешь притчу о мытаре и фарисеи: пришед з гордостию на покаяние, и спасения не получить, но и паче погрешить. Тако и ты осужден будеши, чадо мое милое, в муку вечную и во тму кромешною. Сниди ко мне на покаяние, и да спасешися и прощен будеши во всех гресех своих и внидеши в царство небесное».

И сама лисица прослезися горко о гресех куровых и рече к нему лисица: «Горе тебе, окоянны куря, ходишь ты на земле без покаяния и не ведаешь, в кой час смерть приидет». Рече же х куру лисица: «Чадо мое милое, куря, душеполезная моя словеса слышав, давно бы ты сошел ко мне на покаяние».

Кур же, на древе сидя, прослезися горко, слышав же душеполезная словеса от преподобныя жены лисицы, поминаючи грехи свои окаянныя. И почел спущатца к лисице на землю, з древа на древо, с сучка на сучок, с куста на кустик, с пенка на пенек. И скочил кур и сел у лисицы на голове.

И взяла ево лисица в кохти и эгнела его крепко, и завопил кур великим гласом. И рече кур лисице: «О мати моя лисица, то ли мне от тебя праведное покаяние?»

Лисица же скрежеташе зубы и, гледя на него немилостивым оком, аки диавол немилостивы на христиан, поминает грехи куровы и яряся ему.

Рече кур лисице: «Что суть грехи мои? То ли мне от тебя праведное покаяние?»

Отвеща лисица х куру с великим гневом и яростию: «Куря, злодей и чародей! Как ты бога не боишися, закон преступаешь? Помнишь ли ты святыя книги и как в правилах святых отец пишет: одна жена понять по закону, а другую понять для детей, а третью понять чрез закон прелюбодеяния ради. А ты, лихой человек, злодей и чародей, законопреступник, держешь ты у себя много жен, по двадцети и по тридцати и болши. Как твои не великия суть грехи? Да за твои грехи предам тя злой смерти».

И рече кур лисице: «Послушай, госпожа моя мати лисица! Помнишь ли ты, как в бытиях пишет: земля стала и нача полнитися. Сице плодитися и роститися и умножите землю. О сиротах и о вдовицах всякое попечение имейте и пекитеся велми, то будите наследницы царствия небесного». И хощет от нея кур праведнаго покаяния.

И отвеща лисица куру с великим гневом: «Злодее куря, и яко ты бога не боишися, а людей добрых не стыдишися, закон преступаеши? А брата своего ненавидиши и где с ним не сойдесся, тут ты с ним болна бьешися за которую обиду? А толка и обиды, беззаконники вы, промежу себя за свои ревнивыя жены и наложницы многия, ради для прелюбодеяния. И потому я тебя осудила: за твои великия грехи повинен ты еси смерти. Да помнишь ли ты, лихой человек, кали я была галадна, изнили меня злыя дни, нечиво было ясти, и аз ела чеснок да ретку, и тем я себя сарамоты доставила. И пришла я х крестьянину на двор где у нево сидят куры. И ты, лихой человек, закричал на сонных людей, будта тебя взбесила или варагуша подымала. И гуси тогда загоготали, и свиньи там завижжали, а мужики закричали, а детки их услышали и за мною погналися, с жердьем и с ружьем, и со

колием, и с собаками, с вопом и з свистом, бутта я у них хатела отца удавить, а мать утапить. А за што? За единого куря хатели меня пагубить. И мало мне топеря тебя, лихова человека, за то съесть. А власной ты, как бес, ни в кумовстве, ни в сватовстве, ни в роду, ни в племени, и ни в какой ты нужи не бывал, не знаешь ты и не разумеешь. И бутта у них кур не стало, что ты завопил и закричал мужикам. И мне ты саромоты доспел и плохою женою поставил. Вся от тебя мне пакость, от лихова человека. Сам ты не велик, толка перьем дасаждаешь. А у меня же никто же тебя ис кохтей моих не может избавить — ни князь, ни боярин, ни иной кой от велмож. И повинен ты еси смерти».

Отвеща кур лисице: «Помнишь ли ты, госпожа моя лисица, притчу: «по каторой реке плыть, по той и славу творить. А у которого господина жить, тому и служить и волю ево творить». И во святом евангелисте пишет: «не может раб двема господином работать». Тако ж и я, госпожа моя лисица, у крестьянина жил, хлеб ел и пшеницу я у них клевал, как жа добра им не хотеть? Тому и бог не поможет, кто хлеба и соли не помнет. Хлеб-соль великое дело, без него человек не может жить ни единаго часу. А ныне твой есмь раб до смерти и добра хотети».

И рече куру лисица: «А ты меня, смер[д], смердиною зовешь и детей моих соромотишь, за то тебе быть снедену от меня. Слышала я притчу: «одному господину служить, а другому не грубить». А ты б меня тогда не оскорбил, а мужикам не дружил, а сам ты от меня теперь от смерти не избудешь».

И рече кур лисице: «Госпожа моя лисица, не одолей злобу злобою, одолей злобу благостынею. Царь же Давид написа: «Блажени милостиви, яко ти помиловани будут от бога». А я, госпожа моя лисица, ведаю и сам то, что аз недостоин птицам небесным и зверем земным ясти. Не одно время в полунощи зовуще, бога прославляюще. Помнишь ли ты, госпожа моя лисица, при распяти господни рече господь Петру: «Петр, трижды ты от меня отвержися». Петр же рече: «Господи, ниже не отвергуся от тебя николи же»».

И рече куру лисица: «Ты на то надеешися, что грамоте горазд и отвещати умеешь. И тем тебе не от-

говоритца. Повинен ты еси смерти. И тако мне тебя есть не для твоего храброго перья, для твоих неправедных и небылых словес лживых».

И рече кур лисице: «На чем ты еси, госпожа моя мати лисица, слово молвила, тем быть, и оправилася еси».

Рече же кур лисице: «Госпожа моя лисица, человек ты еси не ратной и ратного оружия у себя не имееши. Прелстила ты еси меня лестными своими словами и лживыми. Поручил тебе меня бог в кохти за мои великия грехи и за мое безаконие и безумство. Пощади, госпожа моя лисица, не отжени класа неозрелова и не пролей крови неповинныя напрасно».

Лисица же удивися курову премудрому ответу, и она ш эгнела ево крепко, хотела куру живот скончать.

Завопил же кур великим гласом и рече: «Дай мне, госпожа моя лисица, единое слово промолвить. Звал меня, госпожа моя лисица, крутицкой митрополит в подьеки, глас мой хвалил велми сам митрополит, а петь бы мне у него на омбоне дишкантом тонко и высоким гласом. И ты, госпожа моя лисица, отпусти меня, и аз стану давать тебе оброку з году и в год, чем ты изволишь пожелаешь брать. Что мне даст митрополит, то я стану тебе давать. А буде ты, госпожа моя лисица, пожелаешь сама во власть итить, и мне можно упросить у митрополита, поставлю и я тебя в чин в просвирнической. И тебе будет добро канун[ы] молить, госпожа моя, сладкия, а просвиры мяхкия, а приходу очень много. Да я же тебе оброку стану платить сверх того по пятидесят рублей в год».

И рече куру лисица: «Подума[ла] бы я на такую власть поити, и ты меня обмановашь. А когда я была галадна и когда я была недобычна, и тогда я приходила х крестьянину на двор, где у нево сидят куры, и тогда б я тебя, злова человека, погубила б. А когда будешь у митрополита в подьяках, а я буду в просвирницах, и ты, лихой человек, огласишь меня митрополиту небылними словами, а я тогда от тебя, злого человека, и от небылних твоих неправедных словес и до конца погибнет. И мне гаваришь, как бы тебе от смерти своей избыть».

И рекла куру лисица: «Не сули ты мне журавля в небе, токмо дай синицу в руки. Не сули мне в год,

сули в рот. А ты у меня и сам в руках, не дарого мне твое красное перья и твои лестныя слова. А я теперь сама галадна, хочу я тебя скушать, чтоб мне с тебя здравой быть».

И тако сконча живот куру.

Украинские

1. КАК ЧЕЛОВЕК ЦЕРКОВЬ ИСКАЛ

Женился мужик, взял жену такую, что ходит в церковь, а сам в церкви ни разу не был. Она его гонит в церковь, а он и говорит:

— Я не знаю, какая она!

— Гляди: где зеленая крыша, то и церковь!

Он оделся и пошел по селу. Глядит: стоит шинок, а сверху на нем порос уже старый, зеленый мох. Вот он и думает: «Видно, это церковь» и заходит туда. Смотрит, а там сидит дед да на скрипке играет, а пьяная баба танцует, другие мужики в карты играют. Он постоял и пошел домой. Жена и спрашивает его:

— Был в церкви?

— Был!

— Что же ты там видел?

— Сколько я,— говорит,— там чудес видел!

Жена спрашивает:

— Каких?

— Старый Спас играет в бас, а святая Пречиста надела монисто да гу-цу-цу, гу-цу-цу по церкви. А Николай-чудотворец сидит за столом со святыми да как хватит за ноги икону и об стол головою: «Нет ли у кого козыря?».

— Так ты же,— говорит жена,— был в шинке, а не в церкви!

— Ты же сказала: где зеленая крыша, там церковь, я туда и пошел...

2. ЗА ОТПУЩЕНИЕ ГРЕХОВ ДЕНЕГ ДАЙ

Один человек пошел в церковь на исповедь. Дело это было в пост. Вот начал его батюшка исповедовать:

— Исповедую господу богу...

Затем спрашивает:

— Грехи имеешь?

— Имею, батюшка,— отвечает человек.

— Какие, говори!

— Украл у пана когда-то веревочку.

— Это пустяки, стань помолись — бог простит.

— Но ведь за эту веревочку был привязан вол.

— Так ты не веревочку украл, а вола?

— Нет, я брал веревочку, отвязал ее и стал тащить, оглянулся — а сзади и вол тянется.

— Ну, тут ты уже сам не отмолишься, а нужно просить и меня. Давай рубль, и все будет хорошо.

3. ДАВАЛ, ТАК НЕ БЕРЕТ

Исповедуется солдат и чувствует, что у батюшки часы тикают. Солдат взял да и украл их.

— Чем же ты грешен? — спрашивает батюшка.

— Да часы украл.

— А ты отдай.

— Извольте,— говорит солдат.

— Да нет, не мне, а тому, у кого украл.

— Я давал, так не берет.

— Ну тогда прощается и разрешается,— сказал батюшка. А когда огляделся, увидел, что нет часов:

— Солдат же говорил, что я давал, а он не берет.

4. ВЬЮН И ЩУКА

Однажды щука захватила вьюна в таком уголке, что и податься ему было некуда. Вот видит он, что беда неминучая, и говорит:

— А вы, матушка-голубушка, уже исповедались?

— Нет.

— Так ступайте, я вас поисповедаю, а потом уж меня и съедите.

Она его спрашивает:

— А где же ты меня исповедовать будешь?

— Да тут есть и церковка.

Вот она и послушала его, идут к церковке. А он подвел ее к верше и говорит:

— Идите за мной.

Влезли они в вершу, а ей уже назад не выбраться, а для вьюна-то семнадцать дверей в той верше; вот вылез он быстро, бегает вокруг верши и говорит ей:

— Сиди, святоша, пока придет рыбак-мехоноша!

5. МАЗУР[1] И КСЕНДЗ

Жил-был один мазур — так себе, простак. Пошел к ксендзу на исповедь и кается:

— Нашел я гнездо скворца, хотел забрать птенцов из него.

— Грех, братец, грех. Надо быть милосердным и к птице, и ко всякой твари... А скажи-ка, где ты нашел это гнездо?

— А там-то и там.

На другой день идет мазур, видит: ксендзовы слуги несут птенцов.

— Где вы их нашли? Кто вам сказал?

— Ксендз.

«А,— думает,— подожди, и я тебя надую».

Приходит через некоторое время опять на исповедь:

— Пан ксендз, нашел я дивчину, ну и красивая же она. Можно ли целовать ее?

— О нет! Женись, тогда и целуй. А какая эта дивчина, где она живет?

— Э, черта с два, батюшка: это тебе не скворцы!

[1] Мазур — украинское простонародное название человека, исповедовавшего католическую религию.

6. СРЕДИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Это было как раз среди великого поста.

Случилась с мужиком беда: захворал, сердечный.

Пошел он в больницу. Врач осмотрел его и велел есть скоромное. «Эх,— думает мужик,— сейчас пост, грех большой будет, если я съем хоть немного скоромного, не спросивши попа. Дай,— думает,— зайду».

Заходит, а поп сало ест. «О,— думает мужик,— то же и мне разрешит». И рассказал все попу. Подумал поп и говорит:

— Нет, нельзя тебе сало есть.

Мужик ему:

— А вы же едите?

— Так я же ни у кого не спрашивал,— ответил поп.

7. У ПОПОВ ТЕЛО СВЯТОЕ

Приходит баба в пост к попу и видит, попадья поросенка жарит. Она и спрашивает:

— Как же это, батюшка: нам говорите, что в пост есть мясо нельзя, а сами едите?

— Да ведь нам можно, потому что у попов тело святое.

8. ЧТО СКАЗАЛ МОИСЕЙ

В церкви поп собрался говорить про Моисея. Поп был пьяный и дьяк пьяный, но хочется им еще опохмелиться. А водку они брали у шинкаря Моисея, что жил на горе. Он давал им все в долг. Перед проповедью посылают они псаломщика и говорят:

— Пойди к Моисею и возьми водки.

А сам поп начинает читать и спрашивать православных:

— А знаете ли вы, православные, что Моисей сказал на горе Синайской?

А псаломщик в это время вернулся без водки — неудача ему, значит, вышла,— злой, вот он с порога на всю церковь и заревел:

— Что Моисей сказал?! К чертовой матери обоих нас послал! Верните, говорит, долг, тогда еще да...а...м!

9. МОНАХ И КРЕСТ

Идет странствующий монах, какие ходили когда-то по селам, а в поле на перекрестке дорог высокий крест с распятием Иисуса Христа. Сбоку — глубокий овраг.

Поровнявшись с крестом, монах снял шапку, перекрестился и начал молиться, не останавливаясь.

— За что же тебя, сын божий, покарали, чтó ты, господи, сделал злым людям?

Монах с таким усердием молился, заглядевшись на распятие, что угодил в овраг, да так, что аж зубами заляскал.

— Ах ты чертяка! — воскликнул он.— Знаю, за что тебя, анафему, висельника, распяли: ты не одному шею свернул!

Выругался монах с еще большим усердием, чем молился, выбрался из оврага, надвинул на затылок шапку да и пошел дальше.

10. СКОЛЬКО ВЕРСТ ДО НЕБЕС

Идут два мужика с ярмарки. Как пять верст пройдут, так и корчма стоит. Заходят они в каждую корчму отдохнуть. Вот и разговорились.

— А что,— говорит один,— сколько верст до неба?

— А бог его знает, сколько! Думаю, что верст пять будет.

— Что ты, кум! Если бы до неба было пять верст, то и там корчма стояла бы.

Белорусские

1. «СВЯТАЯ» КНИЖКА

В селе Горбацевичах был праздник, куда съехалось более десяти попов.

Тут же, возле церкви, продавал поп «святые» книжки по двадцать пять копеек, по пятьдесят копеек и по рублю.

Кто покупал книжку за двадцать пять копеек, тому меньше грехов отпускалось. За пятьдесят копеек половина грехов прощалась, а тому, кто отдавал за «святую» книжку рубль, тому отпускались все грехи.

Покупают люди книжки, получают от бога отпущение грехов.

Продал все книжки поп и отправился домой.

Идет он, а вслед за ним шагает парень да и говорит:

— Отдавай, поп, деньги!

— Опомнись, парень, что ты делаешь! Ведь это большой грех! — отвечает поп.

А парень достает книжку, купленную у попа за рубль, и говорит:

— А вот видел мою рублевую книжку? За нее ведь все земные грехи прощаются.

Забрал деньги и ушел.

2. СВЯТОЙ ДУХ

Жили-были поп с дьяком. Стало у них мало дохода. Вот и начал поп думать, как бы ему заманить в церковь побольше народу.

Поймал он голубя, покрасил его, нарисовал на груди крест и пустил по селам слух, что в церковь спустился святой дух и будет в ней до Николы, а на Николу утром полетит назад на небо.

Люди набрали всякого добра и пришли в церковь еще за день до Николы. Видит поп, что большой доход

будет, и давай он голубя кормить, чтобы тот быстрей летел, давай очищать место для денег. А дьяку говорит:

— Ты возьмешь голубя в карман и будешь стоять в народе. А как только я скажу: «Святой дух, поднимись», ты и выпустишь его.

На Николу дьяк запихнул голубя в карман и пошел с попом в церковь. Народ крестился, молился. Вдруг дьяк споткнулся и ударился боком о землю, да как раз карманом, где был голубь. Тот сразу и задушился. Вышел поп на амвон, помолился, покрестил и говорит:

— Святой дух, поднимись!

Дьяк тормошил-тормошил голубя, а тот лететь и не думает: окоченел уже совсем. Поп подумал, что дьяк не слышит, и снова:

— Святой дух, поднимись!

Подождал и еще раз:

— Святой дух, поднимись!

Дьяк разозлился да и говорит:

— Святой дух задушился! — И швырнул голубя в попа. Поп даже на корточки присел. А народ поднял такой шум, что хоть уши затыкай.

С тех пор люди перестали верить в поповские чудеса.

3. ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА

В глухом Полесье, за гнилыми болотами, за такими чащобами, что из-за них и света божьего не видно, было сельцо. В том сельце стояла церквушка, старенькая, покривившаяся, а невдалеке от нее у косогора прилепился шинок, такой же ветхий, облезлый, без крыши, с распорками да подпорками.

Поп в том сельце был бедный, не богаче был и шинкарь, потому что если у попа нет дохода, так нет его и у шинкаря. Надоело шинкарю перебиваться с хлеба на квас, и стал он раскидывать умом, какую бы хитрость придумать, чтобы разбогатеть. Три дня сидел он не пивши, не евши — все думал, а на третий день, чуть завечерело, пошел к попу.

Поздно засиделся он у попа, чуть не до третьих петухов, и все в чем-то уговаривал его. Вернулся он домой, а на другой день поехал в местечко.

Прошла неделя, а может, и две. Начали косить. Стояло погожее лето. Вот как-то в воскресенье вечерком сидят себе люди, кто на завалинках, кто под липами возле церкви, толкуют, трубки покуривают. Тут же поблизости, подле речки, балуются ребятишки. Вечер ясный, теплый.

Вот уж стало смеркаться, на небе загорелись звездочки.

Вдруг бегут дети и кричат:

— Сюда, сюда! Вон по реке звезды плывут!

Поднялись мужики, глядь: и вправду посреди реки по течению плывет что-то, и на нем словно бы свечки горят! Побежали сказать попу. Пришел поп, поглядел, перекрестился и говорит:

— Это — нерукотворное чудо!

Полез староста на колокольню и давай трезвонить, как на пасху. Повысыпало к речке все село. А поп скорей в церковь, оделся в рясу и поспешил с хоругвями к речке встречать чудо.

Подошли люди поближе к речке и видят: плывет по воде старая доска, а на ней между свечками лежит образок. Тихо свечечки горят, ровно. Будто в церкви.

Подплыла доска к берегу, запуталась меж коряг да и стала. Сошел поп к воде, взял с доски образок, на берегу на камне пристроил и давай служить молебен.

И с той поры повсюду заговорили, что в сельце этом объявилось чудо, и со всех сторон к чудотворной иконе повалил народ, и потащили люди попу приношения кто что мог.

В скором времени разбогател поп, а еще больше попа разбогател шинкарь: известно, откуда бы ни пришел человек, а шинкарю-то он уж даст поднажиться.

И прославилось то святое место чуть не на целый свет.

Есть, правда, слух, будто это чудо сотворил шинкарь, договорившись с попом, и будто лавочник из их местечка признал в чудотворной иконе тот самый образок, который у него купил шинкарь якобы для попа. Господь его ведает! А может, и правда!

4. «СВЯТАЯ» ВОДИЦА

Захворала в деревне баба. Отправила она внука в село к попу, чтоб тот дал ей святой воды. Послала попу курочку и яичек. А было это как раз весной. Разлилась вода. Не может внук перейти ров. Что делать? Как вернуться с пустой бутылкой назад к бабке? Не долго думая, опустил хлопец бутылку в воду, набрал воды из рова и сказал:

«Водица, водица,
Помоги исцелиться».

Курица и яички остались в хозяйстве. Принес хлопец бутылку воды и сказал бабке:

— Поп велел выпить.

Помочила бабка грудь, напилась и сразу же повеселела: не знает, что вода была из болота. Болотная вода все равно что «святая»: один толк.

5. «ЧУДОТВОРНЫЙ» КАМЕНЬ

Может, знаете: возле Вызны лежит «чудотворный» камень? Я еще помню, как там был кустарник.

Был лес да кустарник возле «чудотворного» камня, там пан Протасевич вспахал поле, оставивши две-три сосны да березу. А чтобы свиньи не нашкодили, построили там часовню. Каждое первое воскресенье собираются туда толпы людей. Кого только там нет! Туда тянутся калеки да хворые, туда приходят горемыки, которые хотят избавиться от беды, лиха или напасти, туда идут молиться люди, которые, наверное, и сами не ведают, чего им нужно. Один раз мне довелось встретить там такую старую бабу, что, может, ей уж больше чем сто лет.

— А ты чего приползла, бабка? — спрашиваю я, а она отвечает, что пришла помолиться, чтоб дал бог ей смерть.

— Наверное, у бога много хлопот и без меня,— говорит она,— коли он забыл про меня и не дает мне смерти.

Мне говорили, что та бабка от святого места насилу притащилась домой да как легла, так уж и не встала,

а на другой день богу душу отдала. Вот и говорят, что очень хорошо помогает тот чудотворный камень, что около Вызны.

А знаете ли вы, как этот чудотворный камень появился? Ну, так слушайте. Жила тут у нас одна какая-то придурковатая женщина. Она ничего не могла делать и только пасла овец. Начала она говорить, что как только заснет, так ей объявляется божья матерь и говорит, что святое место там, куда пойдет стадо овец и где она будет среди дня отдыхать. Начала та придурковатая об этом говорить, но никто ей не верит.

Вот как будто по сговору, для забавы, это же приснилось и другой женщине, которая уже два-три года хворала головой. Вот и та женщина начала рассказывать:

— Божья матерь, — говорит, — сказала, чтоб там, где она сидела на камне, было святое место.

Как услышали об этом наши люди, так аккурат в первое воскресенье, как та придурковатая погнала овец, и пошли за стадом. Вот овечки по простоте и привели к тому камню. Тогда люди отовсюду потянулись к тому камню. И кабы вы видели, сколько там собирают паны и ксендзы денег да другого добра, — и на воз не соберешь.

6. ТРИ КСЕНДЗА

Таскались ксендзы да монахи по свету да дурачили людей, чтоб слушали панов, изо всех сил работали да давали на хвалу божью. Люди дадут, а ксендзы и монахи сожрут. А бог этого и не замечал! Вот раз сошлись вместе иезуит [1], бернардинец [2] и капутин [3]. Поблизости не было панского двора, чтоб наесться и напиться у пана. Известное дело, паны всегда духовенство уважали да угощали. Нечего делать, надо потерпеть. Пошли они все вместе и заходят подкре-

[1] Иезуит — член наиболее реакционного ордена католической церкви, ордена иезуитов («Общество Иисуса»), основанного в XVI в.

[2] Бернардинец — член католического монашеского ордена бернардинцев (основан в XI в.).

[3] Капутин (капуцин) — член католического монашеского ордена, основанного в XVI в.

питься в одну корчму. Зашли в комнату и велели себе дать водки да закуски.

Корчмарь был бедный, в ту пору кроме горилки у него ничего не было. Известно, в малых корчмах всегда ничего нет. Мужики пьют горилку да закусывают языком, а кто хочет закусить, тот из дому принес с собой в кармане или за пазухой кочан кислой капусты, краюху хлеба, чеснок, огурец или еще что-нибудь.

Вот «святые» отцы вылакали по одной да по другой чарке, а закусить нечем. Видят они: на дворе возле телеги ходит курица. Давай они ее ловить. Бегают, поднявши полы, а курицу не могут поймать. Бегала курица туда-сюда, а они за ней, потеряла она яйцо, а сама куда-то спряталась.

Схватили они то яйцо и велели его сварить. Сварили им яйцо, подали. И не знают, как его делить. Судили они, рядили, ничего не придумали. Наконец порешили на том, что тот съест яйцо, кто лучше других присказку скажет.

Первым взял яйцо капутин, начал его чистить и приговаривает:

— Очисти его от скорлупы-неправды.

Только хотел он положить яйцо в рот да проглотить, как из его рук берет яйцо бернардинец. Взял яйцо, посыпает его солью и приговаривает:

— И посоли его солью мудрости.

Сказал это и хотел положить яйцо в рот да съесть его. Но тут берет яйцо у него из рук иезуит. Покосился он на своих товарищей и говорит:

— Очистился от скорлупы-неправды, посыпался солью мудрости, так войди во чрево твоего пана.

С этими словами положил яйцо в рот и проглотил. С тех пор капутины и бернардинцы перестали дружить с иезуитами.

7. ЛИСА-КАТОЛИЧКА

Шла себе лиса и нашла жареное мясо в западне. Догадалась, что это ее хотят поймать, и не тронула мяса. Пошла дальше, а навстречу ей медведь.

— Куманек-голубок, кушал ты сегодня?

— Нет, кумушка-голубушка,— отвечает медведь,— не пришлось.

— Ну, пойдем, я сведу тебя в одно место, славный завтрак будет! Сама бы съела, да середа сегодня, мне нельзя: я католичка.

— Спасибо, кумушка-голубушка, пойдем!

Вот лиса и привела медведя к западне. Только он дотронулся до мяса — западня захлопнулась и подняла его кверху. Лиса тогда схватила мясо и давай есть.

Медведь ей говорит:

— Кумушка-голубушка, сегодня же середа!

— Э, куманек-голубок, пусть тот середит, кто вверх глядит.

8. ИСПОВЕДЬ ШЛЯХТИЧА

Исповедовался шляхтич перед бернардинцем. Говорил он про то, про это и наконец признается:

— Целовал чужую жену.

И в свое оправдание добавляет, что не делал бы этого, да люди ему присоветовали, что это, мол, от болезни глаз помогает.

А бернардинец на это отвечает:

— Не верю, коли бы то правда была, я уже сквозь стену видел бы.

Пародии на молитвы и богослужение

Русские

1. СОЛДАТСКОЕ «ОТЧЕ НАШ»

В одно прекрасное время солдат находился у генерала на вестях в передней комнате. Закурил трубку и говорит:

— Эхма, плохая моя доля! Разуму хотя и много, да денег нет ни гроша.

А в это время генерал находился в кабинете, занимался письменными делами и услыхал, как солдат обижается на свою долю. Любопытство подстрекнуло его спросить, и он вскричал:

— Вестовой, поди сюда!

Вестовой подходит и говорит:

— Что изволите, ваше превосходительство?

— Что ты за умница такая, что у тебя разуму много?

— Конечно, много, ваше превосходительство! Я на каждый вопрос могу отвечать и ни в чем не запнусь.

— Хорошо, посмотрим, как отвечать-то будешь.

Генерал начал спрашивать вестового:

— Послушай, вестовой, почему это так: бог сотворил небо и землю и всем управляет, ему должны все повиноваться и исполнять его заповеди, а мы говорим ему «ты», а не «вы», а начальнику — «вы»?

Вестовой отвечал:

— Вас, чертей, много, а бог один, поэтому и говорим ему «ты», а не «вы», ваше превосходительство.

Генерал отвечал:

— Хоть ты и правду говоришь, но лично оскорбил меня, за это тебе грех будет.

— Эх, ваше превосходительство, горе теперь грехи искать: грех скончался, правда сгорела, правосудие убежало, добродетель ходит по миру, свобода под арестом, закон на пуговицах, верность на аптекарских весах, надежда с якорем на дне моря да и терпение скоро лопнет.

Генерал подумал да и говорит:

— Вижу, на словах-то ты ловкий, как на деле-то будешь...

Вестовой отвечал:

— Я и на деле такой же, ваше превосходительство. Извольте спрашивать о полковнике или генерале, я на все буду отвечать словесно; молитвы, заповеди в особенности, как дважды два, много лучше соборного пономаря отвечу, без запинки.

— Хорошо, посмотрим, как-то отвечать ты будешь Читай-ка мне хоть... «Отче наш».

— Извольте слушать, ваше превосходительство.

Вестовой начал читать:

— Когда солдат в строй вступает,
Тяжко вздыхает и говорит:
«Отче наш».

Румяная заря играет,
Рота командира ожидает,—
Иже еси.

Шумит, гремит,
Рвется, как
На небеси.

Подайте палок и плетей
Для солдатских плечей
От солнечных лучей.
Да святится.

Тогда солдат солдата,
По приказанью начальства,
Бьет и в уме своем клянет
Имя твое.

Потом входит к ним фельдфебель,
Кричит: «Стройся, равняйся,
Смотри на начальника бравей!»
Да приидет.
Теперь вся рота наша в отряде,
Командир наш помрет,
Будет во аде,
Тамо же будет
Царствие твое.

Вот здесь командуешь нами,
А там будешь командовать чертями,—
Над ними
Да будет воля твоя.

Там будешь более в почете,
Нежели у нас в батальоне или роте,
Яко на небесах.

Хоть ты не более червя,
Который пресмыкается
И на земли.

Провиант наш ты на что меняешь?
У нас последнее отнимаешь.
Ведь это —
Хлеб наш насущный

Царь нам от казны отпускает,—
Даждь нам днесь.
А если мы перед тобой в чем провинились
Или на службу не явились,
В кабаке просидели,—
Остави нам.

А что вы муку нашу продаете,
А денежку в карман кладете,
Это за вами —
Долги наши.

Хотя вы мукой не торгуете,
Ничем не барышуете,
Яко же и мы оставляем,

Если с нами честно разочтетесь
И во всем нас удовлетворите.

А если по-прежнему, то будете
    Д о л ж н и к а м и н а ш и м и.
А командир наш до самой смерти
Смотрел на нас сурово,—
Не дай нам бог другого
    И не введи нас во искушение
    Но избави нас,
А ровно и мы от тебя избавиться
Очень рады, как
    О т л у к а в о г о.

Генерал его за это поблагодарил и три рубля на водку подарил.

2. ПРИШЕЛ Я В ВЕЛИКИЙ ПОСТ...

Пришел я в великий пост к маме
                молока хлебать.
Мама меня гнать,
Я бежать.
Бежал два дня,
Нашел на дороге игольные уши,
Положил на плечо,
Стало горячо.
Пошел в кузницу ковать топор.
— Скуй мне, кузнец, топор.
Ни мал, ни велик — в мой рост.—
— Что ты будешь делать? —
— Буду дерево рубить.—
Сковал мне кузнец топор,
Ни мал, ни велик — в мой рост.
Зашел я на овин рубить дерево-крапиву.
Дерево пало, меня задавило.
Прилетели два ангела —
Крыса боровая и мышь летучая.
Посадили меня на колеса
И подняли на небеса.
Там все не по-нашему,
Там все не по-здешнему:
Церковь из пирогов сделана,
Калачом заперта,
Блином прикрыта.

Калач я перегрыз да в церковь походил.
Сидит Тимошка на окошке,
Я его пристрастил.
Идет поп Ермошка,
В липовых лапоточках,
В синем зипунишке,
Одна рука к уху,
Другая — к брюху.
Запевает свой любимый стих:
«Постой-ка, великомученица,
Пронеси еси.
Прошла сквозь шубные рукава,
Прошли все кресты и пророки
По большой дороге...»
А сзади и нам можно идти.

3. ЦЕРКОВНАЯ СЛУЖБА

Выходит дьякон, становится на амвон, а поп и поет:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон отвечает:

— Старуха идет, пехтус масла несет!

А дьячок поет:

— Подай, господи!

Поп опять:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон отвечает:

— Старуха идет, четверть ржи несет!

Дьячок опять поет:

— Подай, господи!

Поп опять говорит:

— Дьякон, дьякон, посмотри в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон отвечает:

— Идет мужик, несет дубину на поповскую спину!

Поп и дьячок поют:

— Тебе, господи!

Украинские

1. КАК ЗА РЕЧКОЮ ЗА БЫСТРОЮ

Как за речкою за быстрою
Стояли стены монастырские.
В том монастыре монах спасался,
В день три раза напивался.
Как услышит на утреню звон,
Он поспешает в кабак на поклон,
Свою ризу там пропивахом,
Еще в клобук закладавахом,
А потом под воротами валяхомся...
— Ох ты, горилочка, ты наша горилочка,
Ты великомученица,
Когда мы, монахи, соберемся,
То хорошенько напьемся
И спьяну подеремся...

2. ИДУ Я ДА ИДУ...

Иду я да иду,
Стоит церковь на льду —
А дверь в той церкви блинная,
Засов — колбаска длинная,
На двери из сала замочек,
Печать на нем — масла кусочек.
Вкусил я масла — печати не стало,
Вкусил я сала — замка как не бывало,
Закусил я колбасой —
И пропал засов,
А блин вкусил —
И церковь открыл.
А в церкви поп
Как гречки сноп,
А дьячок
Как будячок,
А диакон

Как диавол,
А пономарь
Свечки поломал.
Радуйся, сорока,
Радуйся, ворона,
И ты, воробей,
Великий чудодей!

3. ГДЕ-ТО ЗА ГОРАМИ

Где-то за горами, в поднебесном храме.
Аллилуйя!
Сходятся святые в праздники большие,
С ними духи невидимы и ангелы-херувимы,
Господи, помилуй!
Бог-отец приходит — трапезу заводит,
Аллилуйя!
Сам сидит высоко, перед ним пророки,
Священники за столами, а владыки пред столами,
Господи, помилуй!
Петр и всяк апостол мучеников — под стол,
Аллилуйя!
Пустынников с краю и в углах сажают,
Ближе к печке — молодицы, возле них сидят девицы,
Господи, помилуй!
Николай наш славный кубок пьет заздравный,
Аллилуйя!
К жбану приложился, пил, пока свалился,
Громко крикнул на Парашку: «Принеси-ка с медом чашку!».
Господи, помилуй!
У Ильи и Савки — по ведерку чарки,
Аллилуйя!
А Роман гикает, зычно воспевает:
«Наливайте, всем давайте да на дне не оставляйте!».
Господи, помилуй!
С печки Акулина чует запах винный,
Аллилуйя!
Ласково мигает, словеса вещает:
«Пейте, гости, выпивайте да меня не забывайте!».
Господи, помилуй!

Давидовы внучки взяли скрипки в ручки,
Аллилуйя!
Михаил всех разом глушит трубным гласом:
«Святый крепкий, святый боже, бей в цимбалы кто как может!».
Господи, помилуй!
Вот Кузьма с Трофимом танец начинают,
Аллилуйя!
А Андрей не может — хлопает в ладоши
И премного размышляет: с кем плясать ему, не знает,
Господи, помилуй!
Все набекрень шапку, взяли в танец Гапку,
Аллилуйя!
Каждый перед Гапкой прыгает вприсядку.
Рай и пекло удивляли — вот как пили и гуляли,
Господи, помилуй!
А дьячки с попами там переругались,
Аллилуйя!
И за кварту водки чуть не передрались,
А бурсак кувшин хватает да в шинок с ним убегает,
Господи, помилуй!
Наш брат, бедолага, и забот не знает,
Аллилуйя!
Выпивши, икает, песни напевает,
Шасть рукою по дубине: «С кем-то спать придется ныне?».
Господи, помилуй!

4. «СВЯТЫЙ БОЖЕ, СВЯТЫЙ КРЕПКИЙ»

Святый боже,
Святый крепкий,
К тетке в гости
Ходим редко.
Святый боже,
Ты бессмертен,
Жизнь-то все же
Лучше смерти.

5. «ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ»

Наш старший Гаврило
Держит в руках кадило,
Руками размахивает,
А сам подскакивает,
А мы его величаем,
Ему духу подбавляем.
Господи, помилуй,
Господи, помилуй,
А меня к Гавриле
Не гони ты силой.

6. ТАЙНА БОЖЬЯ

Люди скопом в церковь входят,
Сразу к дьяку все подходят,
Дьяк записывает в рай,
Ну и давка там,— ай, ай!
Каждый место в книжке купит,
Потом лбом об пол знай лупит,
Отрабатывая ловко,
Не щадит, дурной, головки...
А потом по одному
Идут к бате самому.
Под рукою держат шапку,
Кладут голову на папку.
Нагоняет батя страх:
— Признавайся, брат, в грехах!
К уху тихо припадет,
Речь о боге поведет,
В ад грозит послать на муку
И предложит: «Целуй руку!»
Поцелует мужик руку,
Потом бросит денег в штуку.
Что дают, поп все берет,
Ну а сдачи не дает.
Кто же хочет в рай попасть,
Должен больше денег класть.
Одно кончилось несчастье,
Начинается причастье.

Пономарь раздул кадило,
Поп берется вновь за дело.
Завопит он: «Отче, отче!..»
Видно, денег еще хочет.
И кадит он что есть мочи,
Дым пуская людям в очи.
Все чихают, сами ж хвалят,
Что поп ладан даром палит,
И тут каждый говорит:
— Батя чудо здесь творит.—
Ну чего ж еще хотели?
Все иконы закоптели.
А для общего порядка
Пономарь там ходит с тряпкой,
Через каждые две, три ночи
Протирает святым очи.
В церкви пред толпою нашей
Выступает батя с чашей.
Чаша та на таз похожа,
Ну, а в чаше «тайна божья».
А в той тайне — хлеб да мед,
Знай обманывай народ!
Прогорланит поп прихожим:
— Подходи со страхом божьим
И вкушай из чаши с верой!..—
А дает он малой мерой.
И подходят все со страхом,
Причащает одним махом:
— Открывайте ваши губы.—
Сунет ложкою он в зубы,
Бедняка бросает в пот,
А дьяк с тряпкой лезет в рот.
Пономарь же с бородою
Запивать дает водою.
Дьяк читает людям смело,
Что в той чаше — «божье тело»...
Вот и тайна вам Христова:
Хлеб киевский, мед — из Ростова.
Тут спасенье, тут и рай,
Только деньги подавай.

Белорусские

1. ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО И СОШЕСТВИЕ ЕГО В АД

Говорят, что молодицы
Не хозяйки, а лентяйки
И пугливы, словно зайцы!..
Ой, не правда, мои братцы!
Взять Марию: среди ночи
Изо всей пустилась мочи
На Голгофу меж крестов,
Чтоб оплакать прах Христов.
Когда на гору взлезала,
Себе ноги посдирала;
Повстречала там Христа,
Он же ей сказал спроста:
«Что ты, матушка, рыдаешь?
Я ж воскрес! Иль ты не знаешь?
Только вышел я из гроба,
Сразу ж черта-твердолоба
Я надумал проучить.
Мне ли шутки с ним шутить?!
Сходил, пекло погасил
И Адама воскресил...
Тут пронюхал черт-проныра,
Что глазищи смерть прикрыла,
Что Адам смеяться стал,
Моисей скрижали взял...
Черт направился к Арону
Разобраться по закону.
Тут Арон очки надел,
В книжку быстро поглядел.
Не стерпев, он рассмеялся.
Черт поганый догадался,
Что Христа кто-то унес,
И в тоске повесил нос.
Черт заделал в пекло яму,—
Вдруг Христос идет к Адаму;
Дверь раскрылась перед ним,

Мрак рассеялся как дым.
Смерть лежала в уголочке,
Грызла там свою сорочку
И, надувшись, все сопела
Да на бога зло шипела.
Черт хотел пуститься в драку,
Дал Христос ему с размаху,
Сразу пекло погасил
И нечистого спросил:
«Где стара бабуся Ева,
Та, что плод запретный съела?»
Кочережку в лапы взяв,
Черт ей в пекле помешал,
Еву вынул он из печки,
Огорели у ней плечки!..
За ней вылез и Адам,
Хоть не верь своим глазам.
Ну и принял Адам кару:
Почернел он весь от вару,
Запал с голоду живот,
Ох и дал же ему черт!
Тут Адам наш прослезился,
Христу в ноги повалился,
Еву ж взглядом пожирал,
Хоть в ногах Христа лежал;
Взял Христос его за руку
И сказал: «Ты эту муку
Поскорее забывай,
Вместе с Евой беги в рай».
Дал Адам из пекла драла,
Так что Ева аж отстала;
Быстро пер он и вспотел,
Зато первым прилетел;
И с собою своры стаю
Он привел до божья рая.
Тут вскочил силач Самсон,
Тот, что падок был на сон,
И давай кричать в испуге:
«Подождите меня, други!».
Подскочил тут Моисей,
Встать велел ему быстрей,
Чтоб дорогу дать Якубу,
За Якубом лихо цугом

Илья мчался на конях,
Гром пуская всем на страх;
Следом перся Елисей,
Нес армяк в руке своей.
А за ним святой Яфет
Нес и саблю, и мушкет.
И, забыв про злую драку,
Шел Адам рядком с Исаком.
Обогнали они Лота.
Он, усердствуя до пота,
Изо рта смолу таскал
И, сердечный, все икал,
Взгляд косил на райский сад,
Не хотел глядеть назад.
Тут и старый Ной топтался,
В рай пробраться все пытался.
А премудрый Соломон
Затрезвонил в райский звон.
Хоть святых изрядно было,
Ну, а места всем хватило.
Пробудился царь Давыд,
Глядь, уже и стол накрыт;
Покосился он на Хама
И направился к Абраму.
Сели рядышком за стол,
Им подали хлеб и соль
И по чарке красна пива;
Тут Давыд гостям на диво
Вдруг ударил в гусли так,
Что плясать хотел уж всяк:
Сара, бросив оземь ложку,
Дала волю своим ножкам.
А за нею — и Рахиль...
Лия кинула костыль
Да как хватит тропака.
Тут Сусана из садка
На Данилу поглядела
И в круг вихрем полетела;
Вот пригожая Эсфирь
Красну вынесла псалтырь;
Пред Давыдом с нею села
И играть ему велела
Песню лучшую, что мог.

Веселился с ними бог,
Тут и бабы, тут и внуки,
Дружно взялись все за руки,
Поспешили в хоровод.
Славься бог из рода в род!

2. КАК НА ТРАВКЕ ДА НА МУРАВКЕ

Как на травке да на муравке
Трое плотников церковь рубили
За околицей на пригорке,
Да на каменной подмуровке,
Чтоб виднее была народу,
Что живет без радости сроду.
Трое плотников церковь рубили,
Они толстые бревна тесали,
Широченные окна вставляли,
Красным золотом малевали,
Образа парчой убирали,
Зычный колокол поднимали,
Чтобы люди к попу собирались.
Станут люди в церковь сбираться —
Будет поп на них наживаться.

Пословицы и поговорки

Русские

Дал на службу божью — как в болото бросил.
Ты его крестить, а он кричит: «Пусти!».
Испостился, измолился в нитку.
Великий пост всем прижмет хвост.
Поп читает: «Да будет воля твоя!», а думает: «Когда б-то моя».
Часто кадят — не успеешь кланяться.
Густо кадишь, святых зачадишь.
Богу поклоны, а попам миллионы.
Не мило мне кадило.
Хоть куда, лишь бы не в церковь.
Родись, крестись, умирай — за все деньги подавай.
Поклоны бьет, а людям житья не дает.
Кому мертвец, а попу товарец.
Хоть церковь близко, да ходить склизко, а кабак далеконько, да хожу потихоньку.
«Пойдем в церковь!» — «Грязно».— «Ну так в шинок!» — «Разве уж под тыном пройти?»
Пойду в монастырь, где много холостых.
Церковь грабит да колокольню правит.
«Бабушка, что ты мне откажешь?» — «Не знаю, разве дорогу к церкви».
Монастырщина что барщина.
Молебен пет, а пользы нет.

Украинские

Боже святой, пропал мой золотой: дал за службу божью — как в болото бросил.
В евангелии больше брехни, чем в небе звезд.
В церкви трезвонят, а на панщину гонят.
В церковь, как в корчму, без денег не иди.
Выпостился, что и света не вижу.
Где поп церковь ставит, там пан — корчму.
Если бы не грешники, то праведники с голоду подохли бы.
Если всех святых поминать, то некому будет работать.
Здоровую голову под евангелие не кладут.
И крест, и лопата — из одного дерева.
Идет в церковь девица не богу молиться, а на хлопцев подивиться.
«Какой сегодня праздник?» — «Святого бездельника».
«Когда вы будете говеть?» — «Когда хлеба не станет».
Корова ревет, когда нет сена в яслях, а поп — когда много людей в церкви.
Корчма и церковь — родные сестры.
Кто все богу кланяется, тот скоро голым останется.
Молитва что бритва: бога ей не умолить, а мужика может оголить.
Мужику тогда пасха, когда у жены новые припасы.
Нет хлеба — нет и отченаша.
О двух концах божий пост: попу сало, мирянам рыбий хвост.
Один звон — что кандальный, что церковный.
Поп евангелие читает да на тарелку моргает.
Поп молитву читает, а карман подставляет.
Поп молится не за спасение души, а чтобы были барыши.
Поп оделся в ризы, а черт в рядно, а тянут заодно.

Попу всё панихиды снятся.
У бедняка каждый день пост.
Родился — не крестился, и умру — не буду.

Белорусские

Алтаристы и органисты все на руку нечисты.
Волк молитвы читает, а про овец не забывает.
Дал бы трояк на молебен, да самому потребен.
Два Юрия — оба дурни: один холодный, другой голодный (о двух Юрьевых днях).
До того перед богом смирялись, что кишки порвались.
Если бы в монастыре работать заставляли, туда б не убегали.
Кадило, кадило не одного уходило, уходит и того, кто держит его.
Какие тут святки, когда лупят податки.
Крестом любви не свяжешь.
Ксендз и поп все праздники знают: их работать не заставляют.
Молись, хоть удавись, а работать надо.
Мы пахать, а он кадилом махать.
Не поможет кадило, когда хвороба свалила.
От молитв и панихид только поп один сыт.
Церковное кадило никому не мило.

ПОПЫ И МОНАХИ

Сказки и остроты

Русские

1. ЖАДНЫЙ ПОП

Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не принесет гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет срамить:

— Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных, богу молится!

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился.

— Послушай, проклятый,— говорит ему,— откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?

— Помилуй, батюшка, где я больше возьму? Что есть, то и даю!

— По б... да по кабакам носить небось есть деньги, а духовному отцу одни грехи тащишь! Ты про этакий случай хоть украдь что да продай, а священнику принеси что подобает: заодно уж перед ним покаешься и в том, что своровал; так он все тебе грехи отпустит.

И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди:

— И не приходи ко мне без гривенника!

Солдат пошел прочь и думает: «Что мне с попом делать?». Глядит, а около клироса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка.

— Дай-ка,— говорит сам себе,— попробую эту шапку утащить!

Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да прямо в кабак; тут солдат продал ее за двадцать пять рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу.

— Ну что, принес гривенник? — спросил поп.

— Принес, батюшка.

— А где взял, свет?

— Грешен, батюшка, украл шапку да продал за гривенник.

Поп взял этот гривенник и говорит:

— Ну, бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю!

Солдат ушел, а поп, покончивши исповедовать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться. Бросился к клиросу взять свою шапку, а шапки-то нету; так простоволосый и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает:

— Что угодно, батюшка?

— Ну, скажи, свет, по правде: ты мою шапку украл?

— Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит.

— А из которого места ты ее стащил?

— Да в нашей церкви висела она на поповской палке у самого клироса.

— Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца? Ведь это смертный грех!

— Да вы, батюшка, сами меня от этого греха разрешили и простили.

2. ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ

Жил-был мужик, у него был кобель. Рассердился мужик на кобеля, взял повез его в лес и привязал около дуба. Вот кобель начал лапами копать землю, подкопался под самый дуб, так что его ветром свалило.

На другой день пошел мужик в лес и вздумал по-

смотреть на своего кобеля, пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побежал домой, запряг лошадь да опять в лес. Забрал все деньги и кобеля посадил на воз. Воротился домой и говорит бабам:

— Смотрите угождайте у меня кобелю всячески! Коли не станете за ним ходить да не будете его кормить, я с вами по-своему разделаюсь!

Ну, бабы стали кормить кобеля на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески. А хозяин никому, кроме кобеля, и не верит: куда ни поедет, а ключи завсегда повесит кобелю на шею.

Жил-жил кобель, заболел да околел. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всей церемонией; взял он пять тысяч и пошел к попу:

— Батюшка, у меня помер кобель и отказал тебе пять тысяч денег с тем, чтобы ты похоронил его по христианскому обряду.

— Ну, это хорошо, свет, только в церковь носить не надо, а похоронить можно! Приготовляйся, завтра приду к выносу.

Мужик изготовился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришел поп с дьяконом и дьячками в ризах, пропели, что надо, и понесли кобеля на кладбище да и закопали в могилу.

Дошло у попа до дележки с причтом; он и обидел дьячков: мало им дал; вот они просьбу на него к архиерею: так и так, дескать, похоронили кобеля по-христиански. Архиерей позвал к себе попа на суд.

— Как ты смел,—говорит,—хоронить нечистого пса?

И посадил его под арест.

А мужик взял десять тысяч и пошел к архиерею попа выручать.

— Ты зачем? — спрашивает архиерей.

— Так и так,— отвечает мужик,— помер у меня кобель, отказал вашему преосвященству десять тысяч денег да попу пять.

— Да, братец, я слышал про то и посадил попа под арест: зачем он, безбожник, как нес кобеля мимо церкви, не отслужил по нем панихиды!

Взял архиерей отказанные кобелем десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его благочинным, а дьячков сдал в солдаты.

3. СТАРИЧОК ОСИП И ТРИ ПОПА

Вот в одном селенье жил старичок Осип. Жили они со старушкой двое. У них были две коровушки и лошадка, амбаришко, овинишко и все такое. Однажды со старухой он стал разговаривать. Вот старуха говорит:

— Мы живем, слава богу, хорошо, а хорошо бы переехать когда-нибудь на пустошку одним пожить.

Этот старик на ответ:

— Не худо, старуха, пожить одним. Пожалуй, можно бы. А вот ужо, старуха, собранье будет, сберутся соседи, я поговорю об этом.

Как собранье сельское собралось, пришел старичок Осип на собранье.

— Здравствуйте,— говорит,— соседи!

— Здравствуй,— говорят,— Осип!

— Вот есть небольшая подскотина. Для одного будет.

Вот судили, ему сказали:

— Ну, с богом, только земли нигде не бери, только знай одну подскотину свою.

Старичку Осипу сделали приговор. Старичок преспокойно стал собираться на житье туды. Старичок потихоньку, помаленьку перевез избушку туды, поставил ее на место там, перевез овинчик, амбарчик крестьянский. И стали они жить-поживать да добро наживать, да земельку разделывать-распахивать, да сенокос чистить. Распахали земельку, посеяли овса, и овес уродился на первый год очень хороший. Дождались того время, как его надо обрабатывать. Намолотили овсеца, так что целый амбарчик овсеца навалили. И стали опять на другой год, и рожки посеяли на землю, потом овса посеяли. У них хлеба как народилось! Очень много. И они стали жить так добро, хорошо и хлеба три амбара накопили. В одно прекрасное время легли спать старик со старушкою. Старуха ему и говорит:

— Теперь мы, слава богу, живем хорошо, у нас всего вдоволь, благодать господня. Как бы нам денег, так жизнь прекрасная была, премилая!

А старичок Осип и говорит своей жене:

— Вот, баба, дура деревенская, из хлеба полдела деньги сделать!

— Да как, батько, сделаешь деньги?

— Да как сделаешь?! Взять его возик или два да свезти на ямарку — вот и деньги.

— Ну так ладно!

— Ну, коли, старуха, денег захотела, иди в амбар и нагребай воз ржи, пудов тридцать воз.

Старуха, не будь глупа, зашла в амбар, нагребла ржи десять мешков. Нагребла, приходит домой.

— Ну, батько, я нагребла!

— Нагребла, так ладно.

Старик никаких манеров не дожидался, взял наклал и поехал на ярмарку. Съехал он на ярмарку, стал на краешек базара. Стоит с хлебом, у него хлеба никто не купит, никто и не берет. Стоял, до вечера времени простоял, никто не берет этого хлеба.

— Ну, делать нечего! Не идти ли в трактир, не возьмут ли хлеба там? — говорит.

Пришел он в трактир, видит, что буфетчик за буфетом.

— Что, буфетчик, хлеба тебе надо или нету?

А буфетчик ему на ответ:

— Как хлеба не надо? Да денег нет, все деньги в расходе.

— Ну, да что денег нет — я и вином запью!

Значит, этот буфетчик послал своего полового, приказал, чтобы хлеб весили. Свесили хлеба пудов тридцать. Пришел старичок в трактир, сел на стул, разболок свой деревенский балахон серый, отороченный сукном. Снял с себя шляпу треугольную, скатанную из домашней шерсти. Вот его буфетчик и спрашивает:

— Что, дедушка Осип, много ли тебе вина надо?

— Да вина мне одну четвертную — да и будет,— говорит.

Как принесли старику четвертную водки на стол, подали ему стаканчик чайный. Старик сидит да винцо попивает. Вот четвертную выпил. А против этой комнаты была другая, против дружки дверь во дверь. Там в комнате сидел поп да чай пил и смотрит на этого старика.

— Смотри,— говорит,— какой старик: старый-престарый — да четвертную водки выпил!

Старик этот подзывает к себе буфетчика:

— Буфетчик, подходи, буду рассчитываться с тобой.

Буфетчик подходит к столу. Он надевает шляпу треугольную, домашней катки, снимает с головы и трясет, о стол колотит.

— Ну, буфетчик, плачено?

Буфетчик ему:

— Ну ладно, дедушка Осип, плачено, плачено.

А поп себе молчашком, молчашком про себя:

— Что за черт. Я чашку попью, и то пятачок берут, а он четвертную выпил — ничего не платит!

Старичок и говорит:

— Ладно, ехать пора домой!

Буфетчик приказал половым:

— Подите старику лошадь направьте. Честь честью.

Старику лошадку направили, сел и поехал домой. Подъезжает к дому да песенки напевает. Услыхала его старушка, отпирает ворота и встречает старика. Встретила.

— Ой, слава богу! Видно, с деньгами старик приехал, да водочкой еще угостили.

— Да, матка, угостили,— говорит.

— Ну, старик, а как: деньги домой привез или нет?

— Нет, матка, не привез.

— А кому хлеб-то продал?

— Да буфетчику!

— Ну да ладно, не пропадет за буфетчиком: деньги когда угодно получим.

Живут недельку, живут опять и другую. Старик и говорит:

— А, матка; у нас хлеба много,— еще воз свезти продать?

— Ну ладно, так, в самом деле, схожу нагребу в амбаре хлеба.

Старуха сошла опять, нагребла десять мешков овса. Вот старик опять преспокойно уклал возок, лошадку запряг и поехал. Съехал на базар. Стал по край базара. Постоял-постоял — никто хлеба не купит, никто и не берет.

— Эх, черт побрал! Чем стоять, свезти опять старому буфетчику — тот возьмет,— говорит.

Вот опять старичок лошадку заворотил и повез хлеб в трактир. Приходит буфетчик.

— Что, буфетчик, хлеба надо?

А буфетчик ему на ответ:

— Как хлеба не надо? Да деньги-то все в расходе!

— Ну, давай, да не разговаривай, я вином запью!

Буфетчик приказал слугам свесить хлеб. Свесили хлебец, старичок пришел в трактир. Ну и спрашивает его буфетчик:

— Ну что, дедушка, много ли тебе вина надо?

Старичок Осип:

— Да мне вина теперь нужно две четвертные.

Вот старику принесли вина две четвертные, поставили на стол. Старик как сел за стол, снял с себя серый балахон домашний, домашнюю шляпу катаную треугольную. Как он выпил две четвертные, а в другой комнате сидел да водочку пил поп. Вот как старичок Осип выпил винца, и говорит:

— Ну, буфетчик, подходи, рассчитываться буду.

Старичок шляпу с головы снимает и колотит о стол шляпой треугольной.

— Плачено,— говорит.

Буфетчик говорит:

— Ладно, ладно, дедушка Осип, плачено, поезжай с богом.

А поп сидел, сороковочку выпивал и думает сам про себя:

«Вот я сороковочку выпью, деньги нужно отдать, а со старика не берут».

Как старик одевается, с богом и отправляется домой. Приезжает домой, песенки напевает. Старуха выбегает, радостно старика встречает. Вышла, ворота отворила:

— Что, старик, привез деньги?

— Нет,— говорит,— матка, не привез, у буфетчика все деньги в расходе.

А она ему в ответ:

— Ну ладно, за буфетчиком деньги не пропадут.

Старик ей говорит:

— Да вот на такое-то число посулил, деньги отдаст.

Вот опять дома живут недельку и другую. Опять старик старухе говорит:

— Что, старуха, давай хлеба продадим еще.

— Ну ладно, старик, давай продадим.

Вот старуха сошла в амбар и давай ржи нагребать десять мешков.

Старик опять воз наклал, лошадку запряг и поехал опять на ярмарку. Съехал на ярмарку, постоял-постоял, хлеба никто не купит, никто не берет. Постоял опять.

— А, черт! Место знаю, пойду свезу старому буфетчику, денег нету — вином запью.

Приехал к старому буфетчику и говорит:

— Что, хлеба надо?

А буфетчик ему на ответ:

— Нам, дядя Осип, хлеба-то надо, да деньги-то все,— говорит,— во расходе!

— Ну да ладно, я вином запью.

Буфетчик приказал прислуге свесить хлеб.

Вот как свесили хлеб, вот старик приходит в трактир и говорит:

— Давайте вина три четвертные: две себе да четвертная старухе за утруждение!

Старичок преспокойно снял домашний балахон да шляпу. Сидит, винцо пьет да песенки поет. Как водочки две четвертные выпил, опять таким способом напротив этой комнаты сидел поп да бутылочку водочки пьет. Это сам себе поп и говорит:

— Что за черт! Какая лафа! Вино пьет, а денег не платит.

Старик выпил две четвертные.

— Ну, буфетчик, подходи. Пора домой ехать, буду с тобой рассчитываться.

Вот буфетчик подходит ко столу. Старичок Осип снимает шляпу домашней катки и колотит о стол. Осип буфетчику и говорит:

— Ну, плачено, буфетчик?

А буфетчик:

— Ладно, ладно, дедушка Осип, поезжай с богом.

Буфетчик приказал дедушке лошадку выправить на дорогу. Дедушка в сани сел да песенки запел. Приезжает к дому, старушка выбегает, старика встречает:

— Ну что, старик, привез ли деньги?

А он на ответ:

— Нет, старуха, буфетчик посулил на такое-то число деньги.

Выпрягли они лошадку. Старушка самоварчик поставила, и сели чай пить. Этот старик и говорит старухе:

— Поди, старуха, в санях четвертная водки стоит.

Вот старушка сходила, четвертную водки принесла. И начали они водочку распивать и песенки попевать. Песенок попели, преспокойно уклались себе спать.

Вот однажды время собрались попы на собранье. Выпили водочки попы и потом стали разговаривать кое-что про чего и про мелочи. Один скажет:

— Ох, у меня лошадь хороша!

А другой говорит:

— Что ты лошадь! У меня попадья хороша. Вот есть чем похвастать!

А третий поп говорит:

— Это что за рассказы! А я вот штучку знаю так знаю. А вот я однажды съехал в город, зашел в трактир, приказал чаю на одного. Подали мне чай — и сижу и чаек попиваю. А потом в аккурат комната против комнаты сидел старик да вино пил, четвертную. А выпил четвертную, вдруг кликнул буфетчика и говорит: «Подходи, буфетчик, буду рассчитываться». А я на него все смотрел. Буфетчик подошел. Вдруг он снимает треугольную шляпу и колотит о стол: «Ну, буфетчик, плачено?»

Другой поп говорит:

—Да что ты! Да и я эту штуку видел.

Опять третий поп:

— Да что вы бахвалитесь! Да и я эту штуку видел, что шляпа платит деньги.

Вот как попы принапились пьяные вдрызг, один поп и говорит:

— Вот кабы эта шляпа нам, попам, так мы бы попили.

А эти три попа были родственники: тесть с двумя зятевьями. Эти попы сговорились между собой и стали разговаривать, что давайте поедем и купим эту шляпу у Оськи-старика.

Сговорились, запрягли лошадь и поехали. Поехали до деревни. Приехали и спрашивают дороги:

— Где-то есть здесь такой старичок — зовут Осипом.

Тут им в деревне рассказали дорогу, где старичок живет. Вот они туды и поехали. Едут его стариковой пустошью. В аккурат выезжает сам Осип из лесу, везет воз дров. Увидал старик попов.

— Здравствуйте, батюшки,— говорит.

Вот эти попы:

— Дедушка Осип, мы к тебе едем, к вашей милости.

— А зачем вы едете?

— Да вот нам сказали, что у вас такая-то шляпа есть, вот мы идем купить шляпу.

Дедко и говорит им:

— Да что вы, батюшки, продам ли я шляпу? Она меня поит, и кормит, и баско водит.

— Да, дедушка, мы тебе денег за шляпу много дадим.

— Много ли, батюшки, денег дадите?

— А сколько?

— Да ниже пятисот не отдам. Да и то в том условии, да как старуха согласится. Та отдаст ли?

Поехали со стариком к его дому. Приезжают. Старуха выбегает.

— Ах, здравствуйте, батюшки!

— Здравствуй, бабушка, здравствуй.

— Ой, я сейчас самоварчик, батюшки, поставлю да вас чайком угощу.

А они ей в ответ говорят:

— Ой, бабка, мы не для чаю приехали, а дело делать.

— А зачем, батюшки?

— Да вот, у дедка шляпу покупать приехали. Вот мы у дедки шляпу сторговали.

— А за сколько вы, батюшки, шляпу сторговали?

— Да за пятьсот рублей.

— Что вы, батюшки! Дедко-то вам шляпу продал, а я не продам.

— А что, бабушка, что не продашь? Ведь денег много — пятьсот рублей.

— Что вы, батюшки, у нас шляпа поит, и кормит, и баско водит.

Ну, старуху уговорили.

— Делать нечего! Только вам я ниже пятисот пятидесяти рублей не отдам.

Три попа друг на дружку поглядели.

— Ну да уж,— говорят,— пятьсот рублей дали, а пятьдесят рублей не убьет нас, отдадим. На троих чего стоит!

Отдали пятьсот пятьдесят рублей денег за шляпу. Тесть и говорит зятьям:

— Ну, вы как хотите, любо не любо, а я вам шляпы не отдам. Спробую сам, каково шляпа работает!

Как попы от Осипа уехали домой, нарядился он в шляпу деревенскую треугольную и поехал в город. Приехал в город, зашел где почище гостиница, занял там два номера себе, две комнаты, привел гостей и стал приказывать разных вин и кушанья. Эти гости попировали, оделись и отправились по домам все. Этот поп остался один, надо рассчитываться с буфетчиком.

— Ну, буфетчик, подходи, буду рассчитываться.

Снимает эту шляпу с головы треугольную и колотит о стол:

— Ну, буфетчик, плачено?

Вот буфетчик и говорит:

— Что ты, батюшка, меня морочишь! Деньги отдай пятьдесят рублей.

— Ах, извините, буфетчик, наверное, не тем углом колонул!

Ну, вот и другим углом колонул, дело ничего не выходит.

— Ну, буфетчик, плачено?

— Да что, батюшка, где плачено? Деньги отдай.

Ну, делать нечего! Как поп ни упирался, надо денег отдать пятьдесят рублей.

— Ах, черт тебя побери! Наказала меня шляпа на пятьдесят рублей!

Делать нечего, отдал поп деньги.

— Ну ладно, и зятевьям не скажу. Они побогатее — пускай изъян примут.

Домой приехал, помалкивает преспокойно себе. Приезжает к нему на дом старший зять.

— Ну что, тесть, каково шляпа отвечала?

Ему на ответ:

— Ну, шляпа ответит! Хоть на сто рублей, так заплатит!

И поехал старший зять опять это в город. Приехал в город, пришел, выбрал почище гостиницу, и взял

себе две комнаты, и набрал там гостей вдвое больше, чем у тестя. Набрал гостей — попов, учителей, всех там набрал. Гости пришли, и давай их угощать. Приказал носить буфетчику разные водки, и кушанья, и всего. Гости погостили честь честью, и поблагодарили за хлеб за соль, и отправились домой. Этому попу надо рассчитываться с буфетчиком.

— Ну, буфетчик, подходи к столу, рассчитываться буду с тобой!

Буфетчик подошел к столу. Ну этот поп снял с головы шляпу треугольную. Колотит о стол.

— Плачено? — говорит.

Вот буфетчик и смотрит и глаза выпучил:

— Да что ты? Меня морочишь ли, что ли? Отдай деньги сто рублей мне. Вот у вас другой поп такой дурак находится. Что вы морочите!

Вот поп и говорит:

— Ах, извините, не тем углом колонул!

Колонул.

— Плачено? — говорит.

Буфетчик:

— Да что ты? Как плачено?

— Ах, извините!

И третьим углом колонул.

Буфетчик ему:

— Да что ты, батюшка? Плати, не то полицию позову. Грехом отдашь...

Попу делать нечего, сто рублей — да надо отдавать, да сто рублей не пеша ходят! Ну ладно, так и сяк. «Пускай-ко и я свояку не скажу. У него приход хороший, побогатее меня, и не скажу, что заплатил сто рублей». Приезжает свояк ко свояку и спрашивает:

— Ну что, свояк, каково шляпа работает?

А он ему на ответ:

— Да шляпа хоть на сто рублей ответит!

Свояк у свояка взял шляпу и поехал опять в город. Приезжает в город, в гостиницу, просит номер для гостей. Взял две комнаты, набрал гостей даже больше, чем свояк, втрое больше. Ну, как гости пришли, приказал этот поп буфетчику носить разных вин и кушаньев. Гости попировали несколько времени, погостили и отправились по домам. Остался поп, надо рас-

считываться. Вот поп шляпу надевает и буфетчика призывает:

— Подходи, рассчитываться буду.

Буфетчик подходит.

Поп шляпу с головы снимает, колотит о стол.

— Буфетчик,— говорит,— плачено?

А буфетчик глядел-глядел:

— Да что это у вас третий поп находится такой дурак, да все с этой шляпой?

Буфетчика разгорячили, он взял попа сгреб за косы и давай рвать. Делать нечего, поп закричал:

— Ладно, черт побери! Отдам деньги, только оставьте.

Вынул кошелек из кармана, и отдал полтораста рублей денег, и поехал домой. Приехал домой. Три попа и собрались в одном месте: тесть с двумя зятевьями. Как они водочки привыпили, напились пьяные и стали разговаривать, один поп и говорит:

— Естолько, перестолько, поедем убьем Оську-старика.

А в то время, когда они разговаривали, ходил зимогор (в Петербурге зовут — посадский). Он эти разговоры услышал, что попы этого старичка хотят убить. Этот посадский отправился из этой поповы к старику. Приходит в деревню. Спросил дорогу, приходит к старику, к этому Осипу, и говорит:

— Дедко Осип! Тебя хочут такие-то попы убить.

Как зимогора старик чайком напоил и на напойку чай дал, и сахару, и краюшку хлеба.

— Ну, спасибо, что сказал. Вот, старуха, приедут, нас убьют. А пристать некому, а людей мало у нас.

Вот и придумал.

— Вот что, старуха! Я снаряжу крест, и потом ты меня наряди, а я лягу в передний угол, ты меня саваном закрой, а сама ворота запри, ходи по сараю и причитай.

Через несколько времени слышит, что попы едут; приехали попы, стукают у ворот, а старуха ходит по сараю да причитает. Эти попы ломятся в ворота.

— Ой, да куды вы, батюшки, приехали, как и старик у меня помер, надо снаряжать да класть в гроб. Вот хожу веточки собираю, отрепчей да веников в гроб покласти.

Вот ворота выломали и в избу вошли, а старуха — та все ходит по сараю, и причитает, и в избу не заходит.

Один поп и говорит:

— Вот я его за пятьсот рублей мертвого да крестом колону.

Вот как колонул раз крестом, а тот руку и откинул.

А другой поп и говорит:

— Ну, ты неладно колотишь. Дай-ка я хорошенько!

Взял другой поп крест в руки и ударил. Он опять ногу откинул.

А третий поп говорит:

— Ну, вы неладно колотите, дайте-ка я колону, так он вскочит.

Вот третий поп взял крест да как его ударил. Старик свернулся с лавки, попу в ноги бух:

— Ой, батюшко, спасибо тебе, спасибо. Оживил меня, а не то старухе беда бы без меня жить было.

Попы обратно лошадь вернули и уехали. Приехали домой, разъехались по своим домам. Вдруг по всей России-империи и пошел слух: в таком-то городе такой-то помер генерал. Жена генерала дала знать по всей России: кто если мог бы воскресить ей мужа, того бы наградила несметной суммой. Эти попы собрались вместе и стали между собой толковать. Вот один поп и говорит:

— Мы одного старика Осипа воскресили этим крестом. Возьмем его, пойдем и купим у старика этот крест.

Вот эти попы запрягли лошадь и поехали туда к старику. Приехали к старику и стали говорить:

— Дедушка! Мы к твоей милости приехали.

— А зачем, батюшки, приехали?

— А вот приехали, крест у тебя надо купить нам.

— Что вы, батюшки, продам ли я крест? Он меня поит, и кормит, и баско водит. Я, глядишь, кого воскрешу! Мне и дают то пятерочку, то десяточку. Вот я со старухой живу и питаюсь этим.

— Ну да что, дедушка, продашь крест?

— Да ведь как, батюшки, продать-то! Сколько дадите мне?

— А сколько, дедушка, возьмешь ты-то?

— Да ведь как, батюшки? Как вам любо не любо, а я ниже пятисот креста этого не отдам.

Вот эти попы друг на дружку посмотрели и пятьсот рублей денег отдали за крест. Сели и поехали. Приехали домой и с дому отправились, где генерал помер. Приехали в такой-то город, допросились, дом какой номер, какая квартира. Дом — № 50, квартира 33. Приходят на кухню туда, их спрашивают:

— Вы оживлять пришли?

— Точно так, мы оживлять пришли.

Их запустили в комнату, где генерал был наряженный. Тогда заперлись в комнату, их только трое. Один одному и говорит:

— Давай крестом.

Один взял крест и взял шмякнул генерала крестом. Покойник не встает. Другой и говорит:

— Ты неладно колотишь, дай я снова колону.

Вот как снова колонул, так еле со столов не уронили, а родитель не встает. Вот третий опять поп говорит:

— Дай-ко я свистну, дак он у меня вскочит.

Третий так его ударил, что череп с него сшиб. Потом они тут напугались, склонились над столом. Захватят — беда, никуда не уйдешь. Оживить не оживили, а наказовать наказовались. Вот стали друг дружке толковать. Один поп и говорит:

— Вот что, давай сделаем условие, чтоб никто три часа к нему не ходил.

Вот они так и сделали: вышли на кухню, сейчас генеральше:

— Вы через три часа только идите туда в горницу, а пока не ходите!

Три часа — время много. Помаленьку, понемногу надо утекнуть из города. Вот лошадей наняли — и тягу из города!

А уж на ихние деньги старичок Осип кабачок открыл. Преспокойно, как старушка померла, себе водочку поторговывал. Вот эти попики и едут. Едут, увидали, что вывеска старика Осипа на кабачке. Один поп посмотрит:

— Ух, здесь Оська торгует вином! Ишь на наши деньги как хапит!

Один поп и говорит:

— Он за наши деньги хапит, пойдем убьем его.

А два попа:

— А как мы его убьем? Поедем мимо!

— Нет, нельзя, надо убить его.

Слезли с тарантаса, ямщик вернул коней и уехал. Раньше кабаки ставнями закрывались. Старичок все ставни закрыл, попасть к нему нельзя.

Вот один поп:

— Я попаду!

Сейчас перелез через забор и к окошку. Взял полено, разбил это окно и полез туда. Полез, а старичок-то, не будь глуп, сейчас туда, взял топор и бац его по голове. Этому попу делать нечего. Взял его старик за косы, затащил в кабак и бросил за бочку-сороковку. Вот там два попа стоят, между собой и толкуют:

— Что же как долго он старичонку убивает?!

— Поди-ко,— посылает другого,— вам вдвоем сподручнее — скорее убьете.

Другой поп туда через забор. Приходит к окну, опять таким образом влезывает, как и тот. Старичок опять ударил его обухом, и свернулся тот. Взял за косы, втащил в окно, опять за бочку бросил. Потом третий поп стоит ждет, долго дожидается. Сам себе и говорит:

— Что за черт! Неужели двое убить его не могут? Наверно, помирились, вино пьют там. Надо идти и мне!

Вот третий поп через забор и тоже туда. Опять к окну подошел и полез. И опять таким способом по лбу обухом старик ударил и убил. Втащил этого попа за косы и повалил в передний угол на лавку. Этот поп лежит. А у Осипа был такой человек, вроде как звали его Василием. День ходил куски собирал, а к ночи в кабачок к Осипу. Пришел этот Василий ночевать. Вот Осип и говорит:

— Ой ты, Василий, Василий! Чего вчера не пришел? Какой-то был: не знаю — поп, не знаю — монах, вино припил и меня прибил.

Вот этот Василий и говорит:

— Вот, дядя Осип, давай его потоплю!

Вот Василий взял монаха на плечо и понес в озеро топить. Взял на дорогу себе бутылочку водочки в карман и пошел преспокойно. Дошел до озера. Принес

этого попа. Бац только в прорубь его, утопил, да сам и смотрит — не выходит ли где. Посидит-посидит да стаканчик и выпьет. Как посидел до вечера, стало холодновато. И отправился опять к старику Осипу. А уж старик Осип, не будь глуп, повалил опять этого попа на эту же лавку. Васька приходит к Осипу, отворяет двери и спрашивает у дяди Осипа:

— Что, дядя Осип, что, поп пришел или нет?

Осип говорит этому Василию:

— Еще пуще стал хуже, пришел сердитее.

— Да что? Кажется, я его топил да посмотрел в прорубь, не выходит ли оттуда. Ну ладно, дядя Осип, давай я потоплю да подольше посижу,— четвертную водки дай.

Вот взял попа на плечо, а четвертную под пазуху. Донес его до озера. Опять таким же манером в прорубь, бац туда, только пузырьки, глядит — не выходит ли оттуда поп. Как просидел суточки, стало светать, на свету просмотрел на все стороны — не видать попа. Значит, без отрыжки готово! Опять преспокойно пошел к старику Осипу в кабачок. Приходит в кабак и спрашивает у дяди Осипа:

— Что же, дядя Осип, пришел ли поп?

А Осип ему на ответ:

— Да что, Василий! Пришел еще сердитее, меня почти прибил и вина больше выпил.

Василий не видел раньше, что в углу лежит третий поп.

— Давай полведра вина. Значит, я этого попа снесу, значит, без отрыжки не придет. Два дня просижу!

Осип дал полведра, он взял полведра, попа на плечо — и к озеру. Вот принес к озеру, бац его в прорубь — только пузырьки пошли. Стоит кверху ногам березой. Сидит себе Василий, покуривает да водочку попивает. Вот он суточки сидит, другие сидит, попа все нет, не выходит из озера: значит, утопил уж! И на другие сутки сидит, досидел до свету. А дело это было против воскресенья. Церковка была у озера; как стало светать, сторож действительно звонил. Надо заутреню служить. Оделся поп и пошел бережком. Вот Василий увидал этого попа, что поп идет. Скочил, да за попом драла и туда же.

— Ах ты, черт косматый! Я тебя три раза топил, а ты все выходишь.

Поп испугался:

— Что ты? Что ты? За что меня так?

Этот Василий:

— Эх! За что ты у Осипа-старика вино все припил и его прибил?! Я тебя прямо утоплю!

Никаким богам не мог молиться поп, схватил Василий его за косы и понес в прорубь. Донес до проруби, взял за ноги:

— Кайся грехами!

Попу неохота умирать. Взял его Василий за ноги и бац туды — только пузырьки пошли. Утопил, посидел и отправился к старику Осипу в кабачок. Пришел и спрашивает:

— Ну что, дядюшка Осип? Не приходил поп?

— Нет, батюшка, не приходил.

— Ну, значит, я его утопил.

Сторож действительно звонил, а все попа нету.

— Что за черт? Попа все нету! Пойду домой, к попу схожу.

Пришел и спрашивает:

— Где, матушка, батюшка?

— Да батюшка ушел в церковь.

— Да как же, матушка, ушел в церковь? Я бы увидел — трезвонить стал!

— Да, наверно, в церкву пришел туда.

Сторож обратно вернулся в церковь, посмотрел — в церкви нету. Стали попа искать-поискать — найти не знают где. Тем и кончилось. Я там тоже был, сказки сказывал. Кто слушал, тот скушал, а кто сказал, тот слизал.

4. БРЮХАТЫЙ ПОП

Был у нас, ну, скажем, как вы больше знакомы,— в Шуньге — жадный поп. Уж, знаете, по-крестьянски любят брюхо набить. А он так по-поповски. И то все дивовали. Кто к ему придет, корочки не даст, а сам за щеку прячет.

Ну, вот. Праздновали в Шуньге. Он и пошел с крестом. (Это так у нас попы ходят.) Придет, лошадиным хвостом побрызжет — и гони ему чё-ле.

Ну он куда придет:

— Бла-а-гослови бог! (А хорош ли пирог?)

Все сам на стол заглядывает, помашет хвостом со святой водичкой. Кому в глаз, кому в лоб. А сам ногою топ-топ. К столу, значит, ближе.

— Православные живите дру-у-жно! (А к киселю молока нужно.)

— Во имя отца и сына и святого духа! (А в рыбнике запеклась муха.)

— Бойтеся греха и ад-а-а! (Покормить попа надо.)

Да и насядет. Только скулы потрескивают. Рыбник — так с костями, кисель с блюда слизом. Нажрется так — пузо вздует. Ряса торчком стоит.

— Мир дому сему, отныне и до ве-ка-а! (Накормили человека.)

Да в новую избу.

Ходил это он до вечера. Нажрался зело, к душе подвезло. Он за брюхо схватился. Глаза закативши. А сам рукавом машет:

— Нет бога свят-ей! (Запрягайте лошадей.)

Его на дровни. Свалили и повезли. У нас какие дороги... Короста. Его и подпрыгивает.

— Ох-ох-ох! Помогите, родимые! Помираю!

А у него брюхо вспучило, ну не хуже, как у тяжелой бабы.

А уж мать-попадья у тына стоит.

— Что с тобой, батюшка?

— Обрюхател, матушка.

— Ох-ох-ох! Надо за бабкой Маланьей бежать, обабит.

Бабка Маланья пришла попа направлять:

— Здравствуй, батюшка, обрюхател?

— Обрюхател. Не направишь ли?

Она его и так, и сяк, и в бане парила.

— Ничего,— говорит,— веретешком не поможет, рожать будешь.

Тут поп завыл:

— Куда я рожать?! Засмеют! Прогонят! Архиерей в синоде судить будет.

— Надо потихоньку, из села долой.

— Куды-ы я пойду?

Ну, ночь пала. У попа воют. Собрала ему попадья шанежек да еще и говорит:

— Иди, батюшка, из села. Сраму примешь.

Он и пойди. Идет да на брюхо косится. Шел это он леском-лединой. Лежит человек убитый. Он и говорит:

— Господи, помилуй и помоги-и! (А на нем хорошие сапоги.)

Да давай с мертвяка сапоги тащить. А тот уж заколел. Сапоги нейдут. Поп взял да сапоги-те с ногами отрезал. В сумку сложил, дале идет.

Ну, уж время на полночь. Стоит изба. Он и попросись ночевать.

Его запустили, он и лег на печь, сапоги под голову. И заспал.

А у хозяев тех корова тельна была. Да в ту ночь отелилась. Они и взяли теленочка, чтоб не замерз, на печь положили. Подле попа. Он ночью проснись — меж ногами мокро. Кто-то помыкивает.

— Свят, свят, свят, да я родил.

От сраму скорей с печи да вон из избы. И котомку призабыл и сапоги-те.

Утром хозяева встали.

— Иди, батюшка, щей хлебать.

Ответу нет.

Они на печь полезли, а там два сапога, да с ногами. Они и вопят:

— Беда, наш теленок попа съел!

Созвали деревню да того теленка и порешили. А ноги с сапогами зарыли: ведь батюшкины, священнейшего.

А тот поп и сейчас ходит. Может, брюхо-то сбавил.

5. ДВЕ СТАРУХИ И АРХИЕРЕЙ

Однажды в один приход приезжает архиерей. В деревне, где был приход, жили две старухи, которые никогда не видали архиерея. Старухи стали говорить своим сыновьям, чтобы им сходить в церковь и увидеть архиерея. Сыновья стали готовить своих матерей, чтобы подойти старухам на благословение: тогда только тщательно могут увидеть архиерея.

— Чтобы подойти на благословение к архиерею, нужно правую руку положить на левую и приблизиться к нему, а он положит на ваши руки свою, тогда

поцелуйте его руку и придете домой,— сказали сыновья своим матерям.

Вот пошли эти старухи. Подходят они к церкви, увидали — стоит карета у церкви. Они думали, что архиерей сидит в карете. А на самом деле архиерей был в церкви, а в карете у него оставалась любимая собака. Старухи стали между собой толковать: заглянуть в карету или ждать выхода? И решили заглянуть. Одна из них говорит:

— Я карету отворю, а ты правую руку на левую сложь, подойди ближе к двери и подставляй; а когда архиерей положит правую руку, ты тогда целуй его руку.

Одна старуха отворяет, а другая сложила свои руки, и подошла к дверцам кареты, и просунула их туда.

А в карете любимая архиерейская собака, увидя старуху со сложенными руками, подумала, что лапку просит. Собака дала лапку — положила старухе на ладонь. Старуха поцеловала эту лапку, стала придерживать дверцу, чтобы другая старушка подошла. Та тоже сложила так руки, просунула в карету,— собака и ей положила лапку на ладонь, и она поцеловала лапку. И веселые пошли домой.

Когда пришли домой, то дети стали спрашивать старух: как, видели они архиерея или нет? А старушки говорят:

— Да, видели.

— Ну, кого он из себя представляет?

— Ой, батюшки! — говорят старухи.— Весь на нашего барбоса походит.

Сыновья удивились и подумали: «Видно, все архиереи — псы».

6. ВИДЕЛ ЛИ АРХИЕРЕЙ ДУШУ ЧЕЛОВЕКА?

В одном монастыре жил архиерей. Он держал у себя келейника, который ухаживал за архиереем, стлал ему постель, варил еду. Келейник был неграмотным. Архиерей держал его потому, что он всегда в спальне и в келье наводил порядок.

Однажды келейник запоздал. Приходит он к спальне и хотел 'прийти приготовить постель. Когда стал тянуть дверь спальни, то дверь была крепко заперта. Он так удивился: «Почему архиерей так рано лег спать?». Он хотел зайти к нему и просить извинения, но не хотел нарушать сон архиерея и стал прислушиваться. Если только архиерей не храпит, значит, он не спит, а если храпит, то он отошел ко сну. Но вместо храпения он услышал разговор. Говорил архиерей:

— Ну, душа, бери юбку, башмаки и отправляйся!

Келейник испугался, что он нарушит архиерею тайное видение, и он поспешил убежать от дверей.

Все он думал, как бы спросить у архиерея о разговоре в спальне.

Однажды пошли они в баню. Когда он архиерея мыл, и думает себе: «Сейчас удобное время спросить у него о видении души».

Завел он разговор с архиереем, что может ли кто видеть душу человеческую?

— Никому невозможно видеть душу человеческую,— говорит архиерей.— Кто только угодит богу, тот только может видеть душу человеческую.

Келейник бросил мыть архиерея, и стал перед ним на колени, и сказал:

— Владыко, я не достоин тебя мыть, потому что ты достоин бога — всегда можешь видеть душу человеческую.

Архиерей удивился и говорит:

— Откуда ты можешь знать, что я видел душу человеческую?

Тогда келейник ему и говорит:

— Владыко, однажды я запоздал и не вовремя пришел стелить вашу постель. Ваша дверь оказалась закрыта, и я не посмел нарушить вашего сна и стал прислушиваться; вы сказали тогда: «Ну, душа, бери юбку, башмаки и отправляйся!!». Вот вы тогда видели душу человеческую.

Архиерей испугался, что его тайна будет раскрыта, и велел этой тайны никому не открывать:

— За это я дам тебе большую награду. Чего хочешь, того и дам, проси у меня.

А келейник вдруг сказал:

— Ничего мне не надо: ни золота, ни серебра. Сколько бы вы мне ни дали, я все равно издержу, а лучше поставьте меня попом и дайте мне приход. Это до смерти будет мне кусок.

Аркиерей говорит ему:

— Ты ведь неграмотный, как я тебе могу дать сан священника?

А келейник настаивает на своем:

— Если поставите меня попом, то это я возьму.

Наконец архиерей думал-думал и додумался, что можно его отправить туда, где попов не было.

Архиерей поставил его попом, дал ему указ и направил его в Туруханск, где народ был совсем неграмотным.

Вперед этого попа в Туруханск отправили депешу, что едет поп. Тогда туруханский трапезник и сторож стали с нетерпением ждать попа. Наконец-то поп приехал. Приходит к нему трапезник, подходит на благословение к священнику и ожидает его приказания. Поп ему приказывает, чтобы раньше вставал и звонил в колокол.

Утром рано встает трапезник и звонит в колокол. Народ стал собираться к обедне.

Когда набралось народу полная церковь, тогда поп приходит к северным дверям, заходит в алтарь, одевается в поповское облачение. Отворяет царские двери, выносит оттудова книгу и начинает всех градить. Люди, увидя священника, начали молиться, кто стоя, а кто на коленях. Священник спросил:

— Вы, прихожане, не знаете, какая это книга?

Прихожане говорят:

— Нет, мы не знаем.

Тогда он говорит:

— Нечего вам и читать.

Поп раздевается и уходит домой. Прихожане все остаются в церкви и толкуют: «Зачем мы сказали, что не знаем эту книгу? Надо было сказать, что знаем».

Решили они, что на другой раз надо говорить, что все знаем.

И вот на другой раз священник пришел служить обедню. Оделся он, открыл царские двери, вынес книгу, стал градить и спрашивает:

— Прихожане, знаете ли, какая это книга?

Тогда люди все в один голос ответили:

— Знаем!

— Ну, если знаете, тогда вам нечего и читать,— сказал поп.

Такова была служба попа. Если говорят, что не знают книгу, то он говорит: «Не надо читать», а если знаешь книгу, то он говорит то же: «Не надо читать».

Так всю свою жизнь поп провел в этом приходе.

7. ХИТРАЯ БАБА

Жил-был мещанин, у него была пригожая жена. Жили они и прожилися.

И говорит жена мужу:

— Надо нам с тобой поправиться, чтоб было чем свои головы прокормить.

— А как поправиться?

— Уж я придумала, только не ругай меня.

— Ну, делай, коли придумала.

— Спрячься-ка,— говорит жена,— да выжидай, а я пойду приведу к себе гостя, ты и застучи: тут мы дело и обделаем.

— Ну хорошо.

Вот взяли они короб, насыпали сажею и поставили на полатях. Муж спрятался, а жена набелилась, нарумянилась, убралася и вышла на улицу да и села подле окошечка — такая нарядная.

Немного погодя едет мимо верхом на лошади поп, подъехал близко и говорит:

— Что, молодушка, нарядилася, али у тебя праздник какой?

— Какой праздник, с горя нарядилася: теперь я одна дома.

— А муж где?

— На работу уехал.

— Что ж, голубушка, твоему горю пособить можно: пусти-ка меня к себе в гости, так не будешь одна ночь коротать.

— Милости просим, батюшка!

— Куда ж лошадь девать-то?

— Веди на двор; я велю батраку прибрать ее.

Вот вошли они вдвоем в избу.

— Как же, голубушка! Надо наперед выпить; вот целковый — посылай за вином.

Принес батрак им целый штоф водки: они выпили и закусили.

— Ну, теперь пора и спать ложиться,— говорит поп,— поваляемся немножко...

Поп разделся донага и только улегся на кровать, как муж застучал шибко-нашибко.

— Ох, беда моя! Муж воротился! Полезай, батюшка, на полати и спрячься в короб!

Поп вскочил в короб и улегся в саже. А муж идет в избу да ругается.

— Что ты!.. Дверь долго не отворяешь!

Подошел к столу, выпил водки стакан и закусил; вышел потом из избы и опять спрятался, а жена поскорей на улицу и села под окошечком.

Едет мимо дьякон. С ним то ж случилось.

Как застучал муж, дьякон, раздетый догола, чебурах в короб с сажей и прямо попал на попа.

— Кто тут?

— Это я,— говорит поп шепотом.— А ты, свет, кто?

— Я, батюшка, дьякон.

— Да как ты сюда попал?

— А ты, батюшка, как?

— Уж молчи, чтоб хозяин не услыхал, а то беда будет.

Потом таким же образом заманила к себе хозяйка дьячка.

Очутился и он в коробе с сажей; ощупал руками попа и дьякона.

— Кто здесь?

— Это мы, я и отец дьякон,— говорит поп,— а ты, кажись, дьячок?

— Точно так, батюшка.

Наконец пошла хозяйка на улицу и звонаря заманила.

Звонарь только разделся, как раздался шум и стук; он бултых в короб.

— Кто тут?

— Это я, свет, с отцом дьяконом и дьячком; а ты, кажись, звонарь?

— Так точно, батюшка.

— Ну, свет, теперь весь причт церковный собрался.

Муж вошел и говорит жене:

— Нет ли у нас сажи продажной? Спрашивают, купить хотят.

— Пожалуй, продавай,— говорит жена,— на полатях целый короб стоит.

Взял он с батраком, взвалили этот короб на телегу и повезли по большой дороге.

Едет барин.

— Сворачивай! — кричит во всю глотку.

— Нельзя, у меня черти на возу.

— А покажи! — говорит барин.

— Дай пятьсот рублей.

— Что так дорого?

— Да, коли открою короб, только и видел их: сейчас уйдут.

Дал ему барин пятьсот рублей.

Как открыл он короб, как выскочил оттуда весь причт церковный да во всю прыть бежать — настоящие черти, измазанные да черные!

8. ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ

Повесть о некотором госте богатом и о славном о Карпе Сутулове и о премудрой жене ево, како не оскверни ложа мужа своего.

Бе некто гость велми богат и славен зело, именем Карп Сутулов, имеяй жену у себя именем Татиану, прекрасну зело. И живяше он с нею великою любовию. И бе гостю тому Карпу живуще во граде некоем, и в том же граде друг бысть велми богат и славен и верен зело во всем, именем Афанасий Бердов. Тому же преждереченному гостю Карпу Сутулову прилучися время ехати на куплю свою в Литовскую землю. И шед, удари челом другу своему Афанасию Бердову: «Друже мой любиме, Афанасие! Се ныне приспе мне время ехати на куплю свою в Литовскую землю, аз оставляю жену свою едину в доме моем; и ты же, мой любезнейший друже, жену мою, о чем тебе станет бити челом, во всем снабди: аз приеду от купли своей, буду тебе бити челом и платитися». Друг же его Афа-

насий Бердов глаголя ему: «Друже Карпе мой! аз рад снабдевати жену твою». Карп же шед к жене своей и сказа ей: «Аз был у друга своего Афанасия и би челом ему о тебе; аще какая без меня тебе будет нужда в денгах, да снабдит тебя во всем друг мой Афанасий; рекох мне он: «Аз рад снабдевати без тебя жену твою»».

Карп же наказа и жене своей Татиане тако: «Госпоже моя, Татиана, буди бог между нами. Егда начнешь творити без меня частыя пиры на добрых жен, на своих сестер, аз тебе оставляю денег на потребу, на что купити брашна на добрых жен, на своих сестер, и ты поди по моему приказу ко другу моему Афанасию Бердову и проси у него на брашна денег, и он тебе даст сто рублев, и ты, чай, тем до меня и проживешь. А моего совету блюди, без меня не отдавай и ложа моего не скверни».

И сия рек, отъиде на куплю. Жена же провождаше его в путь далече честно и любезно, и радостно велми, и возвратися в дом свой, и нача после мужа своего делати на многия добрыя жены частыя пиры и веселяся с ними велми, воспоминая мужа Карпа в радости.

И нача, и живши она без мужа своего многое время, и тако издержала денги остатки. И минувши уже тому три года, как поеде муж ея, она же шед ко другу мужа своего, ко Афанасию Бердову, и рече ему: «Господине, друже мужа моего! даждь ми сто рублев денег до мужа, а муж мой Карп, когда поехал на куплю свою, и наказал: «Егда до меня не станет денег на потребу, на что купити и ты поиди моим словом ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и возми у него на потребу себе (на) брашна денег сто рублев». И ты же ныне пожалуй мне на потребу на брашна денег сто рублев до мужа моего: егда муж мой приедет от купли своей, и тогда все тебе отдаст». Он же на ню зря очима своима и на красоту лица ея велми прилежно, и разжигая(ся?) к ней плотию своею и глаголаша к ней: «Аз дам тебе на брашна денег сто рублев, толко ляг со мной на ночь». Она же о том словеси велми за(с)умневашася и не ведает, что отвещати, и рече ему: «Аз не могу того сотворити без повеления отца своего духовнаго, иду и вопрошу отца своего духовнаго: что ми повелит, то и сотворю с тобой».

И шед вскоре и призвав к себе отца своего духовнаго и рече ему: «Отче мой духовный, что повелиши о сем сотворити, понеже муж мой отъиде на куплю свою и наказав мне: «Аще ли до меня не достанет тебе на потребу денег, чем до меня (жити), и ты ж иди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и он тебе по моему совету даст тебе денег сто рублев». Ныне же мне у меня не доставшу сребра на брашна, и аз идох ко другу мужа моего, ко Афанасию Бердову, по совету мужа своего. Он же рече ми: «Аз ти дам сто рублев, толко буди со мною на ночь спать». И аз не вем, что сотворити, не смею тебе, отца своего духовнаго, того с ним сотворити без повеления твоего: и ты ми (что) сотворити повелиши?». И рече ей отец духовный: «Аз тебе дам и двести рублев, но пребуди со мною на ночь». Она же о том словеси велми изумилася и не ведает, что отвещати отцу своему духовному, и рече ему: «Дай ми, отче, сроку на малую годину».

И шед от него на архиепископов двор тайно и возвести архиепископу: «О, велики святы, что ми повелеваеши о сем сотворити: понеже муж мой, купец славен зело Карп Сутулов, отъиде на куплю свою в Литовскую землю, се уж ему третие лето, и после себя оставил мне на потребу денег; отныне же мне не доставши сребра на пропитание до него, и как муж мой поехал на куплю свою и наказал мне: «Аще ли не достанет тебе денег, чем до меня пропитатися, и ты по моему совету поиди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и он по моему приказу даст тебе на потребу на брашна денег сто рублев». И аз шед ныне ко другу мужа своего Афанасию Бердову и просила у него на потребу себе денег до мужа своего сто рублев. Он же рече ми: «Аз дам ти и сто рублев, толко ляг со мною на ночь». И аз не смела того сотворити без повеления (отца) своего духовнаго и шед ко отцу своему духовному и вопроси о сем отца своего духовнаго, что ми повелит, он же рече ми: «Аще ты со мною сотворишь, аз дам ти и двести рублев». И аз с ним не смела того сотворить». Архиепископ же рече: «Остави обоих их, попа и гостя, но пребуди со мною единым, и аз дам тебе и триста рублев». Она же не ведает, что ему отвещати, и не хотяше таковых слов преслушати, и рече ему: «О, велики святы, како я могу

убежати от огня будущаго?». Он же рече ей: «Аз тя во всем разрешу».

Она же повелевает ему быти в третием часу дни.

И тако шед ко отцу своему духовному и рече ему: «Отче, будь ко мне в 6 часу дни».

Потом же иде к другу своего мужа, ко Афанасию Бердову, (и рече): «Друже мужа моего, приди ко мне в 10 часу дни».

Прииде же ныне архиепископ. Она же встретила его с великою честью. Он же велми разжигая плоть свою на нея и принесе ей денег триста рублев, и даде, и хотяше пребыти с нею. Она же рече: «Требуеши облещи на ся одежду ветхую самую; (не добро) пребыти со мною, в ней же пребываеши при многоцветущем народе и бога славиши, в том же и самому паки к богу быти». Он же рече: «Не виде никто мя и в этом платье, что мне и оно облещи, но некоему нас с тобою видети». Она же рече ему: «Бог, отче, вся видит деяния наша: аще от человека утаим странствие наше, но он вся весть, обличени(я) не требует. И сам-то господь не придет с палицею на тя и на вся злотворящая, таковаго человека зла пошлет на тя, и тот тя имать бити и безчествовати и предати на обличение протчим злотворящим». И сия глаголаше ко архиепископу. Он же рече ей: «Тол(ко), госпоже моя, не имею никакой иныя одежды, какие в мире носят, разве аз(у) тебе требую какую ни есть одежду». Она же даде ему свою женскую срачицу, якоже сама ношаше на теле, а тот сан сняше с него и вложиша к себе в сундук, и рече ему: «Аз кроме сея одежды не имею в дому своем, понеже отдала портомоице, что носяше муж мой». Архиепископ же с радостию взяше и возде на себе збором женскую рубаху: «На что ми, госпожа, лутше сея одежды требовати, понеже требую (пребыти) с тобою». Она же отвещаше к сему: «Се аз сотворю, но еще прежде покладимся со мною».

И в то же время прииде ко вратом поп, отец ея духовны, по приказу ея, и принесе ей с собой денег двести рублев и начал толкатися во врата, она же скоро возре в окошко и восплеска рукама своима, а сама рече: «Благ господь, понеже подаст ми безмерную и превеликую радость». Архиепископ же рече: «Что, госпоже, велми радостна одержима бысть?». Она

ж рече ему: «Се муж мой от купли приехал, аз же в сим времени ожидала его». Архиепископ же рече ей: «Госпоже моя, где мне деватися срама ради и безчестия?». Она же рече ему: «И ты, господин мой, иди в сундук и сиди (там), и аз во время спущу тя». Он же скоро шед в сундук, она же замкнула его в сундуке. Поп же идя на крылцо. Она же встретила его. Он же даде ей двести рублев и нача с нею глаголати (о прелюбезных) словесех. Она же рече: «Отче мой духовный, как еси ты прелстился на мя? Единаго часа (ради) обоим с тобою во веки мучитися». Поп же рече к ней: «Чадо мое духовное, аще ли в коем греси бога прогневляеши и отца своего духовнаго, то чем хощеши бога умолити и милостива сотворити?». Она же рече ему: «Да ты ли, отче, праведны судия? имаши ли власть в рай или в муку пустити мя?».

И глаголющим им много, ажно ко вратом гость богат, друг мужа ея, Афанасий Бердов. И нача толкатися во врата. Она же скоро прискочила к окошку и погляде за оконце, узре гостя богатаго, друга мужа своего, Афанасия Бердова, восплеска рукама своима и поиде по горнице. Поп же рече к ней: «Скажи ми, чадо, кто ко вратом приехал и что ты радостна одержима бысть?». Она же рече ему: «Видиши ли, отче, радость мою: се же муж мой от купли приехал ко мне и свет очию моею». Поп же рече к ней: «О беда моя! Где мне, госпоже моя, укрытися срама ради?». Она же рече ему: «Не убойся, отче, сего, но смерти своей убойся, греха смертнаго; единою (смертию) умрети, а грех сотворяй, мучитися имаши во веки». И во оной храмине указа ему сундук. Он же в одной срачице и бес пояса стояше. Она же рече ему: «Иди, отче, во иной сундук, аз во время испущу тя з двора своего». Он же скоро шед в сундук. Она же замкнула его в сундук, и шед скоро, пусти к себе гостя. Гость же пришед к ней в горницу и даде ей сто рублей денег. Она же прияше у него с радостию. Он же зря на неизреченную красоту лица ея велми прилежно. Она же рече ему: «Чесо ради прилежно зриши на мя и велми хвалиши мя? а не ли же некоему человеку мнози люди похвалиша жену, она же зело злобаше (*чит.:* зла бяше), он же целомудренны тогда похвалу». Он же рече ей: «Госпожа моя, егда аз насыщуся и на-

слаждуся твоея красоты, тогда прочь отъиду в дом свой». Она же не ведаше, чим гостя отвести, и повеле рабе вытти и стучатися. Рабыня же по повелению госпожи своея шед вон и начаша у врат толкатися велми громко. Она же скоро потече к окошку и рече: «О всевидимая радость от совершенныя моея любви, о свете очию моею и возделение души моея (и) радость». Гость же рече к ней: «Что, госпоже моя, велми радостна одержима бысть? Что узрила за окошком?». Она же рече к нему: «Се муж приехал от купли своея». Гость же, послышав от нея таковые глаголы, и нача по горнице бегати и рече к ней: «Госпоже моя, скажи мне, где от срамоты сея укрытися?». Она же указа ему 3 сундук и рече ему: «Вниде семо, да по времени спущу тя». Он же скоро кинулся в сундук. Она же замкнула его в сундуке том.

И на утре шед во град на воевоцки двор и повелеша доложити воеводе, чтоб вышел к ней. И рече к ней: «Откуда еси, жена, пришла и почто ми велела вытти к себе?». Она же рече к нему: «Се аз, государь, града сего гостиная жена: знаеши ли ты, государь, мужа моего, богатаго купца, именем Сутулов?». Он же рече к ней: «Добре знаю аз мужа твоего, понеже муж твой купец славен». Она же рече к нему: «Се уже третие лето, как муж мой отъиде на куплю свою и наказал мне взяти у купца же града сего, у Афанасия, именем Бердов, сто рублев денег — мужу моему друг есть, — егда не достанет. Аз же делаше после мужа своего многия пиры на добрых жен и ныне мне не доставши сребра. Аз же к купцу оному, ко Афанасию Бердову, ходила и се купца онаго дома не получила, у котораго велел мне муж мой взяти. Ты же мне пожалуй сто рублев, аз тебе дам три сундука в заклат з драгими ризами и многоценными». И воевода рече ей: «Аз слышу, яко добраго мужа есть ты жена и богатаго: аз ти дам и без закладу сто рублев, а как бог принесет от купли мужа твоего, аз и возму у него». Тогда она же рече ему: «Возми, бога ради, понеже ризы многия и драгия велми в сундуках тех, дабы тати не украли у меня сундуков тех. Тогда, государь, мне от мужа моего быть в наказани, и в т(у) пору станет ми говорить: «Ты быде положила на соблюдение человеку доброму до меня». Воевода же, слышав, велел привезти

вся три сундука, чаяше истинно драгия ризы. Она же, шед от воеводы, взяша воевоцких людей пять человек, с коими и приехаша к себе в дом и поставиша, приехаша опять с ними и привезоша сундуки на воевоцки двор, и повеле она воеводе ризы досмотрити. Воевода же повеле ей сундуки отпирати все 3, и видяше во едином сундуке гостя седяща во единой срачице, а в другом сундуке попа во единой же срачице и бес пояса, а в третием сундуке самого архиепископа в женской срачице и бес пояса. Воевода же, видя их таковых безчинных, во единых срачицах седяща в сундуках, и посмеяхся и рече к ним: «Кто вас посади тут в одных срачицах?». И повелеша им вытти из сундуков, и быша о(т) срамоты, яко мертвы, посрамлени от мудрыя жены. И падше они воеводе на нозе и плакася велми о своем согрешени. Воевода же рече им: «Чесо ради плачетеся и кланяетеся мне? Кланяйтеся жене сей, она бы вас простила о вашем неразумии». Воевода же рече пред ними и жене той: «Жено, скажи, како их в сундуках запирала?».

Она же рече к воеводе, как поехал муж ея на куплю свою и приказал ей у гостя того просить денег сто рублев, и как (к) Афанасию ходила просити денег сто рублев, и како гость той хотя с нею пребыти; тако ж поведа (про) попа и про архиепископа все подленно, и како повелеша им в коих часех приходити, и како их обманывала и в сундуках запирала.

Воевода же, сие слышав, подивися разуму ея, и велми похвали воевода, что она ложа своего не осквернила. И воевода же усмехнулся и рече ей: «Доброй, жено, заклат твой и стоит тех денег!». И взя воевода з гостя пятьсот рублев, с попа тысящу рублев, со архиепископа тысящу пятьсот рублев и повелеша воевода их отпустить, а денги с тою женою и разделиша пополам. И похвали ея целомудренны разум, яко за очи мужа своего не посрамила, и таковыя любви с ними не сотворила, и совету мужа своего с собою не разлучила и великую честь принесла, и ложа своего не осквернила.

Не по многем времени приехал муж ея от купли своей. Она же ему вся поведаша по ряду. Он же велми возрадовася о такой премудрости жены своей, како она таковую премудрость сотворила. И велми муж ея о том возрадовася.

Украинские

1. КАК ПОП МЕНЯТЬ ЕЗДИЛ

В одном селе был дьяк, да такой брехун, что, не соврavши, не мог ничего говорить.

Однажды встречает он попа. А поп был выпивши.

— Здоровенько, батюшка.

— Здравствуй, Федор. А ну-ка сбреши что-нибудь.

А Федор будто бы никогда и не врал.

— Э, батюшка, недосуг мне врать, надо лошадь запрягать и в село ехать: у чумаков быки болеют, так они за мешок мякины по два мешка соли дают.

— Да ну!

Поп даже затрясся, велел поскорей запрячь кобылу, наложил мякины и поехал. Ездил, ездил по селу, только к вечеру вернулся домой, кобыла еле ноги тащит, сам сердитый. Вот он к дьякону:

— Что ты, сукин сын, брешешь, какие там, к черту, чумаки!

— Да, батюшка, брешу, вы же сами меня просили что-нибудь сбрехать.

2. КАК МУЖИК ПОПА МЕДОМ УГОЩАЛ

Жил возле попа по соседству один мужик. Родился у матушки ребенок. Поп взял мужика за кума. Через неделю пошел поп к мужику и говорит:

— Мое рожденное, а твое крещенное просит: «Дай меду!».

А у мужика были пчелы. Наложил он попу кружку меду. Съел поп мед да снова к мужику:

— Мое рожденное, а твое крещенное опять меду просит!

Дал ему мужик меду и в другой раз. Поп снова съел мед и приходит к мужику в третий раз:

— Мое рожденное, а твое крещенное опять кричит: «Дай меду!».

У мужика была груша, в груше плодились шершни. Мужик и говорит попу:

— Мне некогда. Лезьте набирать меду, батюшка, сами и берите, сколько вам нужно. Только как вылетит пчела и будет вас кусать, так вы, батюшка, не ругайтесь, не лихословьте, а то закусают пчелы!

Полез поп. Только всунул руку в дупло к шершням, как вылетел один да как ударит попа по брови — глаз опух, а поп махнул рукой и говорит:

— Ну тебя к божьей матери!

Тут другой как ужалил попа во второй глаз. Поп уже и свету не видит.

— Да ну тебя к чертовой матери! — рассердился поп.

А тут третий — как ужалит попа, тот с груши ге-еп да как начал по матушке гнуть да кричать:

— Кум, спасай! Свету не вижу!

А мужик и говорит:

— Не надо было лихословить, батюшка! Я же вам говорил...

Вот так дался попу мед.

3. КАК ДЬЯК ПОПА СЖЕГ

В одном селе перестали люди ходить в церковь. Кончился доход попа и дьяка. Плохо стало жить. Вот поп и говорит дьяку:

— Послушай, дьяк! Давай поправим свои дела.

— А как же? — спрашивает дьяк.

— Да вот так,— говорит поп.— Ты, дьяк, иди кради у людей скотину да веди в лес, прячь, а ко мне направляй, кто будет искать. Я буду им гадать и отгадывать, где ты спрячешь. Люди будут нести нам деньги, сало, яйца — будет тебе, будет и мне.

— Хорошо, батюшка, так и сделаем,— согласился дьяк.

— Так давай долго не раздумывать,— говорит поп.— Только гляди, дьяк, кради у бедняка, а то богатый наймет полицию и нас поймают.

Дьяк дождался ночи, пошел и украл корову у бедного Ивана, повел в лес и привязал в самом глубоком

рву к дубу. Утром идут Иван с женою по селу и плачут. Поп вышел за ворота и спрашивает:

— Чего ты плачешь, Иван?

— Да как же мне не плакать, если у меня корову украли,— говорит Иван.

— Эх, горечко-горе,— говорит поп.— Тебе горе, Иван, и мне горе. Ну ты, Иван, не горюй, у меня есть такая книга, что я могу помочь твоему горю, да вот моему кто поможет?

— Так уж, батюшка, как вы нашему, так мы вашему,— ответил Иван.

— Ну, постой, Иван, возле ворот, а я пойду в хату.— Поп пошел, побыл в хате, выходит.

— Так вот что написано в книге, Иван,— говорит поп.— Иди в лес, и там в самом глубоком рву стоит твоя корова, привязанная к дубу.

Иван обрадовался. Побежал домой, а потом вдвоем с женой пошли в лес. В лесу нашли в самом глубоком рву свою корову, отвязали, гонят. Дети бегут навстречу, радуются. Пригнали домой.

— Ну, теперь, жена, лови последнюю курочку и неси попу.

Поймала жена курочку, понесла попу. Поп взял и идет к дьяку.

— Ну, дьяк, как же будем делить? — говорит поп.— По нашему закону тебе восьмая часть дохода.

— Ничего не поделаешь,— говорит дьяк,— пусть и восьмая, так как же курицу делить будем?

Думали-думали и придумали: семь раз дьяк украдет, поп доход себе берет, а восьмой раз — дьяку.

Начал дьяк красть, а поп гадать. Несут люди попу и дьяку и сало, и масло, и яйца, и колбасу, и деньги — все. Нанесли добра полную избу, и девать некуда попу, а дьяку снова есть нечего, ведь он в восемь раз меньше получает.

Вот дьяк и надумал попа перехитрить.

— А знаете, батюшка, что? — говорит дьяк.

— А что? — спрашивает поп.

— Люди уже узнали, что мы их дурачим.

— Что же делать? — спрашивает поп.

— Я перестану красть, а вы перестанете гадать,— отвечает дьяк.

Так и сделали. Дьяк уже не крадет, а люди все идут и идут к попу. У одного пропало, у другого захворало — идут люди гадать.

— Что же делать? — говорит поп.— Надо как-нибудь отбиться от людей.

— А вот что. Я посоветую,— говорит дьяк.— Давайте вашу хату сожгем и скажем, что книжка сгорела.

— Хорошо,— согласился поп,— хата церковная, мне ее не жалко, только куда я свое добро дену?

— Добро перенесем в мою хату,— сказал дьяк.

Так и сделали. Ночью перетаскали все поповское добро к дьяку и пошли сжигать хату.

— Ну, дьяк, лезь поджигай крышу,— говорит поп.

— Э, нет, батюшка, как подожгем крышу, так кто-нибудь увидит,— говорит дьяк.— Вы берите спички и лезьте, батюшка, на чердак да там и зажигайте посередине. Пока разгорится, мы убежим.

Поп согласился, взял спички, полез на чердак и поджег, а дьяк тем временем принял лестницу и сени закрыл на крючок. Что же делать попу? Бегал-бегал по чердаку да как прыгнет с чердака в сени, сломал ногу, не поднимется, а изба горит, уже наверх пробивается.

Увидел церковный сторож, хотел позвонить, побежал к колокольне, а дьяк и веревку отрезал от колокола. Так и сгорел поп в избе, а дьяк все его добро присвоил.

4. СОЛДАТ НА СЛУЖБЕ У ПОПА

В одном селе был поп. У него ни один работник не жил больше чем три дня. Причина понятна: поп плохо кормил и много заставлял работать. Однажды к нему пришел наняться отставной солдат.

— Сколько же возьмешь с меня за год деньгами? — спрашивает поп.

Солдат уже знал, что поп сам деньги любит и он у него не разживется. Дай, думает, насолю ему.

— Не будем, батюшка, торговаться, узнаем один другого, тогда и будем говорить!

На другой день поп дает ему работу:

— Первым делом помажешь бричку, мы с матушкой в город поедем!

А тот взял да дегтем вымазал всю бричку.

Поп как выскочит, как поглядит на эту работу, так чуть не лопнул с досады. А матушка ругается:

— Ты бы ему толком пояснил, а то сказал вымазать бричку — он и вымазал!

Ну, поехали они кое-как в город, а ему дали работу на целый день. Он все сделал, а вечером спрашивает:

— Батюшка Яков, а что мы будем утром делать?

— Ложись, не беспокойся, что люди будут делать, то и мы.

Встает утром солдат, глянул, что у дьяка старую хату раскрывают, взял лом и давай новую тесовую крышу ломать, а силы ему занимать не нужно было.

Ломом раз, два ковырнул — уже и столбы повалились. Поп как вскочит с кровати:

— Иван, ты что, сдурел? Ты же убьешь нас всех!

— А вы не видите, что я и так запоздал? У дьяка вон уже всю хату раскрыли, а я только начинаю!

Видит поп, что попал на камень, заплатил ему деньги вперед и рассчитал работника.

5. КАК ПОП ПШЕНО ТОЛОК

Против поповского двора жил крестьянин, и у него была красивая жена. За ней волочился поп. А она будто и не видела. Вот он до того начал к ней приставать, что она задумала проучить попа. Приехал вечером муж с поля, она и рассказала ему обо всем, а потом говорит:

— Муженек, завтра вечером ты запряжешь коня и поедешь, как будто в город, а поп увидит, что тебя нет дома, и придет ко мне.

Муж согласился. На другой день вечерком запряг он коня и поехал, как будто в город. А как стемнело, поп в оконце стук-стук. Жена впустила его в избу. В этот момент вернулся муж и начал стучать в двери. Жена и говорит попу:

— Вы, батюшка, идите в другую комнату и толките там пшено в ступе, а я скажу мужу, что это кума пришла пшена себе натолочь.

Так и сделали. Муж вошел в хату и спрашивает:

— Что это там у тебя стучит?

А жена громко отвечает, чтобы и поп слышал:

— То кума пришла пшена натолочь.

Муж и жена нарочно сидели целую ночь и разговаривали, а поп целую ночь пшено толок.

На другой день жена встречает попа и говорит ему:

— Приходите, батюшка, вечером, мужа не будет дома. А поп поглядел на нее да и говорит:

— Разве вы уже поели то пшено, что я натолок?

6. КАК КРЕСТЬЯНИН ПОПА УЛИЧИЛ

Однажды бедный крестьянин украл у попа вола. А поп сразу же заподозрил этого крестьянина. Вот он ждет да ждет, когда тот исповедаться в церковь придет. Приходит крестьянин в церковь. Поп и говорит ему:

— Признайся, Семен, ты вола украл?

— Я,— говорит,— батюшка. Но это уже давно было, я уже растратился.

— Ну и что же,— говорит поп,— теперь ты будешь грешником и на небе, и на земле, покуда не раскаешься. Грехи твои будут прощены только тогда, когда ты перед прихожанами выступишь и раскаешься.

— Ладно,— говорит Семен.

Вот собралось в большой праздник много людей. И Семен пришел. Выступает поп и говорит:

— Перед вами, миряне, выступит грешник с покаянием. Что он скажет, все истинная правда.

Вот выступает Семен и говорит:

— Прихожане, знайте: все рыжие дети в селе — это поповские байстрюки [1].

[1] Байстрюк — внебрачный ребенок.

7. ЦЕРКОВНЫЕ ВЕЩИ

Кучер вез двух семинаристов-богословов на рождество домой. Семинаристы замерзли и зашли в кабак погреться, а кучер стоит возле коней. Подходит другой кучер.

— Здравствуй, земляк!

— Здравствуй!

— Что везешь?

— Богословов.

— А что же это такое: рыба или птица?

— Нет, церковные вещи.

Белорусские

1. ПОП-ЖИВОДЕР

Жил в нашем селе сапожник. Был он бедный человек да к тому же от своего горького житья и выпивал иногда. Похворал он малость да и помер.

Надо похоронить человека. Позвали попа из соседнего села. Узнал поп, что покойник — человек бедный, ничего с него не возьмешь, и говорит людям:

— А что мне дадите?

Люди ему так и сяк:

— Мы вас отвезем и привезем.

— А нельзя ли у покойника что-нибудь взять?

Люди отвечают:

— Батюшка, был он бедняк, осталось от него шилья да копылья.

Только диву дались люди: взял поп в торбу шилья и копылья и поехал. И нисколько ему не стыдно. Недаром присказка говорит: «Поп и с живого и с мертвого дерет».

2. КАК ЧЕЛОВЕКУ ВДЕСЯТЕРО БОЛЬШЕ ВЕРНУЛОСЬ

Однажды поп сказал в проповеди своим прихожанам, которые были в церкви:

— Кто даст мне корову, тому бог весной вернет десять.

Услышал это один крестьянин, пришел домой и говорит жене:

— Вот что, жена. Сегодня нам батюшка говорил, что если дашь ему корову, то бог весной вернет вдесятеро. Есть у нас последняя корова, давай сведем ее к попу. Может, бог и вправду не обидит!

Согласилась баба отдать последнюю корову.

На другой день, чуть занялась заря, привели они свою буренку к попу на двор и говорят:

— Вот, бери, батюшка, только моли бога, чтобы дал весной в десять раз больше.

Разгорелись у попа глаза от жадности. «Ну,— думает,— удалось мне одурачить их!» Взял поп корову крестьянскую и загнал ее к своим, а крестьянину обещал усердно молиться богу.

Весной выпустил поп коров на пастбище. Вскоре стало жарко, и начали их одолевать оводы.

Одни коровы забились в кусты, а крестьянская буренка по привычке затрусила к своему дому, а за ней увязалось еще девять поповских коров.

Увидел это крестьянин, очень обрадовался и запер их всех в своем хлеву, а сам пошел похвалиться такой удачей к соседям.

Дознался про это поп и пришел к крестьянину, чтобы забрать своих коров, а крестьянин ему и говорит:

— Ты же, батюшка, сам говорил: «Если мне кто отдаст корову, тому бог весной вернет десять». Не век же и нам бедовать!

3. ЗАВИСТЛИВЫЙ ПОП

У одного очень бедного человека умер ребенок. Попросил бедняк соседей сделать гроб и выкопать могилу для дитяти. Известно, если человек богат, то все ему помогают, а бедному — никто. Просил-просил

бедняк, никто не пошел копать могилу. Горько ему, слезы так и бегут, как сок из березы. Нечего делать, пришлось идти и самому копать могилу для своего дитяти. Говорят, это великий грех, да что же делать, если от бедняка и люди отступились. Взял бедняк заступ, пошел на кладбище, а по дороге зашел к попу и попросил его похоронить дитя.

— Хорошо,— говорит поп,— только ты мне сначала принеси десять злотых[1] и пол-осьмины овса.

— Нет у меня, батюшка, ни овса, ни денег,— отвечал бедняк и начал просить, чтобы поп похоронил дитя так, а он потом отработает.

Куда там! Поп не хочет и слушать. Как ни просил бедняк, поп стоит на своем, и только. Заплакал бедняк с горя и пошел копать могилу. Копал он, копал и выкопал горшок с деньгами: червонцы так и горят. Принес бедняк горшок с деньгами домой и спрятал под печь, а один червонец отнес попу. Удивился поп, откуда это у бедняка золото, и стал выпытывать. Бедняк и рассказал все, как было. Вот похоронили у бедняка дитя, а потом сам поп с попадьей зашел к бедняку на поминки. Только вечером все разошлись. Остался бедняк один с женой. Вернулся поп домой и думает, как бы отобрать у бедняка деньги. Зарезал он козла, завернулся в козлиную шкуру, приладил рога и пошел в самую глухую полночь к бедняку под окно. Пришел, засунул в окно голову с рогами и заорал хриплым голосом:

— Отдай мои деньги!

Испугался бедняк и отдал горшок с деньгами. Схватил поп горшок обеими руками и побежал домой. Прибежал, хочет поставить горшок на стол, да не может — руки приросли. Попробовала попадья содрать с попа козлиную шкуру, да куда там! И шкура и рога приросли. Как ни бился завистливый поп, ничего не мог поделать. Пришлось просить бедняка, чтобы он забрал свои деньги. Увидели люди попа, столпились, глазеют, а он только козлиной бородой трясет. Подошел бедняк, взял свои деньги, и тут шкура с попа свалилась, да не только козлиная, но и своя.

Вот какой был завистливый поп.

---

[1] Злотый — польская монета.

4. ПОП И ДЬЯКОН

Жили в одном селе поп и дьякон. Оба были пьяницы. А в прежние времена попы и дьяконы жалованья не получали, жили на требы — на сборы с прихожан. Выпить и закусить они любили, да не было на что разгуляться.

Вот дьякон и говорит попу:

— У тебя, батюшка, есть книжица толстая. Пойду-ка я воровать и краденое в тайном месте спрячу, а ты по этой книге будешь гадать да деньги за это получать. Вот и будет у нас на что погулять.

— Куда же ты, отец диакон, воровать пойдешь? — спрашивает поп.

— В нашем селе у Апанаса есть хорошие волы. Пойду-ка я украду вола, отведу его в лес да привяжу к березе. Прибежит к тебе, отче, этот Апанас и будет спрашивать, где его вол, а ты ему: там, мол, и там... А я тем временем позову паренька и поставлю его вола караулить, чтобы не украли.

Как сказал дьякон, так и сделал.

Вот приходит Апанас к попу, руку целует.

— Чего ты, свет, явился?

— Да про свое несчастье рассказать, батюшка: вола у меня украли.

— А что ты, свет, дашь, коли я угадаю, где твой вол? У меня книга такая есть, по которой все можно узнать.

— Коли взаправду так, батюшка, я бы ничего не пожалел.

— Я ж тебе сказал, что по книге все узнаю. Дашь пять рублей и четверть водки, и будет у тебя вол.

— Согласен, батюшка, сейчас пойду принесу.

— Сначала принеси гарнец водки, а деньги потом принесешь, когда скажу, где вол.

Мужик ушел. Принес он гарнец водки. Поп с дьяконом уселись за стол и стали выпивать. Пьют они, а поп в книгу поглядывает, будто бы читает. Потом и говорит мужику:

— Знаешь что, Апанас, я уже вычитал, где твой вол находится. Ступай-ка ты в лес к нашей поляне, и там увидишь, что твой вол к березе привязан. Воры хотят его увести оттуда, но засветло боятся.

А дьякон еще раньше предупредил хлопца: «Если кто вблизи покажется и к волу будет подходить, ты поскорее убегай».

Мужик отправился в лес. Пришел к поляне и увидел там своего вола. Отвел он вола домой и пошел к попу. Поблагодарил попа и пять рублей ему отдал. А поп с дьяконом все пили да гуляли.

Пили они, пили да пропили все деньги. И дьякон опять пошел на промысел: у кого овцу украдет, у кого свинью, даже в соседнее село воровать ходил... И пошли к попу люди гадать и понесли к нему свои денежки. А поп все сидит над книгой да «вычитывает». Жили так поп с дьяконом, поживали да водочку попивали.

И услышал как-то пан, что поп хорошо отгадывает. Велел он запрячь лошадей и привезти к нему попа.

Приехали от пана за попом, а тот пьяненький сидит, глаза такие мутные, красные.

— Просил вас, батюшка, наш пан, чтобы вы к нему во двор пожаловали,— сказал кучер.

Поп космы причесал, рясу праздничную надел, сел в карету и поехал. Приезжает к пану. Угостил его пан и говорит:

— Слышал я, батюшка, что вы людям в несчастье помогаете. Помогите и мне. У меня много денег украли. Если вы найдете мне воров, то получите два воза пшеницы и тысячу рублей.

— Сейчас, пане, я не могу — книга дома осталась. Может, придется целую ночь сидеть, чтобы разгадать,— говорит поп, а сам думает, как бы поскорей удрать от этого пана: ведь дьякон этих денег не крал, значит, и угадать невозможно.

— Хорошо, за вами приедут завтра,— согласился пан и приказал отвезти попа домой.

Приехал поп домой, позвал дьякона и рассказал ему все, как было.

— Пропали мы теперь со своими выдумками. Ведь мы не сможем отгадать, кто у пана деньги украл. Надо, дьяче, удирать нам из этого села.

Тогда дьякон и спрашивает:

— Когда же удерем?

— До вечера посидим, допьем водку,— говорит поп,— а с третьими петухами и удерем. А то пан

донесет архиерею, что мы людей обманываем, тогда попадет нам обоим.

— Добре,— соглашается дьякон.— И в новом месте ты попом, а я дьяконом буду.

Наступила ночь. Сидят поп с дьяконом, водку попивают, разговаривают.

А кучер, лакей и повар панский знали, что поп был у пана. И догадались, зачем его пан приглашал. Вот они втроем и сговорились, чтобы ночью, когда пан спать ляжет, пойти к попу и упросить его, чтобы он их не выдавал. Подошли они к дому попа и видят, что поп с дьяконом пьют-попивают да мирно беседуют. Заглянул кучер в окно, а в это время петух: «Ку-ка-ре-ку!». Поп услышал петуха и говорит дьяку:

— Дьяче, а дьяче, уже один есть.

Кучер подумал, что это про него сказано. Подбежал он к двум другим панским слугам и шепчет:

— Узнал меня поп: говорит, что уже один явился.

— Пойду и я послушаю,— решил лакей.

Вот подошли лакей с кучером под окно, а петух опять: «Ку-ка-ре-ку!».

Тормошит поп сонного дьякона и кричит ему:

— Дьяче, а дьяче, уже два есть!

Лакей с кучером испугались и побежали к повару:

— Поп нас обоих узнал.

— Ну, что ж, пойдем втроем,— сказал повар.

Подошли они к окну, а петух: «Ку-ка-ре-ку!».

Поп опять как крикнет:

— Дьяче, а дьяче, уже три есть!

Перепугались панские слуги — и в хату! А поп с перепугу подумал, что это за ним с панского двора прислали. Слуги упали на колени и просят:

— Прости, батюшка, не выдавай нас, грешных, что деньги украли. Мы тебе по тридцати рублей дадим, только не выдавай нас!

Успокоился поп и спрашивает:

— А куда ж вы деньги спрятали?

— Мы их в конюшне, во втором стойле от входа, зарыли.

— А денег не взяли? Все целы? — допытывается поп.

— Не брали, батюшка. Все целехоньки! Как украли, так тут же зарыли в землю.

— Ладно, — успокаивает их поп, — ступайте домой; я вас не выдам.

Поцеловали они руку у попа и пошли домой. А поп сел и стал думать: «Вот досталось счастье». Будит поп спавшего под столом дьякона и говорит ему:

— Вставай, вставай, дьяче: давай водку допивать. До утра гулять будем — наше взяло!

На другой день утром поп еще не проснулся, а за ним уже карета прикатила, с четверкой лошадей в упряжке. Проснулся поп, взял с собой толстую книгу и поехал к пану. Явился он в панские хоромы и говорит:

— Ну, пане, угадал я: нашлись ваши денежки.

Услышал это пан и давай на радостях попа водкой потчевать. Поп водку пить не стал и говорит пану:

— Дайте-ка мне двух работников.

Дали ему работников. Пошел он с ними в конюшню, разложил свою толстую книгу, огляделся кругом и говорит:

— Ройте здесь, во втором стойле.

Стали работники рыть и выкопали сверток с деньгами.

А по уговору пан должен был отдать попу за гадание тысячу рублей и два воза пшеницы. Два воза пшеницы пану было не жалко, а вот тысячу рублей он отдавать пожалел. «Как же сделать, — подумал пан, — чтобы денег попу не отдавать?»

Думал он, думал, а тут как раз жук мимо летел. Поймал пан жука, вбежал в дом и кричит:

— Отгадай-ка, отец Никодим, что у меня в руке спрятано. Если отгадаешь, все обещанное отдам да еще водки в придачу получишь.

Задумался поп. Поскреб затылок и говорит:

— Ох, попался жучок в панский кулачок!

А пан и не знал, что поп Жуковским прозывается. Удивился он и говорит попу:

— Теперь вижу: вы настоящий угадчик, батюшка!

Разжал пан пальцы и швырнул жука на пол. Ничего не поделаешь: пришлось отдавать попу обещанное. Насыпал пан два воза пшеницы, отдал попу тысячу рублей и несколько ведер водки, поблагодарил его и отправил домой.

Приезжает поп домой, зовет к себе дьякона и говорит:

— Ну, дьяче, удалась нам и эта штука. Будем теперь пить да гулять да панскую шкатулку поминать!

5. КАК ПОП ОБМАНУЛ ТАРАСА ОДНАЖДЫ, А ТАРАС ЕГО — ДВАЖДЫ

Жил на свете бедный-пребедный мужичок, и была у него жена, а детей не было. Дожили они до того, что хлеба купить не на что.

— Эх, жена,— говорит мужик,— поведем на базар последнюю коровенку, продадим да хлеба купим.

Пошел мужик корову в город продавать, а навстречу ему из города священник с причтом.

— Здравствуй, Тарас!

— Здравствуйте, батюшка!

— Куда это ты, Тарас, козу ведешь?

— Батюшка, это же корова!

— Нет, светик, это коза, вот и дьякон тебе скажет.

— Да, это коза! — говорит дьякон.

Растерялся мужичок, а поп увещевает:

— Брате Тарасе, продай мне эту козу, вот тебе три рубля!

Нечего делать мужичку, продал он попу свою корову за три рубля, вернулся домой и говорит жене:

— Какая ты глупая, вместо коровы козу мне на поводке дала.

Напустилась на него жена:

— Что ты, ума решился? Козы все дома, а коровы нетути.

— Ну, баба, что делать? Я продал корову священнику, как-нибудь потом разберемся.

Снова пришло воскресенье. Едет Тарас в город и знает, что священник с причтом обязательно зайдет в трактир отобедать. Подговорил он трактирщика:

— Я выпью и закушу на гривенник, а ты говори, что на сто рублей.

Сидят причетники с попом в соседнем номере и говорят между собой:

— Каков наш мужик Тарас: за один обед сто рублей просадил! Мы вчетвером и то рублей десять истратим, а он сто рублей!

Смотрят они в щелку: чем это Тарас будет расплачиваться. А Тарас втащил в трактир большущий колпак, аршина в полтора. Стукнул по колпаку:

— Ну что, трактирщик, уплачено?

— Уплачено сполна.

Поп со своим причтом смотрит на это и диву дается.

В другой раз стукнул Тарас по колпаку.

— Будьте здоровы, пан трактирщик!

В третий раз стукнул — говорит трактирщик:

— Ну, молодец, Тарас, платить умеешь.

Священник и говорит:

— Братья причетники, купим у Тараса этот колпак: он пригодится нам — каждую поездку будет для нас даровой обед в трактире. Ты, дьякон, клади на кон двадцать пять рублей, дьячки положат вместе двадцать пять, а я один пятьдесят; за сто рублей, может, продаст колпак.

Едет Тарас домой, догоняет его священник:

— Знаешь что, Тарас? Продай нам этот колпак: он будет нас выручать. Сколько ты за него возьмешь? Мы согласны дать тебе пятьдесят рублей серебром.

— Нет, батюшка, никак нельзя отцовское благословение в чужие руки отдавать: хоть изредка случится в городе быть, так вволю попью-погуляю.

— Послушай, Тарас, вот тебе сто рублей серебром.

— Нет уж, батюшка, если хотите купить, то продам за сто пятьдесят рублей.

— Ну, причетники,— говорит священник,— покупаем, а то кто-нибудь дороже даст.

Купили они колпак за сто пятьдесят рублей. Приезжает Тарас домой и говорит жене:

— Ну, хозяйка, ругала ты меня, что я корову за три рубля продал, зато теперь продал я свой колпак за сто пятьдесят рублей.

Стал Тарас хозяйством обзаводиться, а священник ждет не дождется праздника, чтобы поехать в город на дармовой обед. Поехали причетники с женами и няньками и с детьми в город. Заказывают трактирщику:

— Дай-ка нам на двести рублей попить-погулять.

Трактирщик рад стараться: подал разных кушаний и напитков на двести рублей. А как только отобедали:

— Ну, батюшка, пожалуйте расчет!

Батюшка вылазит из-за стола:

— Сейчас, господин трактирщик!

Принес пономарь со двора колпак. Стукнул священник по колпаку ладонью.

— Ну как, в расчете, трактирщик?

— Нет, поп, давай деньги!

Священник передал колпак дьякону, чтобы дьякон ударил по колпаку. Дьякон бил-бил, а трактирщик попрежнему расчет спрашивает. Все причетники лупили кулачищами по колпаку, а трактирщик знай свое твердит:

— Давайте деньги!

Стали складчину собирать причетники, заняли денег у знакомых и заплатили трактирщику.

Тарас года за два прожил полученные за колпак деньги, а потом и говорит жене:

— Вот что, баба! Ложись-ка на лавку да смотри не шевелись, а я пойду за священником, скажу ему: «Батюшка, пожалуйте исповедовать: моя хозяйка очень больна».

Приезжает мужик к священнику.

— Ну, зачем ты приехал?

— Сделайте милость, батюшка, пожалуйте исповедовать: хозяйка умирает.

Собрался поп и поехал с Тарасом. Входят в хату, а хозяйка лежит уже мертвая, прибранная.

— Батюшка,— говорит Тарас,— благословите вы меня! Есть у меня старинная дубина (еще от сотворения мира), я огрею жену три раза этой дубиной, она сразу оживет.

— Ну, коли эта дубина еще от дедов-прадедов сохраняется — благословляю!

Батюшка со страху вышел в сени, а Тарас ударил три раза дубиной по лавке. Жена мужика зашевелилась, застонала. Удивился батюшка, что человек ожил. Входит он в хату, а баба уже сидит на лавке и покачивается. Тарас поднес ей ковшик холодной водицы, она и вовсе очухалась.

Батюшка похвалил Тараса и поехал домой. В тот же день собрал он свой причт и рассказал ему о диковинном воскресении жены мужика.

— Вот кабы нам эту дубину купить; как мы постоянно на похороны ездим, то оживляли бы этой дубиной покойников. Давайте сложимся и купим у мужика дубину.

— А вы, батюшка, съездите поторгуйтесь.

— Нет, поедем все вместе к нему.

Приезжают они к Тарасу.

— Не продашь ли, Тарас, дубину, которая людей оживляет?

— Продам.

— Сколько возьмешь за нее?

— Ах, батюшка, дайте пятьсот рублей.

Стали причетники совещаться.

— Я,— говорит поп,— один положу двести пятьдесят рублей, а вы, причт, втроем — двести пятьдесят.

Отдали деньги мужику и забрали с собой дубину. Только они приехали домой, навстречу им купец богатый.

— Батюшка, у меня сегодня жена умерла, побеспокойтесь тело схоронить.

— Сейчас, господин купец, приедем.

Быстро собрались они, взяли с собой дубину. Приезжают, лежит на столе тело. Говорит поп дьякону:

— О, о, мы ее воскресим! Тащи-ка, пономарь, дубину!

Удивляется купец, зачем пономарь дубину несет. Ударили причетники мертвую купчиху три раза — не оживает. Доложили родственники купцу о таком надругательстве над покойницей. Купец подал жалобу начальству, что причетники усопшую купчиху так побили. Вот и потащили их всех не долго думая в суд на расправу.

6. ПОПОВСКИЙ ОБЕД

Поп с работником гребли сено. Принесли им обедать: попу бутылку молока, а работнику бутылку воды. Пообедали они и пошли снова грести. Поп гребет сено в копну, а работник гребет в воду.

— Что это ты делаешь? Куда ты гребешь? — спрашивает поп.

— Ты, батюшка, гребешь своей коровке, а я своей.

7. КАК ПОП РАБОТНИКОВ КОРМИЛ

Жил-был поп. Был он очень жадный. Все копил богатство. Имел он у себя много скотины и птицы. По праздникам много собирал у крестьян подаяния. По коляде коли ездит, то каждый должен дать ему пару колбас и решето овса. А на пасху, посвятивши лукошко, из которого сеют жито, брал у каждого краюшку белого, краюшку черного хлеба и пару яиц. Этими краюшками он кормил скотину и птицу. У него было два работника, которых он запугивал грехами, говорил им, что от батюшки много требовать нельзя, бог этого не простит.

Один раз в праздник матушка спрашивает у батюшки:

— Батюшка, с чем сегодня суп варить?

Поп подумал и сказал:

— А будешь себе яички варить, вот и свари их в супе.

Матушка так и сделала. В обед поп и спрашивает у работников:

— Ну как, сегодня жирный суп?

— Да нет, батюшка, совсем постный.

— Да как же постный, в нем матушка варила десять яиц, должен быть жирный.

Так кормил поп своих работников.

8. ПОП И РАБОТНИК

Жил-был в одной деревне поп. Вот однажды пришел к нему проситься на работу молодой хлопец. Принял поп этого хлопца на работу и повел показывать ему, что он будет делать. Завел его в кладовку, а там у него было много сала и колбасы. Вот и говорит поп:

— Это мы будем есть и никто другой.

Обрадовался хлопец. «Вот это будет житье»,— думает. Остался он работать у попа, а работа у него была: дров нарубить, за скотиной ходить, воду носить. Одним словом, тяжко работал человек.

А поп тем временем велел кухарке сварить завтрак: наварить картошки и постной похлебки для работника. Пришло время хлопцу обедать, и видит он, что вместо сала и колбасы дали ему постной картошки и постной похлебки. «Что ж это за лихо,— думает он,— вместо сала и колбасы вон что». Но решил подождать и пошел работать дальше. Пришел ужинать, а ему снова дали той картошки и похлебки. Так же кормили его на третий и на четвертый день. И решил работник отомстить попу.

Поехал поп куда-то и работнику задал уйму работы. Вот хлопец взял мешки, напихал туда сена и подвесил на балке высоко в хлеву, чтоб не могла скотина достать. Скотина хочет есть, видит сено, а достать не может.

Приехал поп и пошел осматривать хозяйство. Вошел в хлев и дивится: скотина ревет голодная, а сено висит на балке.

Разозлился поп, позвал работника и говорит:

— Что ж ты скотину голодом моришь?

А тот хлопец был сметливый да и говорит попу:

— Ты ж, батюшка, тоже меня хорошо кормить обещался, а теперь голодом моришь. Показал сало, да на этом все и стало.

Увидел тогда поп, что его работник проучил. И больше к попу никто работать не пошел.

9. ПОПОВСКАЯ ПРОБА

У одного попа батраки молотили жито, а поп все над ними смеялся, что они, мол, слабо цепами бьют. Когда они пошли обедать, поп и говорит самому себе:

— Влезу-ка я под посад да и покажу им, что я выдержу их молотьбу, давай-ка попробую.

А один батрак остался и все это подслушал. Пообедали работники, пришли на гумно, он и сказал им,

что поп под посадом. Взялись все за цепы, батрак подмигнул и говорит:

— Сначала, хлопцы, помаленьку, а то притомимся.

Как дали они жару, так поп и завыл не своим голосом, а они будто бы с испугу еще хорошенько по разу дали да и отскочили в сторону. Глядят, поп вылезает из-под посада. Вот так попробовал!

10. МУЖИК, ПАН И КСЕНДЗ

Раз за что-то пан сильно обозлился на ксендза. Вот и захотелось ему насолить ксендзу, да так насолить, чтобы ксендз не догадался, кто это сделал. Думал пан, думал — ничего не придумал. Сидит сердитый и только кусает усы. В ту пору приходит к нему мужик. Видит мужик, что пан о чем-то задумался, да не может пораскинуть своими панскими мозгами, и захотелось ему помочь пану своим разумом.

— Бог помощь, паночек! — говорит мужик и плюх пану в ноги.

— Чего тебе? — спрашивает пан.

— Паночек, дорогой! — отвечает мужик.— О чем ты так задумался? Скажи мне, может, я помогу своим дурным мужицким разумом.

— Чем ты,— говорит пан,— поможешь? Мне надо насолить этому мерзавцу-ксендзу.

— Добро, паночек. Завтра пан увидит, как я насмеюсь над ксендзом.

— Ну, гляди, коли хорошо сделаешь, так заплачу, а коли нет, так съешь плетей!

— Слушаюсь,— отвечает мужик и пошел на реку. Наловил там мужик раков, приклеил к ним маленькие свечки, выпустил раков в саду перед ксендзовыми окнами и зажег свечки. Ползают раки. Вечер тихий. Горят свечки в траве, как звездочки. Подошел мужик под окно и кличет ксендза.

— Кто там? — спрашивает ксендз.

— Ангел с неба.

— А чего он пришел?

— По ксендзову душу. Велено ее отнести на небо.

Рад ксендз. Открыл окно, выглянул, а в траве горят свечки, как звездочки. Поверил ксендз, что перед ним небо, да и вылез из окна. Мужик подставил мешок, ксендз плюх в него. Взвалил мужик мешок на плечо и потащил в панский свинарник, кинул там мешок с ксендзом и запер двери. Назавтра, уж солнышко поднялось высоко, мужик пошел к пану и просит продать кабана. Пошел пан с мужиком к свинарнику, посмотреть кабана. Приходят они туда, слышат: визжат свиньи, аж двери грызут. Вот открыли двери, выбежали свиньи; смотрят мужик с паном, а там в углу ксендз сидит в одной сорочке, чуть живой от страха.

— Чего это сюда забрался милейший ксендз? — спрашивает пан. Молчит ксендз, зубы стиснувши, — так ему стыдно. Посмеялся пан и дал мужику много денег.

Пословицы и поговорки

Русские

Поповские глаза завидущи, руки загребущи.
Поповское брюхо из семи овчин сшито.
Земля любит навоз, а поп — поднос.
Поповский карман что утиный зоб: не набьешь.
У попа две руки: одна что крестит, другая что берет, а той, что дает,— той нет.
Не будь ни войтом, ни святым,— не будешь проклятым.
Одна радость попу: что свадьба, что похороны.
По молебну и плата, по деньгам и молебен.
Вес — не попова душа: не возьмет барыша.
Мера — не попов карман: дно имеет.
Вес и мера — не поповская совесть: не обманут и лишка не возьмут.
Не купи у цыгана лошади, не женись на поповой дочери.
Поповы дочери что голубые лошади: редкая удается.
Поп служит не для Иисуса, а для хлеба куса.
Борода ангельская, а усок дьявольский.
Каков поп, таков и приход.
Завистливый поп по два века живет.
Попа в рогоже узнаешь.
Не надейся, попадья, на попа, держи своего батрака.
Поп да петух не евши не поют.
В поповский карман с головой спрячешься.

У попа сдачи, у портного отдачи не спрашивай.
Волчья пасть да поповские глаза — ненасытная яма.
Любит поп блин — да и ел бы один.
Попу да вору — все впору.
Четки на руке, а девки на уме.
Поп пьет, а попадья блины печет.
Три попа, а заросла к церкви тропа.

Украинские

Безмен — не попова душа: не обманет.
— Все люди братья, со всех буду драть я,— говорит поп.
Все попы одним миром мазаны.
Голодного накормишь, а попа — никогда.
Горе невелико, что помер владыка.
Господи, господи, во что людям попы обходятся!
Дал бог душу попу да и раскаивается.
За поповым языком не угнаться и босиком.
Завистливый, как поповский глаз.
Затем поп в церкви служит, что по деньгам тужит.
Когда б на всем свете только два попа жили, и то бы им тесно было.
Коли игумен за чарку, то братия за ковши.
Монахи и бога в монастырях продают.
Не быть попу святым: у него живот колесом крутым.
Не диво, что поп богат: он готов и шкуру с людей драть.
От попа пользы, как от козла молока.
Поп говорит: — Слушай мои слова, а не гляди на мои дела.
Поп ждет, что кто-нибудь умрет,— так он и шкуру сдерет.
Поп и дьяк привыкли жить на дурняк.
Поп из церкви — с прибытком, а верующие — с убытком.
Поп как дырявый мешок: его не насытишь.
Поп никогда не тратится — ему все задаром.

Попа за сердце брало, когда людей умирало мало.
Попа одним обедом не накормишь.
Попадья — княгиня, пока поп не сгинет.
Попам хоть давай, хоть работай — не отдашь и не отработаешь, никак не угодишь.
Попова ласка для людей как мышеловка для мышей.
Поповское око, ксендзовский рот: что увидит, то и сожрет.
Попу идет и печеное, и вареное, и с живого, и с мертвого.
Попы людей в церкви чертями и богами пугают, а себе карманы деньгами набивают.
Попы мягко стелют, да жестко спать.
Попы одинаковы — что у нас, что в Кракове.
Спасайтесь, куры: поп идет.
У владыки брюхо велико.
У попа пост, а в зубах куриный хвост.
У попа рука всегда чужое хапает.
У попа сдача, как у портного остача.
Черный клобук святости не придает.

Белорусские

Поповский карман как бездна: что ни клади, назад не вернешь.
В поповский карман с головой уйдешь.
Врет, как поп, и не краснеет.
«Дай» любит поп всякий, а «на» — никакой.
Если б не страх — пропал бы монах.
Карман сух — так и поп глух.
Кому пост, а попу мясоед.
Кому хлопотно, а попу полотно.
Ксендз молится: — Подай, боже, то, что высоко, а что низко, то я сам возьму.
Кто с попом знается, тот раскается.
Люди «ай» да «ай», а попу полотно дай да дай.
Люди умирают — родные плачут, только поп да дьяк поют и пляшут.

Мужик только пиво заварил, а поп уж с ведром бежит.
Мы попа клянем, а поп — как ягодка.
Один свечку, другой свечку — попу еще одна овечка.
Одна радость попу: что свадьба, что похороны.
От злодея отобьюсь, а от попа не отмолюсь.
От попа, как от черта, не открестишься.
Писарь кормится пером, а поп — алтарем.
Пользы от тебя, как от попа.
Поп бледный, как пятак медный.
Поп и петух не поевши не поют.
Поп ласков в тот час, как дадут ему сала да колбас.
Поп согрешит, а дьяка вешают.
Поп ухо отрежет, а свое возьмет.
Поповский глаз что волчья пасть.
Попу не верю: он врет без меры.
Попу что сноп, что стог — все мало.
Попы трезвонят, оттого что их на барщину не гонят.
Старость — не радость, а поп — не товарищ.
Только и горя попу, что живот болит.
У мужика неурожай, а тут еще попу дай.
У попа на устах мед, а на сердце лед.
У попа не так волосы длинны, как руки.
У попа пузо толстеет, а у мужика спина млеет.
У попа рукава длинные — все влезет.
Удирал от пана, а попал к попу.
Это иезуит, а не человек.

Бог, богач и бедняк

Сказки и остроты

Русские

1. ПОПОВ РАБОТНИК

Жил-был поп. Вот у этого у попа не было работника: не уживались у него работники.

Пошел он нанимать работника. Нанял. Приходит домой, говорит:

— Попадья, я нанял работника.

— Ну, хорошо,— говорит.

Послали они работника молотить. Приходит время — он идет обедать. Приходит он и говорит:

— Поп, пора обедать.

— Ну, что ж, свет, садись.

Он сел. Налила попадья щей. А у попа маленькая дочка была. Только стали обедать, дочь-то и закричала.

— Ну, свет, тащи ее на двор.

Покамест работник пробыл с ней на дворе, поп с попадьей уже пообедали. Вот работник вернулся, говорит попу:

— Что ж,— говорит,— батюшка, я не обедал.

— Что ж, свет, два раза не обедают.

Мужик так и пошел опять молотить.

Приходит ужинать. Подали щей. Опять дочь заорала.

— Неси ребенка из дому.

Вот он унес ее на двор. Пока там пробыл — они уж поужинали. Работник опять приходит и говорит:

— Что ж, батюшка, я не ужинал.
— Что ж, свет, два раза не ужинают.
Работнику уж скучно стало. Он взял от них ушел.
Поехал поп опять нанимать себе работника. Едет на деревню. Стоит круг мужиков. Он стоит и спрашивает:
— Мужички, не пойдет ли кто ко мне в работники?
— Нет,— говорят,— мы знаем, как у тебя жить-то.
А дурачок и говорит:
— И дураки, не умеете вы попу услужить.
— Ну, ты,— говорят,— умный человек, ступай.
Он и пошел и сделал уговор: не сходить и не сгонять друг друга.
Вот на другой день поп послал его молотить. Пришло время обедать. Пришли. Сели. Дурак и давай резать хлеб, весь его изрезал. Закричала опять дочь попа.
— Ну,— говорят,— свет, тащи ее.
Он положил за пазуху краюху хлеба, пошел с ней. Покамест он пробыл на дворе, весь хлеб съел. Приходит с надворья, говорит попу:
— Что ж,— говорит,— батюшка, я,— говорит,— щей-то не хлебал.
— Ну, свет, у нас два раза щей не варят.
Пошел он молотить хлеб. Помолотил, пришел ужинать. Садятся за стол. Дурак стал опять хлеб резать. Нарезал хлеба. Попова дочь и закричала.
— Ну, свет, неси ее на двор.
Он взял половину хлеба, положил за пазуху, пошел с ней.
Пока пробыл на дворе, весь хлеб и съел. Пришел домой, лег спать на печку.
Вот попадья смекнула дело, что у них работник много хлеба ест.
— Что,— говорит,— свет, нам делать с работником? У нас ведь хлеба не достанет так-то.
— Что, попадья? Надо бежать со двора. Мы с ним ведь уговорились: не сходить и не сгонять друг друга.
А работник и услыхал их разговор.
Вот попадья на другой день, покамест работник молотил, насушила сухарей, положила их в мешки.
Приходит работник обедать и увидал эти мешки.
Сели за стол. Он нарезал хлеба. У попа дочь закричала. Он взял, положил в карман хлеба, пошел с ней

на двор. Покамест он пробыл, хлеб весь поел. Приходит с надворья, а поп ему и говорит:

— Ты,— говорит,— свет, поди, потаскай скирд, а я отдохну да к тебе выйду.

Работник видит, что они собираются бежать, не пошел таскать скирд. Когда они вышли в другую комнату, он половину сухарей отсыпал, а сам в мешок-то и сел.

Вот они убрались совсем. Поп взвалил один мешок попадье, другой сам понес. Ударились бежать из дому.

Бегут несколько времени, а он в мешке-то и кричит:

— Догоню, догоню!

— Ну,— говорит попадья,— никак он догоняет.

Побежали еще скорее.

Бежали несколько времени, а он опять кричит:

— Догоню, догоню!

Наконец они выбились из сил, принуждены были остановиться и остановились у речки.

Вот поп как бросит с плеч мешок.

— О,— говорит,— какой тяжелый.

А работник и говорит:

— О, батюшка, ты меня ушиб.

— Попадья, ведь он тут!

— А вы хотели от меня убежать.— Нет,— говорит,— я вас на дне моря найду.

Пришлось дело к вечеру. Нужно было около речки ночевать. Поп и стал советоваться со своей женой, чтоб батрака положить с краю, к речке.

Вот легли они спать. Батрак ночью проснулся и переложил попадью-то на свое место, а сам в середину лег.

Поп проснулся и будит батрака, думает, что жена:

— Вставай! Давай,— говорит,— батрака-то в воду скинем.

А батрак ему говорит:

— Давай.

Размахнули ее и бросили в воду.

Батрак и говорит:

— Ну, камень в воду, чертям поклон (подарок).

— Ах, свет, это ты остался со мной?

— Все я,— говорит,— батюшка.

2. ПОП И РАБОТНИК

Поп сам ел хорошо, а своего работника кормил плохо. В праздник работник забрался пораньше в церковь, залез под престол и сидит там. Поп пришел, начал служить, стал читать:

— Господи, очисти меня, грешного, и помилуй!

А работник тихонько из-под престола говорит:

— Не помилую!

Поп услыхал, изумился. Опять говорит:

— Господи, очисти меня, грешного, и помилуй!

Работник опять:

— Не помилую!

Поп в третий раз говорит так же, и работник ему в третий раз отвечает то же. Поп осмелился, говорит:

— За что же, господи?

Работник отвечает:

— Работника плохо кормишь!

Поп пришел домой, говорит попадье:

— Мать, какое мне было преставление: я слышал глас,— и рассказывает, что было.

Пришел и работник. Его — за стол, стали кормить, угощать.

3. КАК ПОП РАБОТНИКОВ МОРИЛ

Вот в некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в каком живем мы, жил один мужик. У него было три сына — два умных, а третий дурак. Жили они очень бедно. Отец посылает сыновей:

— Идите хоть один в работники: дома делать нечего!

Сыновья собрались: ни тому, ни другому неохота идти в работники. Перетолковали, вздумали жребий кинуть — кому идти в работники. Кинули жребий, досталось большаку брату идти в работники. Большак брат справился и отправился в путь-дорожку. Поступил в работники к попу. Тот его ничем почти не кормил, проморил зиму. Ушел большак. На другой год отправился к попу средний брат — и тоже чуть с голоду не помер. Настала очередь меньшому брату идти —

Ивану-дураку. Вот он снарядился и отправился в дорогу. Вышел — попадает поп встречу ему.

— Далеко ли, добрый человек, идешь? — спрашивает поп.

— Иду себе места искать! — говорит.

— Ну, наймись ко мне в работники!

— Найми! — говорит.— Сколько дашь?

— Сто рублей дам,— говорит,— за зиму!

— Ну, а сто рулей дашь, я и жить стану! — говорит.

— Ну, станешь, дак садись в сани и поедем ко мне!

Сели в сани и поехали к попу. Приехали к попу. Поп чаем напоил, ужином накормил.

— Ложись спать! — говорит.— Утром ехать за сеном.

Утром поп будит с полночи работника:

— Вставай, надо ехать.

Сам чаю напился, отзавтракал, а работника не кормит на дорогу. Работник запряг пару лошадей.

— Ну, садись, батька! Поедем,— говорит.

Сели и поехали. Выехали за поле.

— Батька,— говорит,— я веревки забыл! Нечем сено завязать.

— Экой ты чудак! Еще хорошо — скоро вспомнил! Беги, я подожду!

Иван-дурак прибежал к попадье:

— Матка, давай скорей белорыбник и бутылку вина. Поп велел дать!

Попадья сейчас подала. Работник побежал.

— На веревки, батька! Теперь есть чем сено вязать!

Верст сорок проехали. Наклали они возы, завязали. Поехали домой,— сумерилось, а еще верст сорок ехать домой. Иван-дурак на возу выпивает из бутылки и белорыбником закусывает. Поп и говорит Ивану-дураку:

— Ваня, гляди. Есть дорога направо, как бы туда лошадь не сбрела. А я дремлю.

— Ладно, батька, поезжай. Я усмотрю эту дорогу.

Ваня идет и смотрит эту дорогу. Увидал эту дорогу, скочил с воза и отвел лошадь в сторону по той дороге, по коей не надо было ехать.

Проехали они по этой дороге верст пятнадцать.

Потом поп проснулся. Осмотрел место и видит, что в сторону едут, неладно.

— Ваня, ведь мы неладно едем!

— А я,— говорит,— почему знаю — ладно или неладно! Ведь ты впереди едешь, а я за тобой.

— Экой Ваня! Как я наказывал, что посмотри, дорога направо будет, а ты и заехал!

— Ишь, сам впереди, а я и заехал!

— Ну, стало быть, Ваня, делать нечего! Надо ехать по этой дороге. Должна тут быть деревня недалеко, нужно нам в ней ночевать.

Так поехали дальше продолжать. Приезжают они в одну деревню. Поп посылает работника:

— Пойди просись ночевать вот у такого-то мужика!

Работник побежал к дверям. Видит — двери заперты. Сейчас большуха вышла, двери отворила. Работник вошел и просит хозяина:

— Пусти нас, пожалуйста, с попом ночевать!

— Милости просим,— говорит,— ночуйте!

— Да, пожалуйста, я вас прошу, попа ужином не кормите: накормите, он еще горазже сшалеет. Примолвите так, а садить не садите более, а если посадите, так не взыщивайте, если сшалевать будет!

— Ну ладно!

Работник лошадей выпряг, поставил к возам. Вошли в избу, разделись поп и работник.

— Поужинать ли не хотите ли, батюшка?

Поп на ответ ничего не подает, а работник свернулся, да и за стол. Работник отужинал как ему надо, а попу сесть неловко, только примолвили, а больше не садят; а есть очень хочется. Так работник отужинал, полез на полати, и поп за ним. Работник захрапел, а попу не спится. Работника тычет под бока:

— Работник, ведь я есть хочу!

— Ох.., косматый леший! Садили тебя есть, не садился. Ведь не дома, где попадья за руки садит. Поди, я видел у большухи горшок каши стоит, пойди ешь!

Поп сошел со полатей, разыскал горшок в сошке.

— Работник! — говорит.— Чем я буду кашу есть? Ложки мне не найти,— говорит.

— Ах ты, черт косматый, навязался! Есть ему дал, и то спокою не дает! Засучи руки и ешь так!

Поп загнёл туда руки и ожег; а там не каша была, а вар. Вот он и забегал с горшком опять:

— Работник, ведь мне рук не вынуть!

Работник и говорит:

— Ишь лешего косматого навязало на меня! Всю ночь спокоя не даешь со своей кашей.

А ночь была месячная, значит.

— Вон,— говорит,— у порога точило лежит, брякни горшком об него — и вынешь руки-то!

Этот поп разбежался — да как хрястнет об это точило. А это лежало не точило, а хозяин лысый спал. Поп об его лысину и ударил. Хозяин завопил, а поп скочил да из избы вон: испугался. Тогда все хозяева скочили за огнем. Хозяин кричит чего-то, работник кричит:

— Куда поп девался?

Не знаю, что и делалось здесь. Хозяева за работника:

— Зачем старика убили?

А работник за хозяев:

— Куда попа дели? Давайте попа! А нет, сейчас схожу к десятскому: «Деревню собери!» Где хотите, попа давайте!

Потом хозяева одумались:

— Куда поп девался?

— Давайте,— говорит работник,— триста рублей, все дело замну, а нет — к десятскому пойду!

Хозяева мялись, мялись, дали триста рублей.

— Только не сказывай, что случилось!

Так работник запряг лошадей и поехал с сеном домой. Попа нет, значит. Проезжает деревню, стоит поп у пелевнюшки, стоит, из угла выглядывает, видит, что работник едет с сеном. Поп и спрашивает:

— Аль ты, Ваня, едешь-то?

— Я,— говорит,— косматый плут! Ужо в остроге будешь сидеть! Убил хозяина!

— Неужели его до смерти я, Ваня, убил?

— Да быть, до смерти! Сейчас ладят за урядником ехать, протокол составлять.

— Не можешь ли, Ваня, как-нибудь этого дела замять?

— Триста рублей давай, так замну, а нет — так в остроге сидеть будешь!

Так поп согласился триста рублей работнику заплатить, только бы замял это дело. Работник вернулся в деревню, постоял за углом, постоял немножко и идет назад.

— Поезжай, батька! Теперь ничего не будет! Поедем назад!

Приехали домой. Поп сделался такой добрый; стал работника жалеть. Как сам садится чай пить, так и работника садит. Ваня прожил зиму, семьсот рублей денег получил заместо сотни. Приходит домой, отцу и говорит:

— Вот, тятька, нá деньги! Гляди, сколько заработал! Не как твои два умные сына!

После этого стали жить-поживать и добра наживать. И теперь живут хорошо.

Украинские

1. БЕСЕДА

Жил-был бедный крестьянин Кондрат. Работал он с восхода солнца до позднего вечера.

По соседству с Кондратом жил поп Филат. Сколько раз выходит поп утречком из дому́, а Кондрат уже работает.

Вот однажды поп спрашивает у Кондрата:

— Кондрат, кто тебя так рано будит?

— Петухи,— отвечает тот.

— А кто тебя молоком кормит?

— Корова, батюшка.

— А когда ты спать ложишься?

— Ночью, когда все спят.

— А кто тебя раздевает?

— Святые отцы и волостной старшина.

2. РАЗБОЙНИК

Шел раз крестьянин из села в село, нес на плечах малое дитя, а под мышками двух куриц, и это было все его добро. Подходит к лесу. А надо было ему через этот лес проходить, а тут откуда ни возьмись разбойник и к нему:

— Давай кур!

Говорит крестьянин:

— Да неужто у тебя совести нету отбирать у меня все добро мое? Ведь это ж и земля моя и корова моя. Я смогу дитя накормить, коли курица яйцо снесет.

Выслушал это разбойник и отпустил крестьянина. Не взял кур.

Приходит крестьянин на село, идет к попу, чтобы тот окрестил у него дитя. Поп окрестил, а потом и говорит крестьянину:

— Давай мне за это две курицы.

А крестьянин ему говорит:

— Так, мол, и так, я бедный, этих кур у меня даже и разбойник не взял.

— А мне что до того? Давай кур!

Пришлось крестьянину отдать. И забрал поп то, чего даже и разбойник не стал отнимать.

3. КАК БЕДНЯК ОТПЛАТИЛ ПОПУ

Как на беду, мой сосед Семен когда-то жил в соседстве с попом Карпом. У попа была лютая собака — Львом звали. Поп был такой жаднющий, что даже собаке есть не давал. Терпел, терпел пес, а потом давай кур красть. Да не своих, а соседских, своих боялся. Подстерег Семен собаку и убил ее. Разгневанный поп подал на Семена в суд. А суд, известно, царский. Захотел поп, чтобы Семен заменил собаку и лаял ночью, как собака, у попа, и суд исполнил поповскую волю.

Настал вечер. Сел возле поповской избы Семен и лает. А поп лежит и насмехается — знай, мол, как поповскую собаку убивать. Узнали про это воры, услови-

лись обокрасть попа. Всю ночь не лаял, а заливался Семен, а поп, слыша это, еще крепче спал.

Утром поп порвал на себе все волосы. Всё украли воры. Как зверь накинулся на Семена, почему не разбудил.

— Да я ведь лаял, аж заливался,— ответил спокойно Семен,— а говорить я не имел права, я же собака.

Так бедняк отплатил попу.

4. КАК КАРМАЛЮК БАРИНА ИСПОВЕДОВАЛ

Жил-был один помещик — смирный-пресмирный, тихий-претихий, ласковый-преласковый. Все льстиво этак, с воздыханьями да поклонами, но крестьяне боялись его пуще огня немилосердного, хуже чумы и мора лютого. Только не выйдет какой-нибудь бедняга на работу вовремя, то так уж и знай, что пришлет пан помещик эконома и тот заберет у него всего-навсего четверть его пожитков. А не выйдет бедняга второй раз, то уже половину, а если кто не послушается, то всю домашнюю утварь заберет. А бить, бранить — упаси бог!.. И уж сколько горя с ним люди натерпелись, сколько кровавых слез пролилось, сколько сирот несчастных осталось, когда матери с голоду да немочи на тот свет преставились.

И вот поехал раз этот помещик в церковь. Исповедался, да и едет цугом назад, слышит — в лесу кто-то сзади кричит. Оглядывается — бежит за ним дьячок и кричит, чтобы подождал. Придержал помещик лошадей, а дьячок говорит ему, что так, мол, и так, ваша милость, забыли, мол, отец-батюшка, в каких вы грехах ему исповедались, вот и послали меня вдогонку, чтоб вы еще раз сказали, ведь надо же им ваши грехи отмаливать.

Ну, помещик и говорит опять:

— Исповедался я,— говорит,— чтоб господь простил мне грехи мои тяжкие, что я как-то в святую пятницу оскоромился, еще как-то нечаянно кошечке моей хвост прищемил да еще кучеру однажды бранное слово молвил...

— Ага,— говорит дьячок,— и это и все, ваша милость?

— Все,— говорит помещик.

— А-а,— говорит дьячок,— да вы, ваша милость, еще позабыли маленький грешок, это ваше богатство, что вы из слез сиротских скопили себе.

И враз дьячковскую одежду с себя, а помещик как увидит, что это сам Кармалюк, да как закричит, а Кармалюк тогда берет тополь и пригибает, сильный был он, и пригнул его, а потом веревку помещику на шею р-раз! — и говорит:

— Ну, подымайтесь, ваша милость, к небу, уж там и остаток грехов искупите,— и пустил тополь вверх.

Только ветер засвистел!

5. РАВВИН И ВОР

Жил когда-то в Межибожье раввин Большем. Своими пророчествами он предсказывал людям счастье. Жил тогда и один вор-неудачник. Крал он только деньги, но всегда попадался. Решил он пойти к Большему и попросить, чтобы тот помог стать ему счастливым. Пошел вор к раввину. Раввин и советует вору:

— Займись лошадьми и будешь счастлив.

Начал вор красть коней и нажил себе богатство. Вспомнил он пророчества Большема и пошел к нему с поклоном.

— Великий раввин, я был неудачник — теперь я счастливый. Но скажите, почему вы мне посоветовали заняться лошадьми?

— Я сам имею дело с лошадьми,— ответил Большем,— это смиренные твари Моисея, и я счастлив. Я стал богатый. Потому я и советовал тебе заняться этим делом.

— Ну, теперь я понимаю, почему вы богато живете,— сказал вор.

6. КАК БЕДНЫЙ КРЕСТЬЯНИН ОТ ПОПА ИЗБАВИЛСЯ

Было это давно.

Ехал однажды бедный крестьянин из села в город. Лошаденка у него была плохая — едва-едва тащится. А тут по дороге идет сельский поп. Поп был вредный, всегда на мужицкие возы впихивался. Сел поп на воз и едет...

Бедный крестьянин все думает, как бы от него избавиться, чтобы кобыле легче было.

Тут поп спрашивает:

— Куда это ты едешь, Иван?

— В город,— отвечает тот.

— Зачем?

— Меня,— говорит Иван,— бешеная собака покусала, вот и еду к врачу.

— А с тобою еще ничего не было, Иван? — спрашивает поп.

— Да не было,— говорит Иван, а сам глядит, куда бы его, длинноволосого, загнать.

Возле оврага увидел он лужу. Только доехали до середины ее, Иван как кинется на попа, как гавкнет. Поп как полетит в лужу да оттуда и говорит:

— Ой, Иван, Иван, чего это ты тут взбесился, а не на сухом месте!..

А крестьянин за вожжи и поехал дальше. Уже без попа.

7. РАБОТА ЯЗЫКОМ

У попа расковался конь. Проезжает он около кузницы. Остановился:

— Сколько возьмешь за ногу, кузнец?

— Два рубля.

— Нет, это дорого.

— Ну, как с вас, батюшка, один рубль возьму.

Кует кузнец, а поп смотрит на его работу да и говорит:

— Завидую кузнецу. Как стук, так и руб.

— А ты, батюшка, языком тара-тара — вот тебе и полтора.

8. ПОП И РАБОТНИК

Нанялся работник к попу с таким уговором: какая плата, такая и работа.

— А какой же платы ты хочешь? — спрашивает поп.

— Чтобы хорошо кормили.

Обрадовался поп: вот, думает, даровой работник будет. На другой день утром поп будит работника.

— Вставай,— говорит,— пойдешь сено косить.

Встал работник, умылся, сел за стол. Позавтракали. Не наелся работник и говорит:

— Может, батюшка, сразу же и пообедаем.

Подала попадья обед. Поел работник, не наелся, да и говорит:

— Так уж давайте, батюшка, сразу и поужинаем.

Велел поп и ужин дать:

— Ну, а теперь иди косить.

— Э, нет, батюшка,— говорит работник,— у нас как поужинают, сразу же спать ложатся.

Да и закатился на целый день спать.

Белорусские

1. О ТОМ, КАК КСЕНДЗЫ ВЫЛЕЧИЛИСЬ

Жили-были три ксендза. Ели они много и ничего не делали. Растолстели они, как откормленные боровы. И чего только они не делали, каких зельев не принимали — ничего не помогает. Говорят доктора, что нужно им ехать на воды: там они сгонят свой жир. Стали тогда ксендзы ездить по панам, собирать денег на леченье.

Вот приезжают они к одному пану и жалуются ему на свою беду. Просит пан ксендзов откушать и переночевать. Посадил он их ужинать да так напоил, что ксендзы заснули за столом. Храпят ксендзы во все

заставки, так крепко спят, что хоть из пушек пали — не услышат. Вот пан приказал их раздеть, перенести в пивоварню и положить там вместе с работниками.

К утру очухались ксендзы и никак не могут понять, где они. Чуть свет будят мужиков засыпать картошку в погреб. Поднялись и ксендзы, не хотели они идти на работу, да тут как перетянул их приказчик кнутом, небось пошли.

Работают ксендзы вместе с мужиками, делают все, что требуется в пивоварне, с мужиками вместе едят, вместе спят и никак не могут из пивоварни выбраться. Вот проходит неделя-другая, и начало с ксендзов спадать сало, а недель через пять они подтянулись, как борзые. Поглядели они один на другого и узнать не могут: так похудели они за эти пять недель. Думали уж ксендзы, что это их черти схватили и засадили в пивоварню на вечное мучение.

Как-то раз приказал пан дать работникам ведро водки, а ксендзам — наилучшей водки, самой крепкой. Напились они и растянулись без чувств в пивоварне у котла. Когда они крепко заснули, велел тогда пан перенести их в гостиную и положить там, где они лежали первую ночь. Пробудились утром ксендзы и трясутся — испугались, что проспали; боятся, как бы приказчик не отстегал их. Стали скорее одеваться и вдруг видят, что около них лежит ксендзовская одежда. Дивятся ксендзы и глазам не верят. Оделись они, а тут и пан приходит, приглашает их чай пить. Угощает пан ксендзов и спрашивает, куда они думают на воды ехать.

— Нет,— говорят ксендзы в один голос,— теперь нам не нужно ехать на воды; мы уже вылечились.

2. БАТРАЦКИЙ ХЛЕБ

Жил-был молодой хлопец. Не было у него своего хозяйства, и все время он батрачил. Да где ни останется работать — всюду ему плохо. Вот и идет он искать лучшего пристанища. Нанялся служить во дворе у пана. Думает себе, где ж лучше служить, кроме как у пана: пан богатый, всего у него много.

Служит он пану верно, старательно работает, а пан все равно каждый день его потчует:

— Лентяй, песья кровь! Нет на тебя лозы!

Известно, правду говорят люди, что у пана ласка на пороге. Пан дурной, работы не знает, только понукает.

Бросил тот батрак пана, пошел искать получше хозяина. Долго он ходил без дела, вот и начал людей расспрашивать, не нужно ли кому работника.

— Да вот иди разве что к попу,— говорят люди,— у попа такое дело: день-деньской спину гнуть, а получай — что люди дадут.

Пошел батрак и нанялся к попу. Но, известно, поп был очень скупой и завистливый. Видит он, что люди стараются себе больше заработать и что у них всего много, вот и хочется ему, чтобы батрак сделал больше. Старался-старался батрак, а попу все мало; заставляет поп его вставать до света: как запоет петух да залает собака, чтоб шел на гумно молотить.

— Люди,— говорит,— все помолотили, а у нас хлеб стоит. Лентяй ты, а не батрак.

Горько батраку. Он старается, трудится изо всех сил, а попу никак не угодишь.

«Люди помолотили,— говорит батрак сам себе,— потому что нечего было молотить. Какая там лава, как грядка, а поп напихал жита полное гумно, и до коляд не смолотить». Но все равно встает батрак до света, жилы из себя тянет, а молотит. Наконец надоело ему даром работать на попа да еще вставать чуть свет. Давай он прислушиваться, почему это петух поет так рано и почему не отзываются другие петухи. Глядит раз — да это же поет сам поп: запоет петухом, растолкает собаку, начнет ее бить да рычать, будто волк. Собака и залает. На другой день батрак кинул собаку в пустой колодец да спит себе, пока солнышко не взошло, а петуха не слушает. Пел-пел поп, аж горло у него вспухло,— не встает батрак. Искал он, искал собаку — нет ее. Плюнул поп и пошел спать. Утром давай ругать батрака на чем свет стоит. А тот отвечает, что его никто не разбудил, потому он и проспал. Видит поп, что с таким батраком пива не сваришь, не хочет он денег ему платить, задумал избавиться от батрака. Было у попа пять больших к

свирепых кабанов. Велит он батраку заколоть одного кабана на колбасы. Думает поп, что как только батрак начнет колоть одного кабана, другие кинутся и разорвут батрака.

«Что тут делать,— думает батрак,— нельзя колоть одного кабана». Попросил он хлопцев помочь, да разом и заколол всех кабанов. Поругался поп, да ничего не поделаешь, надо делать колбасы да есть, а то сало и мясо испортятся. Испугался поп и заплатил батраку, лишь бы тот шел, куда хочет.

Частушки и песни

Русские

1. СТРЕЛЯЙ, СОЛДАТ, В КОГО ВЕЛЯТ...

Стреляй, солдат, в кого велят,
Убей отца, родного брата,
Убей жену, убей детей,
Лишь помни памятку солдата:
Рабочих бить вас поведут,
Голодных убивать прикажут,
По чарке водки вам дадут
И этим совесть вашу губят.

В далекий край вас поведут,
На родине ведь не оставят,
Ружье, мундир вам выдадут,
Машиной быть заставят.
Попы тебя благословят,
Убьешь — греха не будет,
Они не врут, коль говорят:
«Бог вашу службу не забудет».

Крестьяне мрут по деревням,
Земли, работы, хлеба просят,
А им, как буйным бунтарям,
Штыки и пули преподносят.
Стреляй, солдат,
Коли штыком,
Кусай зубами,
Бей прикладом,
Но, убивая, не забудь,
Что убиваешь родного брата.

2. ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ В ПЕТЕРБУРГЕ[1]

Не стая воронов слеталась
Над трупом в поле пировать,—
Жандармов шайка собиралась
На Невском удаль показать.
Самодержавные владыки —
Осатанелый этот сброд,
Смеясь на стоны, визги, крики,
Гнал дерзко шашками народ.
Пусть льется кровь, несутся стоны —
Им дан приказ,— они и бьют,
Для них не созданы законы,
Для них закон — нагайка, кнут.
Кого же бьет, кого гоняет
Слуг царских дикая орда?
Над кем бесчинства позволяет,
Не зная совести, стыда?
Бьет тех, кто смело и свободно
Решился правду говорить,
Бьет тех, кто всенародно
Бесправье вздумал обличить,
Кто, не щадя жизнь молодую,
Во имя светлых всех идей,
Песнь про свободу, песнь святую
Поет средь гика палачей.
Что ж, издевайтеся, тираны,
Наступит скоро ваш черед!
За этот стон, за эти раны
Вам отомстит родной народ!

3. ПЕСНЯ НОВОБРАНЦА

Вынул я жребий недальний
Смерили, крикнули: «Гож!»
А что же глядишь так печально?
В царскую службу идешь:

[1] Песня посвящена кровавым событиям, вызванным провокацией попа Гапона.

Правда, слезами зальются
Мать, и жена, и сестра.
Ну, да, небось обойдутся:
Царская служба нужна.
Сила-то в царском ведь войске:
Где нужно, там пулей, штыком
Ты расправляйся геройски
С братом своим мужиком.
Если забитый, голодный
Русский бесправный мужик
Хлеба захочет досыта —
В глотку всади ему штык,
Если фабричный рабочий
Хочет свободно дохнуть —
Помни устав и присягу:
Целься верней ему в грудь...
Вспомни права крепостные,
Что тогда поп говорил?
Он не видал, как с дворянством
Царь кровь народную пил?
А жертвы крепостного тиранства
Разве не поп хоронил?
Разве не поп равнодушно
Связанных в церкви венчал?
А насмерть пороли в конюшнях —
Он тогда тоже молчал.
В барскую спальню водили
Прямо из церкви невест.
Где же попы тогда были?
Где их евангелие, крест?
Бедный, голодный, с семьею
Русский крестьянин стонал...
Звоном своей колокольни
Поп этот стон заглушал.
Да и теперь проливают
Много и крови и слез...
А поп все свое повторяет:
«Так заповедал Христос!»
Стадо таких же баранов
Будет по плацу шагать,
И будет под дробь барабанов
Лживой присяге внимать.

Украинские

1. ПРО БОГАЧЕЙ, БЕДНЯКОВ И БОГА

Бедняка богач купил,
По затылку крепко бил:
— Ты недорого бери,
А работай, хоть умри.—
Бедный плачет, жить не может,
Только кто ему поможет?
О, мой боже, что ты спишь?
Или видишь, да молчишь?
Шкуру с нас богач дерет,
Не трудами он живет.
В церкви богу помолившись,
Раз-другой перекрестившись,
Богачи домой идут,
Меж собою спор ведут:
Первый скажет: — Бог простил,
Что я за год нагрешил.—
А другой ему в ответ:
— Не прощает, бога нет! —
Так-то бога вспоминают —
Те боятся, эти хают.
А бедняк узнал одно:
Есть бог, нет ли,— все равно.
Сколько богу ни молился,
А богатства не добился.
Поп его уговорил,
Чтобы много не просил:
— Потерпи да помирай,
На том свете будет рай.

2. ДЕД ПОВЕСИЛ ОБРАЗОК

Дед повесил образок
На пустой стене:
«Будь же добр, святый Панько,

Помоги ты мне!
Помоги мне хоть немножко,
Дай что-либо на обед.
Не дает богач ни крошки —
Вот какой лукавый свет!»
А тот образ на стене
Смотрит равнодушно.
Дед молился и просил,
Стало ему душно.
А святой себе висит,
Молча, как безротый,
Дед его со стенки снял
И швырнул в болото.

3. ТРИ БЕДЫ

Много, много лебеды
У бедняцкой хаты...
Появились три беды,
Три напасти клятых.
Одна — поп, другая — царь,
Третья — его свора.
Кто на трон, кто на алтарь
Тащат все с подворья.
Ох, церковные податки,
После них чуть дышим.
Ищешь голый возле хатки,
Чем заделать крышу.
Вот жена берет дитя
И идет батрачить.
Потому-то у меня
Детки в хате плачут.
Тут хоть плачь, хоть не плачь,—
Кто ж о том узнает?
А в хоромах царь-палач
Сидит, выпивает.
Будяки и лебеда
Поле заглушили.
Три беды на бедняка
Волками завыли.
Так и жил бедняк без хлеба,

Чтоб скорей попасть на небо,
Даже хаты не имел,
А богатый богател.

4. ОТ ПОНЕДЕЛЬНИКА ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА

Ничего не скажешь, славно
Бедным жить крестьянам:
В понедельник утром рано
Жнут за сноп у пана,
А во вторник поневоле
Все копнят попово поле,
Чтобы в среду встать раненько,
Сбирать копны помаленьку,
А в четверг не жди восхода —
Полезай-ка на подводу,
Скирды складывай поповы,
Крой их кровлей камышовой.
Есть и в пятницу забота:
Не закончишь обмолота —
Так и знай, что на субботу
Поп еще найдет работу.
А дождешься воскресенья —
От начальства нет спасенья:
Смотришь, староста пристанет,
Да в полицию потянет,
Да продаст твои пожитки,
Оберет тебя до нитки.

5. НА ПОПОВСКОЙ ИСПОВЕДИ

Раз зашел я в церковь
И начал дивиться,
А за клиросом священник
Стал кричать, сердиться.
Я услышал эту ругань
И себя утешил:
«Исповедуюсь, пожалуй,
Видно, очень грешен».

Вот упал я на колени,
Поп сказал мне строго:
— Кайся, сын мой, чем ты грешен,
Чем обидел бога?
— Да, обидел,— отвечаю,—
Тяжкими грехами:
Как-то я пришел к вам, отче,
С добрыми словами,
Одолжить хотел я хлеба —
Вы же им богаты.
Может, помните — то было
Перед самой жатвой.
Я пришел к вам и тихонько
В двери постучался.
А у вас как раз в то время
Ужин начинался.
Ваша милость тут как встала
Да как заорала,
Да с собаками с подворья
Гнать в три шеи стала.
Обозлился я и крикнул,
За калиткой стоя:
— Чтоб вы, отче, удавились
С милостью такою! —
А жена моя узнала
Да и подхватила:
— Чтоб ему совсем ослепнуть,
Как его кобыле! —
Поп напыжился, как жаба,
И давай горланить:
— Будут черти после смерти
Вас обоих жарить!

6. ПОПОВСКАЯ ЖАТВА

Хорошо наш отец
Свою ниву косит:
Он не сеет и не пашет
И дождя не просит.
И на что ему дождь —
Есть на то кропило:

Помахал, и глядишь —
Урожай на диво.
Вот созрел в декабре
Урожай с той нивы:
Куры, яйца, сало, хлеб
И бочонок пива.
Как пойдет наш отец
От хаты до хаты,
Во все горло заревет:
— Курицу давайте! —
Дашь яиц — он ворчит:
— Не забудь о сале,
Чтоб они к сковороде,
Часом, не пристали.
И вот так наш отец
Урожай сбирает:
Он стогов не кладет,
Косу не клепает.
От села до села
Жнет он паляницы:
Повенчает — и берет
Пуда два пшеницы.
Так-то этот пастух
Овец охраняет:
Их живьем на кожух
Себе обдирает.
Наш отец-молодец
Много заработал:
Столько сел, словно вол,
Сам он обработал!
А собрав урожай,
Он покой теряет:
Нагружает целый воз,
В Киев отправляет.

7. К НАМ ЖАНДАРМЫ ПРИСКАКАЛИ

К нам жандармы прискакали,
Хаты обыскали
И товарищей любимых
В цепи заковали.

Вместе с ними заковали
Каленика Жука.
Мать заплакала по сыну,
Бьется, как голубка.
И не только мать родная
По нему рыдала,—
Не одна в селе дивчина
Тяжело вздыхала.
А Каленику велели
В наших хатах рыться,
Обливать зерно карболкой,
Над людьми глумиться.
Но товарищ рук не поднял —
Был душой он с нами
А жандармы его стали
Избивать хлыстами.
Размозжили ему плечи,
Поломали руки
И угнали дорогого
На тяжкие муки.
Кто еще не замечает
Нашу долю злую,
Пусть присмотрится поближе,
Как враги лютуют.
И ты тоже, святой боже,
Плохо замечаешь:
В ту же дудку, что жандармы,
Видно, ты играешь.
Что жандармы злы, как черти,—
Это уж не ново.
Мы для них на этом свете
Пекло приготовим.
Но вот ты, святой бессмертный! —
Это просто диво,
Иль тебя жандармы поят
Горилкою, пивом?
Если б горем, святой боже,
Ты не упивался,
То над бедным ты народом
Меньше б издевался.

8. ПРИЗЫВ

Хватит смиряться, хватит молиться,
Хватит делиться с попами!
Нам ведь глубоких поповских карманов
Век не наполнить деньгами.
Мы эти деньги с плачем добыли
У кулаков под кнутами.
Горько терять нам последние силы
В медных грошах и хлебах,
Их-то мы кормим, а сами страдаем,
Маленьких деточек морим;
Счастье земное попам создавая,
Тьму вечно видим да горе.
Все они горя людского не знали,
Только гуляли и пили,
За панихиды свитки сдирали,
Соки тянули и жилы.
Слышите, катятся громы волнами,
Бедных к восстанию кличут?
Встаньте ж под наше красное знамя
Все, кто спасения ищет!

9. СОБЕРЕМСЯ, БРАТЬЯ, В ПОЛЕ

Соберемся, братья, в поле,
Потолкуем с вами вволю.
Как улучшить нашу долю —
Распроклятую неволю.

Припев: Эх, дубинушка, ухнем,
Эх, зеленая, пойдет.
Да ухнем, да бухнем,
Ухнем.

Богачи нас притесняют,
Шкуру заживо сдирают,
Шкуру заживо сдирают
И все адом нас пугают.

Припев

Ада мы уж не боимся,
Мы в аду давно томимся,

Уничтожим богачей
И всех царских палачей.

Припев

Сгинет царь, палач кровавый,
И настанет день наш правый,
И тогда придет свобода
Для забитого народа.

Припев

Солнце правды засияет,
Нас никто не испугает,
А чтоб этого добиться,
Надо нам объединиться.

Припев

10. ДОЛОЙ ГОСПОД, ДОЛОЙ ЦАРЯ!

Ревет и стонет люд голодный,
Идет свободу добывать.
Воюет с нами царь негодный,
Ему не жаль нас убивать.
И казаки, как звери, скачут,
От их нагаек все бегут.
Как будто черти в пекле мрачном,
Они людей терзают, бьют.
А царь Никола — враг народа —
К окну подходит и глядит,
Попросит дать вина и меду
И ну казацкий труд хвалить.
Ведь он — дворянский царь негодный,
Всегда дворянам угождал.
Он царь, дворянам лишь угодный,
Одних дворян он награждал.
Мы попросили у Николы
Свободы, правды и земли.
Теперь он нас штыками колет
Чтоб на могилу дать земли.
А кто хотел помочь рабочим,
Того сажает он в тюрьму,
В неволе держит сколько хочет,
Велит помалкивать ему.

Попам — чертям долговолосым —
Велит людей он поучать,
Как жить на свете голым, босым,
Царя и веру почитать.
Да люди стали поумнее,
Попов не слушает народ,
И раздается все сильнее:
«Долой царя!», «Долой господ!»
Не надо нам царя Николы,
Его с престола мы спихнем,
Напишем новые законы,
Свои порядки наведем.
Тогда и будет для народа
Свобода, правда и земля.
Минует тяжкая невзгода.
Долой господ, долой царя!

Белорусские

1. СЛУЖИЛ ЦАРЮ И БОГУ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

Служил царю и богу двадцать пять лет,
Отбили руку и ногу, дали крест золотой.
Дали крест золотой,— иди, солдат, домой!
Домой пришел — никого в доме нет.
Отец, мать умерли, сестра замуж пошла.
Сестра замуж пошла, а доли не нашла.
Заплакал солдат на весь белый свет.

2. ОТПУСТИЛИ КРЕСТЬЯН НА СВОБОДУ

Отпустили крестьян «на свободу»
Девятнадцатого февраля,
Только землю не дали народу,—
Мужики без земли пропадают,

А дворяне и рады тому,
За бесценок они нанимают
Мужиков на работу свою.
Вот вам «милость» царя и дворян.
Притесняет нас земский начальник,
И урядник дыхнуть не дает,
Поп пугает нас адом кромешным
И за требы три шкуры дерет.

3. ПЕСНЯ ВДОВЫ

Вот я сяду да поеду,
У отца спрошу совета,
Про заботы расскажу я,
Про свою судьбину злую.
Пусть родимый мой узнает,
Как дочурка поживает.
Посоветуюсь с тобою,
Как мне жить теперь вдовою,
Как стерпеть беду такую,
Как сироток накормлю я.
Моя хатка развалилась,
Мои детки не учились.
Кто вспахать мне поле может?
Кто мне луг скосить поможет?
Я ж, молодка, замоталась,
Под окнами настоялась,
Все пороги обивала,
А подмоги не видала.
— Ой ты, доченька родная,
Как помочь тебе — не знаю.
Днем и ночью жди от бога,
Может, вымолишь подмогу.
— Ой ты, таточка родимый,
Твой совет ведь неправдивый:
«Бог на помощь» — я слыхала,
Когда мать меня качала.

4. ДОЛЯ ГОРЬКАЯ ТЫ, БАТРАЦКАЯ

Доля горькая ты, батрацкая,
Горемычная да бедняцкая,
Труд тяжелый наш, не под силушку:
Все на прибыли да на панские,
На поповские и дворянские.
Гей, сбирайтесь вы, парни бравые,
На расправы да на кровавые,
На расправы с панами, барами,
Пусть усадьбы горят пожарами.

Пословицы и поговорки

Русские

Благослови, владыко, драть с бедного лыко.
Дерет коза лозу, а волк козу, а мужик волка, а поп мужика.
Иной по две обедни слушает, да по две души кушает.
Лихо одеться да обуться, а за молитвой дело не станет.
Кто сыт, тот у бога не забыт.
Голодный и архимандрит украдет.
Голод не знает поста.
Батожье — дерево божье, терпеть можно.
Богу на свечу, царю на подати, себе на пропитанье (на все должен заработать мужик).
Поп и богу-то норовит угодить на чужой счет.
Бог богатых любит.

Украинские

Бог с бедного последнее сдирает и богатого одевает.
Богатому вольно и в церкви свистать.

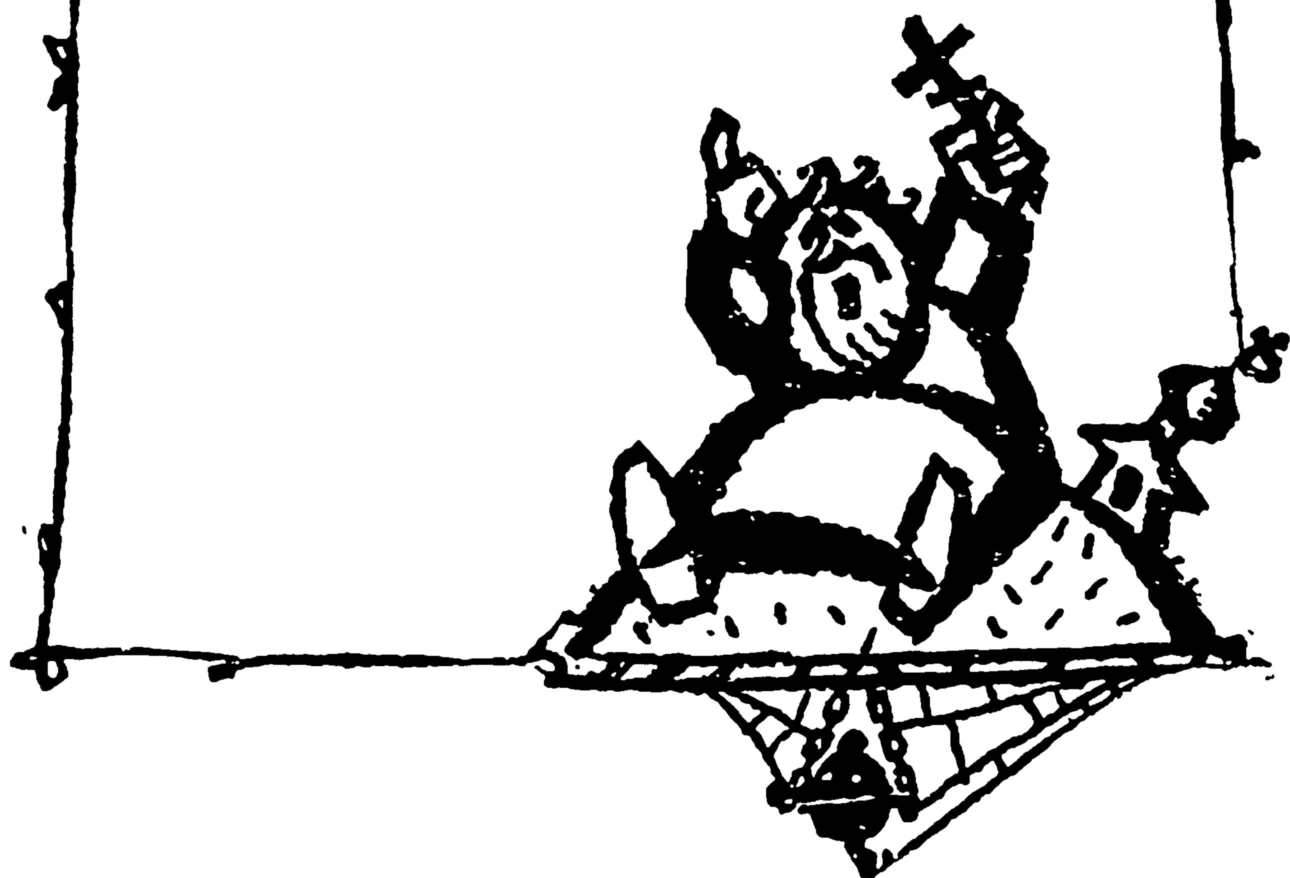
Богатый говорит с иконой, а убогий — с нуждой.
Бог помог, как слепому очки.
Все божье только богатым гоже.
За кого пан, за того и бог.
И попы, и паны — одного поля бурьяны.
Пан бога молит, а мужика неволит.
Где был тот бог, когда пан гнул беднюту в бараний рог?
Если б на исповеди не сознался,— в острог бы не попался.
Поп грехи узнал и в полицию передал.
Поп грехи прощает, а полиция все их знает.
У кого барыши, тому и боги хороши.
У кого деньги, за того и бог.
У попа борода, как у святого, а мысли — как у городового.
У попа и хорошее поле, и денег вволю, а у бедняка — ни поля, ни пятака,— горька доля бедняка.
Что поп, что пан — никакой разницы.

Белорусские

Бог не ровно делит: одному много, другому мало.
И бог обманом живет: у одного отберет, другому дает.
Несправедливо бог людей поделил: полмира плачет, а полмира пляшет.
Одному от бога барыши, а другому вши.
Пан шкуру сдирает, а поп душу вынимает.
Правду говорят — собачья жизнь у мужика: пан не дает, бог не помогает, а самому заработать негде.
Поп, ксендз и раввин разным богам молебны справляли, а из одной казны деньги брали.
За того и боже, кто кого переможет.
У бога всего много, а у бедняка ничего.
Умер богатый — по пять попов из хаты, а умер бедняк — идет только дьяк.

К СЧАСТЬЮ ДОРОГА — БЕЗ ПОПА И БОГА

Сказки, сказы и остроты

Русские

1. СКАЗ О ПОХОДАХ ДОБРОВОЛЬЦА КРАСНОЙ АРМИИ
(отрывок)

Не доходя тридцати верст за Ирбитом, село Эчкинское, сделали очень сильный бой,— сопротивлялся Колчак. Также пришлось отступить на три версты от них. Сильный бой! До тех пор стреляли из пулеметов, что стали нагреваться даже. Вот как мы их уже лупили тут! Да! Стали нагреваться пулеметы. По силе возможности пришлось нам отступить назад на три версты от них. Сделали передышку для охлаждения пулеметов. Неприятель на нас не наступал. Стоял полверсты от села Эчкинское.

Когда ночь прошла тихо, на вторую ночь пошли в наступление на неприятеля. Как наши закаленные красноармейцы, что во что ни стало освободить Сибирь и Урал от Колчака. Мирные жители, когда выяснили, у Колчака что было, обрисовали положение: расстреливали, драли большую подать со стариков и отбирали имущество крестьянское. Мы тогда почувствовали почву, что действительно мирные жители идут за Красной Армией. Мирные жители за нас!

И дали мы яму второй, решительный бой. И взяли в плен тысячу двести человек. В плену оказались больше всего барские сынки, и попы тут попалися к нам. Вот где смеху больше всего было! Дык, интересно; наши батюшки с крестами ходили, на путь божий нас наставляли, потом пошли воевать с нами, красноармей-

цами! У нас некоторые красноармейцы говорили, что их нужно уничтожить совсем. Но наши командиры ободряли в том: «Товарищи, нужно отправить в тыл, а то мы потеряем весь авторитет от мирных жителей»...

2. КАК НУЖДУ ПРОГНАЛИ

Приехал мужик вечером с пашни, распряг лошадь и входит в избу. В избе темно и пусто. Жена с огорода еще не бывала, ребятишки около нее вьются. Тихо в избе, только сверчок под печкой балясы точит. Сел мужик на лавку и задумался: «Плохая жизнь на свете. Работаю днем и ночью, а есть нечего, детишки от бесхлебицы животами припухли, жена от худобы стала на доску похожа».

Долго думал мужик, очень горько было на его сердце. Вдруг мужик слышит: кто-то на печке шевелится и вздыхает по-человечьи.

Окликнул мужик — не отзывается, окликнул второй раз — молчит. А все охает и шевелится. Испугался мужик. Нащупал сернички на шестке, чиркнул одну и полез на печь. Как увидел — ноги подогнулись в коленях, волосы на голове, как ветром дунуло, страх прошел по всему телу. На печи лежала старая, седая, страшная старуха.

— Кто ты такая и зачем пришла? — спросил мужик.

Повернулась старуха к мужику лицом и беззубым ртом прошамкала:

— Я — Нужда, твоя вторая жена — хозяйка домовитая.

Замахал мужик руками:

— Какая жена? Я тебя знать не знаю. У меня законную жену кормить нечем. Уходи подобру-поздорову.

— Не уйду,— отвечает Нужда,— я к тебе богом препоручена и семью царскими печатями припечатана. Пока ты жив — с тобой буду, умрешь — к детям перейду по наследству.

Взял мужик дубовый запор, что подпирал ворота, и хотел со всего размаха Нужду попотчевать. А она захохотала, как ночной филин, и диким голосом закричала:

— Не тронь меня, мужик! Твоему же телу будет больно. Не ходи против судьбы, живи в мире.

Тогда мужик заплакал, упал на колени и начал просить Нужду честью:

— Уходи, Нужда. Что тебе моя холодная печь? Лучше к барину на усадьбу иди. Там пуховики, тепло и чисто. А уж я богу помолюсь за твое здоровье. Уйди!

Нужда отвечает:

— Не проси, мужик, вечно я с тобой буду. Только тогда уйду, когда ваша река потечет кверху: тогда в поле вашем вырастут белые булки и жена твоя худая родит трех сыновей разом.

Еще горше заплакал мужик. Разве может их река побежать обратно? Разве вырастут на их тощей земле белые булки? Разве родит его Матрена трех сыновей разом?

Так и осталась Нужда у мужика на печке.

Живет мужик. День и ночь работает, спину за сохой погнул и ест впроголодь. Все уходит на налоги царю, попу да барину. Лошаденка пала, избенка развалилась. «Уж хоть бы умереть скорей»,— стал подумывать мужик.

Прошел год, два, десять. Царь с помещиками войну задумал. Весь народ на убийство погнали и мужика забрили в первую очередь. Ушел он, а Нужда на печке осталась, детям да жене села на шею.

Долго воевали. Много крови пролили. Потом устали воевать, на царя пошли и с престола его свергнули. Следом за царем смахнули с плеч помещиков и установили Советскую власть. Обрадовался мужик. Дескать, теперь Нужда в его избе жить не имеет права: царские печати всякую силу потеряли.

Пришел мужик с войны домой, глянул на печку, а Нужда все еще лежит.

— Я,— говорит,— заждалась тебя. Скучаю, мой милый.

Мужик после войны храбрый стал, с кулаками на Нужду полез. А она насмехается:

— Тем, что вы царя нарушили и помещиков прогнали — мне сильный удар нанесли. Но я и без них еще могу жить, пока вы ума не накопили.

И начал мужик подумывать, как бы реку обратно повернуть, как бы в поле белые булки вырастить и

заставить жену родить трех сыновей разом. Думал, думал, ничего не выходило. А Нужда лежит да посмеивается:

— Богом я к тебе препоручена, семью печатями припечатана.

А жизнь помаленьку на другой бок стала повертываться. О колхозах закон выпустили. Мужик первым в колхоз записался. Приходит домой и жене рассказывает. А Нужда на печке кряхтит да охает:

— Не ходил бы ты, мужик, в колхоз. От него мне худоба да нездоровье.

А мужик ей в ответ:

— Сдохнуть бы тебе давно надо, карга старая.

Запахали сообща землю, урожай богатый сняли. Нужда все громче стонет. На печи ей жарко стало, на пол спустилась, легла у порога. А мужик радуется, чует: капут скоро придет Нужде. Разбогатела деревня.

Инженеров да техников в деревню прислали. Перепоясали они реку широкой плотиной, часть воды на поле пустили, часть в турбину электростанции направили.

Приехали агрономы и на полях пшеницу посеять посоветовали. Уродилась пшеница хорошая, наливистая. Осенью обмолотили ее мужики и белых булок напекли.

А Нужда совсем заболела, позеленела, мохом поросла. Катается по полу и хрипит:

— Мужик, мужик, пожалей меня. Ведь целую жизнь вместе прожили.

А мужик белые булки ест и приговаривает:

— Слушай, Нужда, время тебе совсем убираться. И река наша обратно пошла, и в полях булки выросли, уходи подобру-поздорову.

И опять скрипит Нужда:

— Нет, мужик, еще не пришло время, еще не родила твоя жена трех сыновей разом.

А жена его при хорошей жизни поправилась, гладкая да румяная стала. Прошла зима, лето, а на следующую осень повез мужик жену в родильный дом и родила она там трех сынов разом. Все трое здоровые, белые, крепкие.

Выдало Советское правительство мужику денег несколько тысяч рублей и лесу на постройку нового дома.

Тогда совсем осмелел мужик. Скрутил он плеть ременную, длинную, протянул Нужду плетью вдоль спины раз десяток. Бьет и приговаривает:

— Уходи, костлявая. Нет тебе места больше в моей избе, нет тебе уголка на всей нашей земле.

Не вытерпела Нужда, закричала от боли так, что на деревьях листья посыпались, и убежала в гумны. А оттуда ее всей деревней сначала в лес, затем в болото прогнали. Там она еще двое суток жила, пока не издохла. Мужики нашли ее кости, глубоко их в землю закопали, известью посыпали и на могилу осиновый кол вбили, чтобы во веки веков Нужда не встала.

Украинские

1. СКАЗКА ПРО ТО, КАК НЕ СТАЛО БОГА И ЧЕРТА

Перестали наши колхозники верить в бога. Церковь закрыли и вместо нее построили колхозный дом. Все богомольные стали теперь членами кружка безбожников. С каждым годом в колхозе становится все лучше да лучше.

Однажды одна бабуся выиграла на свою облигацию 3000 рублей. А поздно вечером, когда бабуся уже стала ложиться спать, послышался стук в двери, и на пороге появился неизвестный человек, а позади него другой, который совсем не был похож на человека. Не здороваясь, человек начал таинственным голосом:

— Давай, старуха, деньги, а то черт на небо не пускает...

— Но ведь я же их в сберегательную кассу сдала,— ответила бабуся.

— Давай, старуха, деньги, а то черт на небо не пускает,— послышалось в ответ.— Если не дашь, то я тебя крепко накажу за это.

А черт в сенях все ногою туп-туп, туп-туп.

— А мой же ты боженька, подожди до завтра, а я схожу в сберкассу и принесу тебе деньги, а ты тогда приходи, и я их отдам тебе.

На том и разошлись.

На другой день утром, никому ничего не говоря, пошла бабуся в район, но не в сберегательную кассу, а в милицию. Рассказала про все, а поздно вечером вернулась домой вместе с несколькими милиционерами.

Незадолго до этого бог и черт влезли незаметно к бабусе в хату, спрятались и ждут, пока та придет с деньгами.

Не успела бабуся еще войти в хату, как перед нею появились, словно из-под земли выросли, бог и черт.

— Давай, старуха, день...— и не досказали, в это время в дверях появились два милиционера.

Когда же сняли маски с этих «святых», то выяснилось, что это были поп и высланный из села кулак.

С того времени не стало уже ни бога, ни черта, и живем мы спокойно.

2. ЗОЛОТАЯ ГРАМОТА

Целый год мужики копали у пана колодец, а воды все не было. На большой глубине выкопали они золотую грамоту.

Немного было написано в той золотой грамоте. Как солнце сверкают буквы, а прочитать, что там написано, мужики не могут. Все они были неграмотные.

Взяли мужики золотую грамоту и пошли с нею к своему пану, чтобы тот им прочитал, что там было написано.

Приходят мужики в панское имение и видят: на панском дворе панские правители батогами бьют людей за то, что люди мало сделали дела своему пану. А тут за большими столами сидят паны — все важные, сытые, довольные. Одеты они в дорогие одежды, на ногах дорогая обувь, на столах много еды и дорогих вин.

Приходят мужики к своему пану, сняли шапки, низко поклонились и говорят:

— Мы у тебя, пан, год колодец копали, до воды не докопались, а на большой глубине выкопали золотую

грамоту, а что в той грамоте написано — мы не знаем, ведь мы неграмотные. Будь добр, пан, прочитай, что в той грамоте написано.

Взял пан из рук мужиков золотую грамоту, прочитал ее сперва сам тихонько, потом дал прочитать другим панам. Те читают золотую грамоту, хохочут, аж за бока берутся. На чужом языке о чем-то говорят меж собой. Долго смеялись паны, а мужики все ждали ответа. Наконец пан сказал мужикам:

— Слушайте, мужички. Эта золотая грамота действительно с неба. Слушайте, что вам сам бог говорит. Как звезды на небе не одинаковы — есть больше, есть меньше,— так и на земле — люди не равны. Каждому бог дал свое счастье. А счастье мужика в том, чтобы покорно работать на своего пана. Работа мужика на пана приятна богу...

Долго еще говорил пан, но видят мужики, что он врет, обманывает их, говорит им не то, что написано в золотой грамоте. Заволновались, зашумели мужики и стали требовать назад золотую грамоту. Рассердился пан на мужиков, затопал на них ногами, закричал что есть силы. Со всех сторон сбежались панские прислужники с нагайками и палками. Накинулись они на перепуганных мужиков и стали их нещадно бить. Разбежались мужики кто куда мог, а когда сошлись вместе, видят, в руках у них снова золотая грамота, а на ней солнцем сияют буквы. Идут мужики дальше. Вспомнили они, что у них урядник грамотный, решили идти прямо к нему, чтобы прочитал им золотую грамоту.

Приходят мужики ко двору урядника и видят, что его слуги бьют батогами людей, которые чем-то не угодили своему начальству. Выходит сам урядник, а с ним множество таких же урядников, сытых, довольных, на груди у них медали, кресты, сбоку у каждого висит сабля с пистолетом. Мужики сняли шапки, поклонились урядникам в ноги и говорят:

— Целый год мы копали у своего пана колодец, до воды не докопались, а на большой глубине выкопали золотую грамоту, а что в ней написано, мы не знаем, ведь мы неграмотные. Будь добр, господин урядник, прочитай, что написано в этой грамоте.

Взял урядник из рук мужиков золотую грамоту, прочитал ее сперва сам потихоньку, потом дает прочитать грамоту другим урядникам. Те читают золотую грамоту, хохочут, аж за бока берутся, и что-то меж собою говорят.

Долго смеялись урядники, а мужики все ожидали ответа. Но вот урядник и говорит мужикам:

— Слушайте, мужички, эта золотая грамота действительно с неба. Слушайте хорошо, что вам бог говорит. Покорно подчиняться своему начальству. Всякая власть от бога дается. И нет такой власти, какая была бы не от бога. Кто власти не слушается, тот не слушается самого бога.

Долго так говорил урядник, но видят мужики, что он врет, говорит не то, что написано в золотой грамоте. Заволновались, зашумели мужики,— требуют от урядника назад золотую грамоту.

Рассердился урядник на мужиков, затопал на них ногами, закричал на них что есть силы. Со всех сторон сбежались прислужники с нагайками и ружьями и начали бить мужиков.

Перепуганные мужики разбежались во все стороны, а когда сошлись вместе, в их руках снова грамота, а на ней солнцем сверкают непонятные буквы.

Идут мужики дальше и вспомнили, что еще есть грамотный поп. К кому же, как не к попу за правдою идти? И решили мужики пойти прямо к поповскому двору. Приходят они к поповскому двору, видят там много разных людей, и все работают. Женщины ткут, прядут, другие возятся с куделью, перья дерут на подушки для поповских дочек, мужчины дома строят, подростки возятся возле скотины. Все работают, а над ними с батогами в руках поповские слуги стоят. И видят мужики, как те поповские прислужники вместо хлеба камень дают людям, а вместо воды — огуречный рассол. Тяжко стонали люди от зноя, голода, а работе их конца-края нет.

Выходит на крыльцо сам поп, а за ним множество другого духовенства. Все они толстые, лица у них довольные. Рясы на попах шелковые, на груди у каждого золотой крест.

Подходят мужики к попу, сняли шапки, поклонились попам в пояс и говорят:

— Целый год мы копали у своего пана колодец, до воды не докопались, а на большой глубине выкопали золотую грамоту, а что в ней написано, мы не знаем, ведь мы неграмотные. Будь добр, наш родной батюшка, прочитай, что написано в этой грамоте.

Взял поп из рук мужиков золотую грамоту, прочитал ее сперва сам потихоньку, потом дал прочитать грамоту другим попам. Те читают золотую грамоту, хохочут, аж за бока берутся, и что-то меж собою говорят.

Долго смеялись попы, а мужики все ожидали ответа. Вот поп и говорит мужикам:

— Слушайте, рабы божьи. Эта золотая грамота действительно с неба. Слушайте, что сам бог говорит вам:

«Те, кто плачут на земле — возрадуются на небе. Люди должны покорно нести свой крест. Любите врагов своих, благословляйте тех, кто обижает вас. Если кто ударит тебя в одну щеку, подставь ему и другую, а тому, кто хочет взять у тебя кафтан — отдай ему и рубашку свою».

Долго говорил поп мужикам, а остальные попы кивали головами в знак согласия с ним и крестили мужиков. Но видят мужики, что их отец врет, говорит не то, что написано в золотой грамоте. Заволновались, зашумели, требуют от попа назад золотую грамоту.

Рассердился поп на мужиков, затопал на них ногами, закричал что есть силы. Со всех сторон сбежались поповские слуги с батогами и палками, накинулись на перепуганных мужиков и стали их нещадно бить.

Перепуганные мужики разбежались во все стороны, а когда сошлись вместе, видят — в их руках золотая грамота, а на ней солнцем сверкают непонятные для них буквы.

Стоят мужики и не знают, куда же теперь идти с этой золотой грамотой и кто бы мог им правдиво прочитать слова, сияющие, как солнце, в золотой грамоте.

Шел по той дороге Ленин. Мужики окружили его и говорят:

— Добрый человек, целый год мы копали у своего пана колодец, до воды не докопались, а на большой глубине выкопали золотую грамоту, а что в ней напи-

сано, мы не знаем, ведь мы неграмотные. Добрый человек, просим тебя, прочитай нам, что в этой грамоте написано.

Взял Ленин из рук мужиков золотую грамоту, усмехнулся и говорит:

— Друзья мои,— я-то вам прочитаю эту грамоту, она не от бога, конечно. Но вам необходимо уметь самим читать такие грамоты.

Благодарят мужики Ленина и просят его побыть у них в селе и научить их грамоте.

Немного времени прожил Ленин в селе у мужиков. Мужики научились читать, а когда прочитали золотую грамоту, начали потихоньку говорить меж собой. Вскоре они объединились в свои крестьянские комитеты, вооружились кто чем мог и вместе с вооруженными рабочими уничтожили всех своих врагов: царя, попа и пана-помещика — и начали жить так, как было написано в золотой грамоте.

А написано было в этой золотой грамоте только одно слово: «Коммунизм».

3. И БОГ НЕ ПОМОГ

Когда народам России надоела война, они послали к богу людей, чтобы он остановил войну.

Посланцы добрались до бога.

— Так и так,— говорят они,— надоела народам война, просим вашей божеской милости прекратить войну.

Бог ответил этим посланцам:

— Я стар, уже ничем помочь не могу. Я так стар, что до земли не доберусь. Вы пойдите,— говорит бог,— к Иисусу, может, он чем-нибудь поможет.

Пошли посланцы к Иисусу. И снова рассказывают:

— Так и так, прислал нас к вам сам бог. Может, поможете остановить войну?

Но Иисус не хочет помочь людям и говорит:

— Я не могу. Мне сейчас 33 года, и если я пойду вам на помощь, то меня могут там на земле мобилизовать, а я воевать не хочу. Пойдите лучше к пророку Илье, может, он чем-нибудь поможет.

Пошли посланцы к Илье.

Снова так и так, говорят они, были у бога, у Иисуса,— отказали нам. Просим вас, помогите нам.

Но тот сказал:

— Э, я стар. Пешком не дойду. Я на конях в бричке езжу по небу, а на землю не рискую, там, чего доброго, отнимут моих коней.

Видят посланцы, что правды не добиться на небе, и решили вернуться на землю. А когда посланцы вернулись на землю, то рассказали всем людям, чтобы не ждали никакой помощи с неба, все это напрасно. На небе не хотят остановить войну. Тогда люди взялись за разум. Сами положили конец войне, разогнали всех панов и подпанков, установили свою власть на земле и устроили такой порядок, какой нужен народам.

А с теми, кто хочет войны, будет то, что было с панами в России в 1917 г.

4. БОГОМОЛЬНАЯ ФРОСЬКА

Так вы из Киева? Ну, так расскажу я вам про киевские чудеса, которые видела тетка Фроська еще в старину стародавнюю.

Жила в нашем селе страх какая богомольная Фроська. Было ей лет пятьдесят, а может, и больше. Вот перед жнивами собирается она, бывало, ко святым местам в Киев. Обойдет все село, ни одной хаты не пропустит. Только зайдет она к кому-нибудь в хату и начнет канючить: «Жертвуйте, жертвуйте, иду я ко святым местам на поклонение и за вас помолюсь». Глядь, тот даст пять рублей, другой и десятку, а то и двадцать. Обойдет все село, и наберется у нее в кармане каких-нибудь рублей шестьсот. Значит, можно и в Киев двигаться.

А доходила ли она до Киева, или не доходила, леший ее знает. Может, до Красного маяка и добиралась (что на той вон стороне Днепра), правда, тогда его не Красным звали, а был там просто монастырь. С мощами или без мощей, уж этого я вам не скажу, никогда богомольным я не был и в таких местах не бывал. Продолжалось Фроськино моление месяца полтора. А потом, увешанная торбами и кошелками, она

возвращалась в село. Полна торба маленькими иконками разных святых, а в кошелке все крестики — и серебряные, и медные, разные там.

Как услышат в селе, что Фроська вернулась, все к ней (те, кто жертвовали), а она всех и наделяет:

— Вы сколько давали, пять? Так вот вам святая Варвара и крестик медненький. Наденьте и носите его себе на здоровье, а господу богу в угождение.

— Вы десять давали? Вот вам святой Пантелеймон и крестик маленький серебряный.

— А кто давал двадцать? Подходите сюда, вот вам большой крест серебряный и Николай-чудотворец. Поминала я всех ваших за упокой и за здравие тоже подавала.

Вот такими иконками да крестами задурит она, бывало, людям головы, а они рады, будто освятились. А сама Фроська рубликов пятьсот и подработает. И устраивает под сорокоуст гулянку. Созовет всех своих жертвователей и начнет за чаркой разводить всякую брехню про Киев.

— Ну, братия, выпьем еще, да расскажу я вам про Киев.

Они все рты пораскрывают, а она и начинает, подвыпивши:

— А уж святых-то этих в Киеве, боже ты мой! И танцуют и такое вытворяют... А на самой высокой колокольне стоит плечистый святой, а рот у него аж страшно глянуть. И так дышит он сильно, что, как дохнет: «Дху, дху» — враз ветер во все стороны и подует. Оттого, православные, и ветер-то у нас бывает.

Вот один слушал-слушал и спрашивает:

— Ну, я, предположим, согласен, что ветер это он делает, а ежели тихо, то это он вовсе перестает, значит, дышать, или как?

А Фроська будто не понимает:

— Да чего ему переставать? Напротив него, как ты вот напротив меня, стоит второй святой, такой рукастый, как сожмет кулаки, аж страшно... И ежели надо, чтоб стало тихо, то, когда тот плечистый хочет дохнуть, этот и всунет ему в рот два кулака. Вот и становится тихо.

Белорусские

1. ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА

Жили в деревне два брата. Поле пахали, слезами поливали и горб себе наживали. Хлеб и скотину у них паны забирали, а платили за это кулаками в спину.

Жили братья не год и не два, а неведомо сколько. Вокруг другие мужики так же жили.

Опостылело братьям работать на других. Решили они отправиться по России-матушке правды искать.

Идут они по дороге, а на пути стоит большое село. Посредине села — панский дом и церковь каменная.

— Дай,— думают братья,— зайдем, поищем правды.

Идут они по селу, а навстречу им пан в коляске едет.

— Чьи вы, мужики, откуда идете и что ищете? — спрашивает их пан.

Братья отвечают ему:

— Жили мы, жили в горе, в бедности, и больше мочи у нас не хватило так жить. Идем правду искать. Научи нас, пан, где ее найти.

— Хорошо,— говорит пан,— покажу я вам правду, коли желаете, только вы мне поработаете за это.

Согласились братья.

Работали они, работали: поле пахали, землю слезами поливали.

Прошел год. Приходят они к пану и говорят:

— Научи же нас наконец, как нам правду найти.

— Ну вот вам и правда,— отвечает им пан,— голь вы немытая, работать вам всегда на нас, панов.

Плюнули братья и пошли дальше. Идут они месяц, идут год. Глядь: стоит поп.

— Научи, отец, где правду найти,— спрашивают они.

— Хорошо,— говорит он,— я вам правду у царя небесного вымолю, а вы мне поработайте за это.

Согласились братья. Работали они, работали, слезами землю поливали. Прошел год. Пришли братья к попу, а он им и говорит:

— Работайте вы усердно и не гневите бога — вот ваша правда.

Плюнули братья и пошли дальше.

Приходят они к купцу. Вышел к ним толстопузый богатей.

— Хорошо,— говорит,— научу я вас правде, только поработайте на меня.

Согласились братья. Стали они работать и горбы наживать. Выучил их купец, как честный народ обманывать и бедноту обмеривать. Не прошло еще и года, как младший брат говорит:

— Не пойду я больше правду искать, нет ее на свете, правды мужицкой.

И вернулся он в свою деревню. А старший брат понастойчивей был — не хотел он без правды домой возвращаться. Пошел он один к фабриканту.

Фабрикант был богат, богаче пана, попа, купца и всех их вместе. Начал старший брат у него работать. На фабрике много народу работало.

Работали они много лет. Горбы наживали, а правды не видали. Только раз слышит брат на смене тихий разговор:

— Есть человек один — он правду знает. Зовут этого человека Лениным, а живет он на севере, в Питере.

Запомнил брат имя и пошел искать этого человека.

Шел много дней, а может быть, и месяцев. Пришел в Питер. Видит, идет рабочий, он его и спрашивает тихонько:

— Где тут Ленина найти?

А тот ему еще тише отвечает:

— Пойдем со мной, я тебя отведу.

Вот и пришли они в обыкновенную комнату. Кругом разных книг много. Вышел к ним человек, одет не богато, но чисто. И говорит он им:

— Добрый день, товарищи, что скажете хорошего?

Рассказал ему брат, как он правду искал. Долго говорил с ним Ленин о порядках на фабрике, расспрашивал о сельской бедноте, а потом сказал:

— Правильно ты сделал, на фабрике ты правду скорее найдешь. Вы ее там в руках держите.

И рассказал Ленин ему, как нужно за рабочую правду бороться, чтобы не служить ни панам, ни куп-

цам, ни фабрикантам, и как выгнать их всех разом вместе с царем.

Вернулся брат вновь на фабрику и начал другим ленинскую правду потихоньку рассказывать. Один рассказывает, а десять слушают, десять рассказывают, сто слушают. И пошла ленинская правда по всему свету.

Много лет ходила она по городам и селам. Поднимала она рабочих и крестьян на борьбу. А в октябре 1917 года прогремела эта правда на весь мир. Пошли рабочие и крестьяне беспощадной войной на помещиков и фабрикантов. А вел их тогда сам Ленин, и победила в Октябре ленинская правда.

С того времени рабочие и крестьяне больше не работают на панов и фабрикантов, горбов не наживают, слезами землю не поливают, а сами — хозяева своих фабрик, своей земли и своей жизни.

2. РОЗОГ НЕ ЖАЛЕЛИ

Так вот вы — молодые, ничего не знаете.
А я много прожил, всего повидал.
В одном Могилеве раз сто побывал
Да и за Могилев езжал.
В Херсон плоты гонять пришлось,
А оттуда и пешком ходить довелось —
И это за три тысячи верст!
Денег на железную дорогу не было.
Хоть и удастся какую копейку подстрелить,
Так все одно ее нужда нести домой велит.
Хотите вы знать, как мы на барщине
служили?

Расскажу:

С мужиком, что хотели, то и делали. Войтов при панском дворе человек десять было. Провинится мужик — его секут. Однажды войты нажаловались пану, что один мужик пшеницу крадет. Привели беднягу на конюшню.

— Ложись, — говорят.

И давай сечь в две руки. А третий войт стоит да розги в соленой воде мочит.

Не признался мужик.

Привели жену Гарпину. Она с животом ходила и

собиралась уже родить. Попробовали положить ее на лавку — ничего не получается. Тогда пан приказывает принести большой ушат. Вот и положили бабу животом на этот ушат. Один держит за голову, другой за ноги.

Плачет, бедная, надрывается. Секли ее до тех пор, пока кровью не изошла.

Розог на дворе всегда лежало много, секи хоть без отдыха.

Однажды пан Василий Малиновский проиграл в карты пану Турчанину три деревни — Цупарь, Малые и Большие Козловичи. И тот не лучше был. Мне уже лет двадцать пять было, когда крестьян «освобождали». В то время в Козловичах землю делили, а я цепь за землемером таскал. Знаю, как крестьянина с паном делили: пану самую хорошую землю отдали, а нам — пески да болота. А платить за нее нужно было, как за пахотную землю.

Пока от казны не отделались, давали взятку и волостному старшине, и писарю, и его помощнику, и старосте, и сотскому, и десятскому. И попы вместе с ними семь шкур драли с мужика.

Был у нас попом Рашкевич. Ну и голосина же у него был! Как запоет, аж вся церковь трещит. А пьяница! Напьется и вместо часослова по заслонке читает. Вот женился я и пришел к попу Рашкевичу:

— Повенчай, батюшка.

— Три рубля, Николка.

— Дорого, батюшка.

— Ну, два давай. Только потом придешь денек попашешь.

А тогда за два рубля целый месяц работать в имение ходили. За день платил пан всего десять копеек. Войты и все панские подлизы на своей земле богатели, а мы снова на пана работать пошли. Куда денешься! Есть что-то нужно. Каждый хотел крестьянина обмануть, да за его счет поживиться.

Жили паны на широкую ногу, а с мужика последнее тянули.

Ой, ой, ой, горька была жизнь, пусть ее смолой высмолит!

Теперь, дети, чего вам не достает! Трудитесь только! Житье стало хорошее — это нам большевики дали его.

3. БЫЛО, ДА УПЛЫЛО ГОРЕ

Жил я при царе в горе да в беде, за свои семьдесят пять лет знал я много бед. Жил под панским ярмом, работал в поле до седьмого поту, а дети хлеба не ели в охоту. Палкой пан меня бил, жену до вечера на поле держал, пощады от пана я не знал. Как подати собирали, нас палками избивали. Мы у бога избавленья искали, да так его и не узнали.

Стало жить в моей хате горько: нету детям хлеба ни корки. К пану не пойдешь проситься, к нему не приступиться. Скинул я шапку, стал на колено, а пан берется за полено. Пан меня из хаты толкает, моего горя не знает.

— Ты,— говорит,— как под плотом поживешь, так и плату принесешь.

Поп бедняку не помогает, попу все не хватает: владыко сам рад драть с бедного лыко.

Но довольно нам гнет терпеть, больше панам и попам на нашей шее не сидеть. Отошло, минуло горе, панов из их поместий мы повыгоняли, сами вольно жить стали. Стала веселой моя семья, дети в школу идут, их наукам учат, подрастут и работу получат. В колхозе я живу богато и, не глядя на старость свою, в колхозе я первый ударник. И уж не тужу, заработал я много хлеба, не жду избавленья от неба.

Частушки

Русские

Пароход плывет
Мимо пристани,
Мы на фронт идем
Коммунистами.

Вышла бабка провожать
В армию с иконами.
Иди, бабка, лучше спать,
Мы — с красными знаменами!

Бога нет, царя не надо,
Мы с Советом проживем,
У нас есть товарищ Ленин,
По его стопам пойдем.

Нас не горбят баре боле,
Не колотит становой,
Мы в республике, на воле,
Мы в коммуне трудовой.

* *
*

На горе стоит береза,
Под горою стоит дуб.
Раньше мы ходили в церковь,
А теперь мы ходим в клуб.

Не форси, форсун, часами,
Я тобой не дорожу,
Ты венчаться хочешь в церкви,
А я в церковь не хожу.

Мое сердце приуныло,
С милым я рассталася:
В церковь звал меня венчаться,
А я отказалася.

Батька любит покричать,
Чтоб нас в церкви обвенчать.
А я батюшке в ответ —
Отвези меня в Совет.

Не брани меня, мамаша,
Не ругай меня, отец,
Что я в церкви не венчалась,
А ходила в сельсовет.

Коммуниста полюбить —
Надо перемениться:
Крест, цепочку не носить,
Богу не молиться.

Комсомольца полюбила,
Сразу изменилася:
Больше в церковь не ходила,
Богу не молилася.

Воскресенье подошло,
Не пойду молиться.
Нам сказал товарищ Ленин:
«Надо вам учиться».

Не хожу я нынче в церковь,
Мне там делать нечего.
Я хожу в избу-читальню,
Там читаю вечером.

Не ругай меня, мамаша,
Что я в церковь не хожу,
Потому что в клубе нашем
Пользы больше нахожу.

Меня маменька ругала,
Что я богу не молюсь.
А я маменьке сказала:
«В комсомолки запишусь».

Что нам Влас, что нам Спас,
Что нам богородица,
Мы обходимся без вас,
А урожаи водятся.

На колхозные поля
Подивиться мило.
В чудеса не верю я,
А богат на диво.

Украинские

Как родной Ильич учил,
Так народ и поступил:
Прогнал пана, кулака,
Урядника и попа.
Звала церковь нас молиться,
За землицу всем кориться:
И подпанку, и царю,
И жандарму-главарю.
Раньше слушали шептуху,
Верили словам попов,
Перед земским гнули спину,
Мучились у кулаков.
Поп с Деникиным братался
И с Петлюрою дружил,
А у панов за три злота
Он доносчиком служил.
Черны вороны слетались
Грабить Украину,
А попробовав свинца,
Показали спину.
А наш поп молился богу,
Чтоб панам послал подмогу,
Да мольба не помогла —
Сам удрал он из села.
Мы отбросили давно
Старые законы
И простились навсегда
С божьею иконой.

* *
*

Раньше я молилась богу
Да била поклоны.
Записалась я в колхоз —
Спалила иконы.
Разлилася песня звонко
По колхозному селу.
Не пойду я больше в церковь —
В поповскую кабалу.
Поп рассказывал нам раньше
Лишь про рай да небеса,
А сегодня мы в колхозе
Творим сами чудеса.
На горе стоит сосна,
Под горою — зелен дуб.
Раньше мы ходили в церковь,
А теперь — в колхозный клуб.
Нет ни бога, ни чертей,
Ни святых угодников.
На поповскую уду
Не возьмешь колхозников.
Твоего немого бога
Не хочу больше просить.
За колхозами победа,
Вместе стало славно жить.
Я куплю себе на кофту
Красивого кумачу,
Комсомольца любить буду,
Богомольца не хочу.
Кто надеется на бога,
Того ждет беда, тревога.
Кто науку уважает,
Всегда будет с урожаем.
Ни к чему нам звон церковный,
Обновилося село.
Жить нам стало много лучше,
Жить нам стало весело.
Поп, приплевшись на село,
Надеялся сдуру
За усердие свое
Получить натурой.

Ой, у дьяка суета,
У попа тревога:
Бабка старая и та
Не верует в бога.
Поп косится на поля,
Рожь волнами ходит:
Вот колхозная земля
И без бога родит.

* *
*

В панской Польше господа,
Как в степи былинку,
Притоптали без стыда
Меня, украинку.
Шляхта, ксендзы и паны
Скрали мою долю:
Им права были даны
Держать нас в неволе.
Осадники, как могли,
Душили, терзали.
Был один клочок земли,
Да и тот отняли.
Вскоре муж в острог попал,
Умер на допросе —
За ту ветку, что сломал
На сухой березе.
Я, как рыбица об лед,
С молодых лет билась,
Работала на господ
Да богу молилась.
По грошику для него
На свечи сбирала.
И все счастья своего
Ждала-поджидала.
И дождалась я его,
Только не от бога,
Не от церкви и попов
Счастейка родного.
Скажут люди, мол, стара,
А я ну смеяться:

За старыми все права,
Чего ж мне бояться?
От карпатских от вершин
Песня звонко льется,
Смехом радостным, большим
Все село смеется.
Без панов, попов живем
Счастливо, богато;
Наполняется добром
Бедняцкая хата.
Пятьдесят от роду мне,
А сдается — двадцать;
И с вдовой в родной стране
Счастье стало знаться.
Больше в церковь не хожу
Иконам молиться,
А за книжками сижу —
Принялась учиться.
В солнечный погожий день
Я впервые в жизни,
Опустила бюллетень
За сынов Отчизны.
Посылаю я в Совет
Тех, кто для народа,
Не щадя ни сил, ни лет,
Добывал свободу.

Белорусские

Как Деникин шел на нас,
Завязалась битва,
Прищемили хвост ему,
Не спасла молитва.

На Поволжье люди мерли,
Голод там людей косил,
А поп Тихон их пожитки
В погреба к себе носил.

Папа римский день и ночь
На святых молился,
Но живут большевики —
Папа зря трудился.

Засияло солнце ясно,
Нам глаза не ест туман.
Не пойдем мы больше в церковь:
Ведь религия — дурман.

Больше нам икон не надо,
И без них мы проживем.
Есть у нас товарищ Ленин,
По его стопам идем.

* *
*

Возле клуба среди клумбы
Ярко маки расцвели.
Только три старушки в церковь
Исповедаться пришли.

Тьма рассеялась в деревне,
Дни настали вольные,
Там уж больше не услышишь
Звона колокольного.

Не тревожьте, не звоните
Во всю мочь, колокола!
Не заманите вы в церковь —
Вера в бога отжила.

Я с религией порвала,
В церковь больше не хожу.
Лучше я со своим милым
В клубе с книжкой посижу.

Не пойду я больше в церковь,
Не хочу молиться.
Лучше в клуб пойду колхозный,
Буду веселиться.

Сели гуси возле брода,
Не плывут — чего-то ждут.
Больше нет попу дохода:
Люди в церковь не идут.

Ходит батя, с горя стонет:
Церковь-то закрылася.
Только бабушка одна
В том селе молилася.

Православных бате жалко —
Не загонишь в церковь палкой.
Возле школы все толпятся,
Божьей кары не боятся.

Не чадит уж в хате ладан
И лампадка не горит —
Мы теперь в стране Советской
Стали все культурно жить.

Больше в церковь мы не ходим,
Не берем святой воды
И даров попам не носим —
И не знаем мы беды.

Раньше спину я ломала
На господ и на попа,
А теперь их всех не стало —
Есть и сало и крупа.

Раньше люди по церквам
С горя лбы крестили,
А теперь на новый свет
Им глаза открыли.

Мы по-новому живем,
Жизнь колхозную куем
С каждым часом все дружней,
Без попов и без церквей.

Наш колхоз нужды не знает,
В нем всего есть много.
Мы обходимся в работе
Без попа и бога.

Не звенят колокола
Языками длинными.
Заглушили мы трезвон
Песнями машинными.

От молитвы нет корысти,
В печку брошена свеча.
Нам Илья-пророк не нужен —
У нас лампа Ильича.

Под горой пустует церковь,
Клуб с народом на горе.
Эх недаром, эх недаром
Пели пули в Октябре.

Старый дед попу с порога
Заявил: «Не верю в бога,
Хлеб дает нам не Христос,
А машина да колхоз».

Бабка в церкви осовела,
А потом сказала смело:
— Я скучаю тут давно,
Не пойти ли мне в кино?

Вышиваю я платочек,
На каемке красный цвет.
Пусть нас поп не ожидает —
Нас поженит сельсовет.

Наши реченьки крутые,
Волны бьются, пенятся,
Наши хлопцы молодые
По-советски женятся.

Обойдусь я без кропила,
Я не знаюся с попом,
Меня мама не крестила,
Не была я под венцом.

Ой, играй, играй, гармошка,
Чтоб услышал нас весь свет.
Я венчаться не поеду,
Запишусь пойду в Совет.

Не желаем соблюдать
Праздники мы божьи:
Стал Октябрь и Первомай
Нам всего дороже.

* *
*

У колхоза густо
Озимь зеленеет,
У Данилы ж — пусто:
Что взойдет — сопреет.

Дед «по воле божьей»
Еле снял осьмину,
А колхоз безбожный —
Тонну с десятины.

Дед как туча ходит,
В пол глядит уныло:
«Вот к чему приводит
Вера в божью силу!»

Плюнул дед на рясу
И бегом в правленье:
«Я в колхоз согласен,
Вот вам заявленье».

Пословицы и поговорки

Русские

Без бога — широка дорога.
Воля божья — негожа, а народ все может.
Где тот бог был, когда барин мужика колотил?
Хватит божьим духом жить.
Хватит молиться, нужно учиться.
Люди посветлели, попы похмурели.
Хватит молиться, нужно трудиться.
Взяли волю, возьмем и долю.
Человек сам себе хозяин.
Была жизнь темная да слезная — стала светлая, колхозная!
Без попа в нашу пору пошла жизнь в гору.
Береги колхоз — получишь хлеба воз.
Не шли в колхоз — маялись, пошли — не покаялись.
Хороша доля с колхозного поля.
Богатое поле — наша доля.
Счастье дает не Микола да Илья-пророк, а косилка да тракторок.
Молитвой врага не победишь.
Не учись бога славить — учись государством править.
Тому бог не нужен, кто с наукой дружен.
Всяк своему счастью кузнец.
Спасает не Христос, а колхоз.
Божья воля — горькая доля, народная воля — пересилила и долю.
Воля божья — ничего не может, народная воля — все сможет.

Украинские

В церковь ходили — темными были; от церкви отошли — свет нашли.
Когда на бога надеялись, то голодные спать ложились.
Лампадки — темноты остатки.
Нет теперь дохода попу от прихода.
Поповский мешок прорвался, а зашить некому.
Раньше в селе было так: пану поклонись, уряднику покорись, попу помолись; революция настала — всех поразгоняла.
Святые святители, куда вас девать? Ни хлеба испечь, ни дыру залатать,— придется повыметать.
Такая правда, как поповское чудо.
Без бога живем — белый хлеб жуем.
Без кропила и кадила земля уродила.
Без попа и бога у нас побед много.
Без попа и бога широка к счастью дорога.
Без попов на ниве больше снопов.
Бог с попом остались вдвоем — люди их оставили.
Бога не просили, а хлеб покосили.
Вера в бога — кулакам подмога.
Где ладаном пахнет, там земля чахнет.
Допелся поп до пустой церкви.
Если в поле, а не в церкви каждый день, то богатый будет трудодень.
Зарастает тропа до церкви и до попа.
К посеву готовимся — богу не молимся.
Кому нечего делать, тот богу молится.
Кто во тьму смотрит, тот от света кривится.
Молитвой плана не выполнишь.
Мы живем своим трудом, а не молитвами попов.
На бога уповать — урожая не собрать.
Надо не кропилами махать, а глубже землю пахать.
Народ рабочий церквей не хочет.
Наш рай на земле — в братской семье.
Не бойся черта и не молись богу — всегда найдешь правильную дорогу.
Не в боге спасенье, а в коллективной работе.

Не от молитв и бога, а от агронома коллективу подмога.
Нет попов да бога — и нищих нет у порога.
По полям поп не ходит, а пшеница родит.
Подмога не от бога, а от трактора.
Рад бы поп и котенка окрестить, да не несут.
Уже и дед Данило забыл про кадило.

Белорусские

Богу не молись — на поле не ленись.
Иконы и молебны больше нам не потребны.
Кто праздники соблюдает, тот рубахи латает.
Молился богу — не было проку; стал в колхозе жить — стало жито родить.
Теперь бога — ни до порога.
Мы и без бога так устроим, что урожай утроим.
Мы можем и бога научить, как хлеб растить.
Народ посты соблюдал, а поп брюхо наедал.
Не бог, а человек удлиняет себе век.
Не кропилом маши, а глубже паши.
Шептухам не верь, есть у нас врачи теперь.
Не рассчитывай на бога, будет колхозная подмога.
Не так будет, как поп говорит, а так, как мужик сделает.
Поверил, что все от бога,— и хлеба собрал немного; а если б не верил,— я бы хлеб осьминой мерил.
Поп молился, чтоб колхоз развалился, да и лоб разбил.
Попу и кулаку от колхозных ворот — крутой поворот.
У нас тут и без бога светлая дорога.
Мы вольными стали — молиться перестали.
К счастью дорога — без попа и бога.

Послесловие

НАРОД О РЕЛИГИИ

В борьбе с религиозными пережитками и предрассудками мы должны значительно шире использовать не только завоевания естественных и технических наук, опровергающих религиозные догмы, но и художественное слово, устное народное творчество, разоблачающее религию как силу, враждебную интересам строителей коммунизма, как самую консервативную форму общественного сознания, мешающую коммунистическому преобразованию общества.

Важной особенностью устного народного творчества является то, что оно создавалось не одним лицом в течение какого-либо небольшого отрезка времени, а миллионами людей на протяжении многих веков, отразивших в художественно совершенных образах и картинах не только свои вкусы и идеалы, но и свой исторический познавательный опыт, свои общественно-политические, философские, этические взгляды, стремления и чаяния. Следовательно, фольклор — это творчество миллионов, отшлифованное веками. Именно в массовости фольклора кроется его важнейшая воспитательная и познавательная ценность.

В последнее время антирелигиозному творчеству народа фольклористы и пропагандисты атеизма уделяют все большее и большее внимание. В общих сборниках фольклора народов СССР отводится значительное место антирелигиозным произведениям. Начали появляться специальные сборники и исследования не только антиклерикального, но и антирелигиозного творчества наших народов [1].

---

[1] Вслед за антиклерикальным сборником «Поп и мужик» (Русские народные сказки, под общей редакцией и с предисловием *Ю. М. Соколова*, изд-во «Academia», М.—Л., 1931) на русском языке выходит ряд фольклорных сборников, в которых значительное место занимает антирелигиозный материал. Из таких книг нужно назвать следующие: сборник, составленный *М. И. Шахновичем*, «Пословицы и поговорки о попах и религии», М., 1933; «Русская сатирическая сказка» (предисловие, примечания и редакция текста *Дм. Молдавского*, Гослитиздат, М., 1958). Из белорусских сборников нужно отметить «Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі», под редакцией и с предисловием *Н. М. Никольского*, Минск, 1939. В 1940 г. выходит сборник «Українська народна сатира і гумор». Составили *М. Нагорный, Г. Нудьга, М. Исирович, Г. Сухобрус*, изд. АН УССР, Киев, 1940. В сборник вошли сатирические антирелигиозные и антиклерикальные произведения. В 1955 г. издается сборник «Святий телепень». Сборник составлен *М. М. Шестопал*, Государственное издательство Украины, Киев, 1955. В 1958 г. выходит антирелигиозный сборник «Народ про релігію». Фольклорный сборник под редакцией академика *М. Ф. Рыльского* и кандидата исторических наук *К. Г. Гуслистого*. Сборник составили *М. С. Родина* и *Ф. Д. Ткаченко*.

На важность изучения истории народного миросозерцания, отраженного в фольклоре, указывал и В. И. Ленин, По словам В. Д. Бонч-Бруевича, просматривая сборники народного творчества, В. И. Ленин говорил: «Вот удивительное дело, наши ученые, все эти приват-доценты и профессора,— возятся над каждой философской брошюркой, никчемной статейкой, написанной каким-либо горе-интеллигентом, вдруг почувствовавшим философский зуд,— а вот здесь подлинно народное творчество, и его игнорируют, его никто не знает, им никто не интересуется и о нем ничего не пишут. Недавно я просматривал библиографию истории русской философии Колубовского и его же библиографический список по русской философии. Чего-чего там только нет! Список трудов русских философов в палец толщиной! Многонько! А вот библиографии произведений народной философской мысли,— хотя бы это и был XVII век в XIX столетии,— вот этого нет. А ведь это куда более интересней, чем эта так называемая «философская» дребедень многих и многих наших философов из буржуазной интеллигенции. Неужели не найдется охотника среди марксистов-философов все это рассмотреть и обо всем этом написать связное исследование? Это обязательно надо сделать. Ведь это многовековое творчество масс отражает их миросозерцание в разные эпохи»[1].

Максим Горький в своем докладе на Первом Всесоюзном съезде писателей подчеркивал важность изучения общественной и философской материалистической мысли народа.

«...Историками первобытной культуры,— говорил он,— совершенно замалчивались вполне ясные признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждалось процессами труда и всею суммой явлений социальной жизни древних людей. Признаки эти дошли до нас в форме сказок и мифов, в которых мы слышим отзвуки работы над приручением животных, над открытием целебных трав, изобретением орудий труда.

...Не сомневаюсь в том, что древние сказки, мифы, легенды известны вам, но очень хотелось бы, чтоб основной их смысл был понят более глубоко. Смысл этот сводится к стремлению древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силою слова, приемом «заговоров», «заклинаний» повлиять на стихийные, враждебные людям явления природы»[2].

Говоря о народном мировоззрении, было бы наивно представлять, что у народных масс уже в далеком прошлом сложились какие-либо законченные цельные общественно-политические или философские концепции и системы, отраженные в их устном творчестве. Было бы нелепо искать в фольклоре, отражающем взгляды и идеалы разных социальных групп на различных этапах их развития, единой системы народного мышления.

В дореволюционном устном творчестве одной и той же эпохи можно найти веру отсталых масс в божественное происхождение мира и отчетливо выраженные убеждения передовых слоев

---

[1] «Советская этнография» № 4, 1954 г., стр. 119—120.
[2] *М. Горький*, О литературе, М., 1955, стр. 728—729.

народа в том, что трудящиеся люди являются главной движущей и созидающей силой общества, что вера в бога бессмысленна и вредна; здесь же мы находим проповедь непротивления социальному злу, царистские иллюзии и пропаганду идей революционного преобразования общества; в фольклоре наряду с гениальными и высокохудожественными произведениями встречаются и примитивные произведения.

Следовательно, «не все в народе народно» (Н. А. Добролюбов), далеко не все и в его искусстве прогрессивно и художественно совершенно. Отсталые слои из века в век твердили: «Без бога не до порога», «Трудись, да богу молись», «Что бог даст, то и будет», «Лишь бы мне, а там хоть трава не расти», «Моя хата с краю, я ничего не знаю», «Слово — серебро, а молчание — золото», «С поклона голова не болит», «Ласковое теля двух маток сосет», а передовая часть народа все больше и больше убеждалась в том, что «Бог-то бог, да будь и сам не плох», «Бог сидит на небе да и не думает о хлебе», «Молитвой хлеба не замесишь», «Икона и лопата с одного дерева», «Не так будет, как бог даст, а как мужик сделает», «Если человек не сможет, то и бог не поможет», «Послужи народу, послужит и народ за тебя», «На миру и смерть красна», «Что мир положит, тому и быть», «Мир несудим», «Мир все сможет», «Хлеб ешь, а правду режь», «Смотри правде в глаза», «Правое дело бессмертно», «Свободы не просят, ее силой берут», «Хвали рожь в стогу, а барина в гробу», «Взойдет солнце и в наше оконце». Все это обязывает нас подходить к фольклору исторически и критически.

Изучение истории антирелигиозного творчества народа диктуется не только общественными и научными целями: оно имеет и чисто практическое значение. Часто при проведении бесед на атеистические темы верующие говорят: «Наши деды и прадеды верили в бога, будем веровать и мы, так оно спокойнее».

Вот перед пропагандистом атеизма и стоит задача: опираясь на атеистические произведения самого народа, доказать этим отсталым людям, что они ошибочно ссылаются на авторитет своих предков, что неверие в бога, сатирическое обличение церковного учения и духовенства свойственно им издавна.

В решении указанных выше задач исследователям устного народного творчества в значительной мере помог сам народ. В процессе многовекового устного бытования фольклора народ отсеивал все устаревшее, отсталое, примитивное, предавая его забвению. Он удерживал в своей памяти лишь то, что выражало его идеалы и вкусы, что было необходимо ему для жизни и борьбы со своими внутренними и внешними врагами. Вот почему в фольклорном наследии, дошедшем до нас, сохранилось так много идейно значимых и художественно совершенных произведений. Это давало основания М. И. Калинину на приеме представителей искусства Украины и Казахстана сказать:

«Несомненно одно: самым высоким видом искусства, самым талантливым, самым гениальным является народное искусство, то есть то, что запечатлено народом, сохранено, что народ пронес через столетия.

Вы же понимаете, что не может сохраниться в народе, сохраниться в истории то искусство, которое не представляет ценности.

Товарищи, народ — это все равно, что золотоискатель, бриллиантоискатель: он выбирает, сохраняет и несет, шлифуя на протяжении многих десятилетий только самое ценное, самое гениальное»[1].

Вот почему классики марксизма высоко ценили воспитательное, познавательное и художественное значение фольклора.

В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость тщательного изучения устного народного творчества под социально-политическим углом зрения. Знакомясь со сборниками фольклора, В. И. Ленин говорил В. Д. Бонч-Бруевичу: «Я бегло просмотрел все эти книжки и вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных»[2].

* *
*

Прежде чем приступить к анализу антирелигиозного творчества русского, украинского и белорусского народов, необходимо хотя бы в общих чертах остановиться на непримиримых противоречиях народного мировоззрения, отраженного в его творчестве, с церковным учением. Эти противоречия явились общественно-исторической почвой и важнейшим стимулом зарождения и развития богатейшего в мире восточнославянского атеистического фольклора.

Приходится сожалеть, что этот исключительно важный и актуальный вопрос почти совсем не разработан в современной науке о народном творчестве. Естественно, что и мы не можем претендовать на его полное решение в рамках этой работы и ограничимся лишь общей характеристикой основных противоречий между устным творчеством народа и церковным учением.

Как известно, все религии, исходя из своего учения о божественном происхождении мира и всего существующего в нем, издревле проповедуют скептическое отношение к земной жизни человека, стараясь внедрить в его сознание пессимизм[3] и религиозную мистику[4]. Так, христианская церковь учит, что жизнь человека на земле — это только подготовка к вечному блаженству или к вечным мукам «на том свете», что в земной жизни человека нет ничего утешительного, что его жизнь полна соблазнов, ведущих к неискупимым грехам. Церковники всеми силами стремились и стремятся воспитать «грешного человека» в постоянном «страхе божьем», так как они прекрасно знают, что страх порождает и укрепляет религиозную веру у отсталых людей.

---

[1] *М. И. Калинин*, Статьи и речи. От VII к VIII съезду Советов СССР, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 212.

[2] «Советская этнография» № 4, 1954 г., стр. 118.

[3] Пессимизм — безнадежность, неверие в творческие силы человека (противоположность оптимизму).

[4] Мистика, мистицизм — вера в таинственное, сверхъестественное.

Передовые трудящиеся с давних времен отвергали это мертвящее учение религии. Их устное творчество глубоко оптимистично. А. М. Горький говорил по этому поводу: «Очень важно отметить, что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно, рабский труд их был обессмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна... Если же иногда в фольклоре звучат ноты безнадежности и сомнения в смысле земного бытия — эти ноты явно внушены двухтысячелетней проповедью пессимизма христианской церкви...»[1].

Ноты пессимизма встречаются лишь в духовных стихах и церковных легендах, бытовавших преимущественно среди забитых горем нищих. Причем, духовные стихи и разного рода церковные легенды не являются по существу народным творчеством.

Народу было глубоко враждебно пессимистическое учение церкви, восхвалявшее смерть и загробную жизнь. Если ноты грусти и встречаются в народных песнях, то эта грусть народа ничем не напоминает пессимизм умирающего класса; она является своеобразной формой протеста народа, поднимавшегося на борьбу с виновниками его тяжелой жизни. Как бы ни было тяжело народу, он был убежден в том, что «Живой смерти не ищет», «Жить плохо, да ведь и умирать не находка», «Жить — не тужить», «Жизнь дана на добрые дела», «Добро переможет худо», «Будет и на нашей улице праздник».

Религия внушала, что «песни и пляски — от сатаны», что веселое настроение человека — это проявление его греховности, а народный смех — «дьявольское наваждение». Народ же был убежден в обратном: «Веселье лучше богатства», «Смеются только сильные», «Кто людей веселит, за того весь свет стоит», «Смех несудим», «Сердце веселится, так и лицо цветет», «Смех тридцать лет у ворот простоит, а свое возьмет»[2].

Христианская церковь учит трудящихся: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф., 5, 44), «...блаженны нищие духом... блаженны плачущие... блаженны кроткие...» (Матф., 5, 3—5).

Социальное содержание устного творчества народа всегда было направлено против всяческого угнетения и порабощения. Убедительным доказательством этого является огромное количество антикрепостнических сказок, песен, пословиц, поговорок и драматических произведений, а также антикапиталистический рабочий революционный фольклор и современное творчество народов СССР, направленное против поработителей, эксплуататоров и поджигателей войны.

Народ, изнывавший под тяжестью угнетения помещиков, буржуазии и царских чиновников, церковь учила, что существующий порядок от бога: «Начальник есть божий слуга, тебе на добро» (Послание к римлянам, 13, 4). «Корм, палка и бремя —

---

[1] *М. Горький*, О литературе, стр. 733.

[2] Здесь и далее большинство русских пословиц взято из сборника *В. И. Даля* «Пословицы русского народа», изд. 2, М., 1957; украинские и белорусские — из разных сборников. *См.* указатель сборников, использованных при составлении книги.— *С. В.*

для осла; хлеб, наказание и дело — для раба. Занимай раба работой, и будешь иметь покой; ослабь руки ему, и он будет искать свободы» (Иисус, сын Сирахов, 33, 25—26). «Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много» (Лука, 12, 47).

Эти и другие реакционные библейские идеи зачастую распространялись церковниками в формах народного творчества, что усиленно поддерживалось царским правительством («Выборные российские пословицы» Екатерины II, «Русские пословицы» И. Богдановича и др.). Многое из такого псевдонародного творчества попало даже в известный сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа». Вот некоторые из таких пословиц церковного происхождения: «В ком есть страх, в том и бог», «Русским богом да русским царем святорусская земля стоит», «Бог на небе, а царь на земле» и др.

Основная масса народа в своем творчестве держалась противоположных убеждений: «Царь указом, а барин кнутом», «Крестьянскими мозолями и баре сытно живут», «Ел бы богач деньги, кабы убогий его хлебом не кормил», «С тем и бог, кто бедняка перемог», «Князья в платье, бояре в платье — будет платье и на нашей братве», «Правда неправду победит», «Будет и то, что нам не помешает никто», «Не тот хозяин земли, кто по ней бродит, а тот, кто за сохой ходит».

Не случайно в фольклоре всех народов мира нет положительных образов угнетателей и эксплуататоров, как нет в нем и положительных образов духовенства и монахов.

Церковь оправдывала и всячески идеализировала эксплуататорский строй феодального и буржуазного общества с его законами, по которым угнетался народ. «Законы царя богом даны», «Кто против закона, тот против бога», «Перед законом и богом все равны», поучали церковники. Народ относился к царским законам совсем по-другому: «Где законы — там и обида», «Закон как дышло: куда захотел, туда и вышло», «Не будь закона, не стало бы и греха», «Строгий закон виноватых творит», «Казенная палата от мужиков богата», «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили».

«Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом — все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости — важнее хлеба»[1].

Эти высокие нравственные качества были характерны в известной мере и для передовых слоев крестьянской бедноты, «крестьянских пролетариев», но проявлялись они по-разному на разных этапах исторического развития. Общеизвестно, что борьба за независимость и свободу широко отразилась уже в антикрепостническом фольклоре. Что же касается таких высокоморальных черт народа, как стремление к подвигу, сознание своего человеческого достоинства, чувство чести, уважение к коллективу, обществу, то они были издавна характерны для передовой части народа и нашли отражение в его творчестве. Вот

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 204—205.

что говорится о храбрости, человеческом достоинстве, о чести и коллективизме в пословицах и поговорках: «Отвага — половина спасенья», «Кто за правду стоит смело, тот совершит свое дело», «Ко всякому правому делу надо быть смелу», «Бесчестье хуже смерти», «Лучше смерть, нежели позорный живот», «Руку, ногу переломишь — сживется, а душу переломишь — не сживется», «За совесть да честь хоть голову снесть».

Церковники, боясь народного объединения, сплочения народных революционных сил, усиленно проповедовали индивидуализм, отшельничество, обособление людей. Основой религиозной морали является угождение богу ради личного спасения. Церковники твердили: «Мир полюбишь — тебя он сгубит», «Каждый за себя, а бог за всех», «Бог любит уединение», «Хочешь молиться, надо уединиться». Они всячески натравливали один народ на другой, считая «инородцев» противниками своего бога.

Передовая часть русских, украинских и белорусских трудящихся, спаянная общей классовой и национально-освободительной борьбой, издавна стояла, вопреки церковному учению, за коллективизм, за общество, за дружбу людей и народов. Вот как говорится об этом в народных пословицах: «Все за одного, один за всех», «Мир по слюнке плюнет, так и море», «Мир вздохнет — вот тебе и ветер», «Мир заревет, так и леса застонут», «Доброе братство милей богатства», «В дружбе людей правда», «Друзей на деньги не купишь», «Две головни и в поле дымятся, а одна и в печи гаснет», «Живи для людей — поживут люди и для тебя».

Едкая ирония звучит в народных пословицах по отношению к церковному учению о «добром» и «справедливом» боге: «Боже, поссорь народ — накорми воевод», «Бог сирот любит, да доли не дает», «У бога всего много, но не для нас» и др.

Церковь всеми доступными ей средствами вбивала веками в головы «рабов божьих» мысли о греховности, неполноценности женщины, называла ее «дьявольским сосудом», «сатанинским созданием», сеющим своими любовными чарами «неискупимые грехи», представляла любовь и семейное счастье как «соблазн дьявола». Само же духовенство всегда являло собой пример вопиющей безнравственности. Не случайно так остро бичевал народ в огромном количестве сатирических сказок, пословиц, песен и частушек попов и монахов как аморальных людей: «Четки на руке, а девки на уме», «Все рыжие в деревне — поповы дети», «Не надейся, попадья, на попа, держи своего батрака» и т. п.

Естественно, что народные массы не могли согласиться с лицемерным учением церковников, направленным против любви и семейного счастья людей. Вот почему, вопреки учению церкви, народные массы в своих любовных песнях, сказках, пословицах и поговорках всемерно славили здоровые любовные и семейные отношения людей, рисуя их как большое человеческое счастье.

В лирических песнях народ пел хвалебную песнь любви «до гробовой доски», семейному счастью, приносящему ничем не заменимую человеческую радость. Ведь, собственно, история лирической песни — это образная история борьбы человечества за высокую нравственность, за нежную, преданную любовь мужчины и женщины, которая, по народным убеждениям, должна приводить любящих к высшему семейному счастью. Причем, глав-

ная героиня лирических песен — женщина — представлена народом как незаменимый друг и помощник мужчины, как существо нравственно чистое, верное, заботящееся о семейном счастье, о счастье мужа, детей. Народ сравнивает женщину с солнцем, называя женщину и солнце единственными источниками жизни и счастья на земле. О любви народ говорит: «Любовь — кольцо, а у кольца нет конца», «Милей всего, кто любит кого», «Ум истиною просветляется, а сердце любовью согревается», «Совет да любовь — на этом свет держится».

Стремясь отвлечь трудящихся от земных благ во имя «царствия небесного», церковники всегда рассматривали их труд и творчество не как основу жизни общества, не как главную силу материального, общественного и культурного прогресса человечества, а всего лишь как средство искупления грехов, как способ угождения богу. Так, согласно библейской легенде, бог проклял Адама, совращенного с «праведного пути» Евой, и дал ему в удел «кровавый труд в поте лица его». Церковь объявила труд наказанием бога за грехи людей. Не случайно царство небесное представляется ею как праздное времяпровождение. Но так как духовенство всегда защищало паразитические классы и вместе с ними само жило за счет трудящихся, то оно не могло не оправдывать и не поощрять рабского труда «божьего стада». Вот почему церковь доказывала, что труд человека нужен богу, что, следовательно, работа крестьян и рабочих на помещика и капиталиста — это работа на бога. В противовес церковному учению о труде народ в своих песнях, пословицах, сказках всячески восхваляет труд не как средство угождения богу, а как единственный и неиссякаемый источник всех материальных благ, как проявление высших нравственных качеств человека, как созидающую и движущую силу общества. Об этом говорят тысячи народных трудовых песен, сказок и былин, прославляющих людей труда и их трудовые отношения. Вот как говорил народ о труде в пословицах: «Терпенье и труд все перетрут», «Труд горы перевернет», «Без дела жить — только небо коптить», «Труд человека кормит, а лень портит», «Хочешь есть калачи — не лежи на печи», «У кого работа — тому и жить охота», «Праздность человека портит».

Народ всегда с презрением относится к нетрудовым, паразитическим элементам, разного рода лодырям и лентяям: «Белые ручки чужие труды любят», «Лежебоке и солнце не в пору всходит», «Станешь лениться — будешь с сумой волочиться».

Подневольный труд на бар и капиталистов вызывал, конечно, у народа отрицательное отношение к себе: «Барской работы не переделаешь», «Нужда учит, а барщина мучит», «Золото роем, а сами с голоду воем», «От работы (на бар) не будешь богат, а будешь горбат», «Мужик пот льет, а барин вино пьет», «Не так будет, как барин скажет, а как мужик сделает».

Православие, как и любая другая религия, стремилось всеми способами укрепить среди народа авторитет духовенства, представляя священнослужителей как «пастырей божеского стада», как посредников между богом и верующими. Царское правительство и господствующие классы различными способами охраняли и поддерживали духовенство, освящавшее угнетение и рабское положение народа. Церковь угнетала народ не только духовно: она являлась крупнейшим землевладельцем и жестоко

эксплуатировала принадлежащих ей крепостных крестьян. С развитием капитализма обуржуазились и «крепостники в рясах». В городах высшее духовенство владело жилыми домами, товарными складами, лавками и т. п. Церковь сохраняла и свои земельные богатства.

В 1903 г. В. И. Ленин писал: «...у церквей и монастырей — около *шести* миллионов десятин земли. Наши попы проповедуют крестьянам нестяжание да воздержание, а сами набрали себе правдой и неправдой громадное количество земли»[1]. Вот почему духовенство было для народа не только олицетворением безнравственности, невежества и жадности, но и эксплуатации, угнетения и порабощения. Именно таким оно выступает в народных сатирических песнях, сказках, пословицах.

Передовые слои крестьянства еще до отмены крепостного права хорошо понимали классовую роль духовенства, которое стремилось подорвать веру народа в антикрепостническое освободительное движение. Вот что писал об этом В. И. Ленин: «Крестьяне не боялись зверских преследований правительства, не боялись экзекуций и пуль, крестьяне не верили попам, которые из кожи лезли, доказывая, что крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом (прямо так и говорил тогда митрополит Филарет!), крестьяне поднимались то здесь, то там, и правительство наконец уступило, боясь общего восстания всех крестьян»[2].

О революционной активности крестьянства свидетельствует огромное количество русского, украинского и белорусского антикрепостнического фольклора, в котором беспощадно критикуется феодально-крепостнический строй царской России, остро обличаются как злейшие враги народных масс помещики-крепостники, царские чиновники, духовенство и прочие защитники крепостного права.

О чем говорят отмеченные противоречия между мировоззрением восточнославянских народов и учением церкви?

Они говорят прежде всего о том, что эти противоречия характерны не только для передовых слоев, но и для подавляющего большинства трудящихся. Вот почему без особого риска впасть в ошибку можно сказать, что в основном все подлинно народное творчество восточных славян издавна находится в глубочайшем противоречии с церковным учением.

Идеологи дворянства и буржуазии всячески замалчивали антирелигиозные народные произведения, стремясь доказать, что в фольклоре восточнославянских народов не было и не могло быть атеистического творчества, что в нем встречаются только отдельные антипоповские произведения, имеющие узкобытовое содержание. Они считали религию главной движущей силой истории и основой народного творчества, а духовные стихи и церковные легенды — самыми главными и самыми типичными жанрами фольклора. Эта реакционная точка зрения на роль религии в развитии народа и его культуры разделялась не только дворянскими и буржуазными фольклористами, но и многими литературоведами дореволюционной России.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 6, стр. 341—342.
[2] Там же, стр. 384.

Против дворянских и буржуазных взглядов на русский народ, который якобы издревле был пассивным, покорным, религиозным, фольклор и литература которого всегда имели «религиозный характер», выступили русские революционные демократы. Беспощадно разоблачая эти идеалистические «концепции», они выдвигали материалистические идеи в понимании истории русского народа и его творчества.

В. Г. Белинский положил начало изучению народного атеизма. В известном письме к Н. В. Гоголю он писал: «Неужели же в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, брюхаты жеребцы?.. Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?

...По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основы религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себя кое-где. Он говорит об образе: *годится — молиться, а не годится — горшки покрывать.*

Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации, но религиозность часто уживается и с ними: живой пример Франция, где и теперь много искренних католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то бога. Русский народ не таков; мистическая экзальтация[1] не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем»[2].

Идеи В. Г. Белинского были подхвачены и развиты в XIX в. А. И. Герценом, Т. Г. Шевченко, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, Д. И. Писаревым, Н. А. Некрасовым, Ф. К. Богушевичем и другими революционными демократами России.

Воззрение Белинского на русский народ как глубоко атеистический народ распространяется и на украинский и белорусский народы, которые в своем сложном историческом развитии также имели у себя благоприятные условия для развития атеистического мировоззрения.

Дело в том, что на Украине и в Белоруссии на протяжении ряда столетий шла ожесточенная религиозная борьба православия не только с сектантами, но и с католицизмом и униатством. В условиях этой сложной борьбы украинский и белорусский народы претерпевали столько влияний разных религий и сект, что не могли дать себе отчета, чей же в конце концов бог лучше и добрее. По мере роста своего классового сознания они все больше и больше убеждались, что все религии защищают интересы только господствующих классов, что «всемогущий», «везде-

---

[1] Мистическая экзальтация — религиозное восторженное, возбужденное состояние.
[2] *В. Г. Белинский*, Письмо к Гоголю, Гослитиздат, 1947, стр. 8—9.

сущий» и «справедливый» бог был немым свидетелем страшного социального, национального и религиозного гнета. Он помогал лишь богатым. Не случайно он заслужил у народа такое насмешливое отношение к себе уже в эпоху средневековья.

Таким образом, не только антирелигиозные и антиклерикальные произведения, создававшиеся передовой частью народа, но и почти все в целом устное творчество широких народных масс было направлено против самих основ религиозного учения, враждебного трудящемуся своей поработительской, мертвящей все живое в человеке сущностью.

* *
*

Остановимся в общих чертах на основных этапах развития народного атеизма. Как известно, пережитки язычества в верованиях восточных славян давали себя сильно чувствовать на протяжении длительного времени, порождая своеобразное двоеверие, переплетение с христианством. Это двоеверие серьезно мешало влиянию христианской церкви на народные массы, так как старая, языческая вера, принося много вреда народным массам своими суевериями, в то же время не требовала от них отречения от земных благ и абсолютного подчинения феодалам.

Славяне, будучи язычниками, обожествляли окружающие их силы природы и поклонялись многим богам: божеству солнца — Даждь-богу, богу грозы — Перуну, богу ветра — Стрибогу и т. д Широко были распространены разнообразные заговоры, заклинания, при помощи которых кудесники, знахари, волхвы «исцеляли» людей и стремились воздействовать на природу.

Так, в русском заговоре «Чтобы растения хорошо росли» говорится:

«Встану я раб божий (имя рек), благословлясь, пойду, помолясь, из избы в двери, из дверей в ворота, в чистое поле, прямо на восток, и скажу: «гой еси, солнце жаркое, не пали и не пожигай ты овощ и хлеб мой (имя рек), а жги и пали куколь и полынь-траву». Будьте мои слова крепки и лепки»[1].

К злым духам человек чаще всего обращался не в форме просьб, а в форме заклинаний, угроз. Белорусский крестьянин, отмечая в прошлом зимний праздник — коляду, стучал ложкой в окно, приговаривая: «Мороз, Мороз, иди кутью есть, приходи зимой, когда зовут, а не летом, а то по лбу дадут».

Люди приписывали магическую силу не только слову, но и жесту, движению, звуку, пению и танцу. При заклинаниях и обрядах обычно придавалось большое значение подобию, сравнению, аналогии. Подобие, сравнение и аналогия стали в дальнейшем самыми популярными приемами заклинания.

Так, невеста, вылезая из-за свадебного стола, тянула за собой скатерть со всем содержимым на ней, чтобы вытянуть замуж всех девушек села.

В рюмку невесты, наполненную вином, бросали монеты, «чтобы она богато жила».

---

[1] *Л. Майков*, Великорусские заклинания, СПБ, 1869. № 277.

С введением христианства на Руси началась длительная, ожесточенная борьба официальной церкви с язычеством. Эта борьба первые века не давала церковникам желаемых результатов. Простой народ не хотел отказываться от своих древних религиозных убеждений, от привычных языческих обрядов и традиций. Не случайно под водительством языческих волхвов и кудесников население Киевской Руси не раз поднималось на борьбу со светскими и церковными феодалами. В итоге на Руси развивается двоеверие, широко отразившееся в древнем фольклоре восточнославянских народов.

О непопулярности христианства среди народных масс Киевской Руси свидетельствуют данные начальной летописи, где имеются жалобы церковников на то, что церкви пустуют, что народ по старинке отдается «бесовским игрищам» и верит своим языческим богам больше, чем христианскому богу.

Вот как писал об этом крупный знаток культуры Киевской Руси акад. Б. А. Рыбаков в своей статье «Прикладное искусство и скульптура»:

«Говоря об искусстве X—XIII вв., мы должны помнить, что деревня в то время не испытывала никакого влияния церкви — там, «по украинам», все еще по-прежнему молились Перуну, молились Сворожичу в овинах, по-прежнему хоронили своих покойников в курганах. Да и в городах христианские проповедники жаловались, что церкви, несмотря на все их благолепие, пустуют, а на игрищах в любую пору, и в ветер, и в дождь полно народа. Здесь, на улицах и площадях города, собирается множество горожан разного положения, разного возраста: молодые жены, сверкающие нарядами, юноши, жаждущие состязаний в силе; сюда старики приводят детей. Весь город иногда собирается на эти зрелища («беседу града»). Здесь, на игрищах, во всей полноте раскрывалось многообразное народное творчество — песни, пляски, театральные действа игрецов — скоморохов, музыка, живописные маскарады во время «русалий»»[1].

Встретив большое сопротивление народа, православная церковь вынуждена была приспосабливаться к народным верованиям и традициям. Многие языческие боги и праздники слились с христианскими: громовержец Перун — с христианским Ильей-пророком, скотий бог Велес превратился в святого Власия и т. п. На месте языческих праздников постепенно утверждались православные. Борьба православия против языческих верований продолжалась несколько столетий.

Следы враждебного отношения народа к официальной церкви и духовенству запечатлены в фольклоре и в летописях того времени. Но борьба народа с официальной церковью того времени не была еще показателем какой-либо антирелигиозности народа: в то время шел спор не о том, нужна или не нужна вера в богов, а о том, чьи боги лучше: языческие или христианские.

В XIII—XVI веках христианская церковь добилась больших побед над язычеством. В это время русские, украинские и бело-

---

[1] «История культуры древней Руси», в двух томах, под общей редакцией акад. *В. Д. Грекова* и проф. *М. И. Артамонова*, т. II, стр. 396.

русские земли покрылись густой сетью церквей, костелов и монастырей, в руках которых были масса земельных угодий, крепостных крестьян и несметные богатства. Православное и католическое духовенство было надежной опорой князей и помещиков-крепостников, что не могло не возбуждать у народа враждебного отношения к официальной церкви и духовенству.

До нас дошли сравнительно немногие антиклерикальные произведения восточнославянских народов этого времени. Однако и они дают основания предполагать, что антипоповские и антицерковные произведения были широко известны в быту народа. Не случайно в XVI веке митрополит Даниил бил тревогу о распространении среди русского населения антицерковных «богохульских» «смехотворных» устных произведений. По словам Даниила, москвичи уже не только слушают «скверно-словцев и глумотворцев», но и сами повторяют их репертуар: «баснословиши, притчи смехотворные приводиши».

В народных пословицах, поговорках, «скоморошинах», сказках остро высмеивалось ненавистное народу духовенство. Так, в русской сказке «Царь Иван Грозный и деревенский шибарша (лабза) [1]», возникшей, по-видимому, в XVI веке, повествуется о том, как однажды Иван Грозный встретился с деревенским вором — шибаршой, который не узнал царя. Они условились встретиться в одной церкви, где будет править заутреню архиерей. Архиерей, заметив царя с вором, начал стыдить царя. Иван Грозный просит шибаршу «насмешку отсмеять» над архиереем. Ночью шибарша надел архиерейское платье, взял мешок и начал стучать в дверь квартиры архиерея.

Архиерей спрашивает:

«— Кто-де тут есть?

— Я-де ангел божий; велено-де тебя на небо взять.

И архиерей говорил же:

— Разве-де я умолил?

И лабза говорил:

— Умолил-де, архиерей божий!»

Лабза садит архиерея в мешок. «И взнес его на колокольню Ивана Великого» и начал по лестнице его тянуть вниз.

— Крепись-де, архиерей божий, первое тебе мытарство,— сказал лабза. Далее несет его в мешке по лестнице вверх для второго мытарства. И когда после третьего мытарства архиерей упал наземь, тогда лабза сказал:

— На небе-де ты уж, архиерей божий! — После чего лабза повесил мешок, во котором сидел архиерей, на Спасские ворота и на мешке написал: «Деревенский шибарша». Возле ворот поставил дубину и сделал другую надпись на мешке: «Кто-де в эвти ворота поедет и на той суме надпись увидит да ежели трижды по суме не ударит, и тот будет проклят отныне и довеку».

Начали все бить той дубиной архиерея, ударил его и Иван Грозный, заявляя:

— Я-де не хочу в проклятии быть.

Архиерей узнал по голосу царя и давай проситься из «рая» на грешную землю.

---

[1] Шибарша (лабза) — деревенский бродяга.

Безусловно, эта сказка за века своего бытования претерпела большие изменения, однако общее антицерковное, антиклерикальное ее направление вполне соответствует тем «бесовским сказкам», с которыми вели борьбу в XVI веке светские и духовные феодалы. О популярности этой сказки в XVI—XVIII веках говорит то, что на этот сюжет создан ряд русских и белорусских сказок о Петре I.

Антиклерикальные сатирические литературные произведения XVI века, близко стоящие к фольклору, также убедительно говорят о дальнейшем развитии этого творчества среди народа. Однако исторические, литературные, этнографические и фольклорные данные еще не позволяют говорить о наличии в это время активной народной антирелигиозной борьбы и народного антирелигиозного творчества. В это время можно говорить лишь о продолжавшемся двоеверии, о борьбе с официальной церковью, о нарастании глубоких противоречий между церковным учением и народным мировоззрением, отраженным в устном творчестве народа. Но, с другой стороны, эти же данные убеждают нас в том, что восточнославянские народы и в то время далеки были от христианской мистики, аскетизма, от христианской религиозности.

Антипоповское и антицерковное творчество народа этого времени было тем зародышем, из которого в новую эпоху русской истории начало постепенно развиваться антирелигиозное мировоззрение народа и его антирелигиозное творчество.

* *
*

В XVII—XVIII веках в России происходят мощные антифеодальные выступления народных масс. Этот период истории восточнославянских народов явился важным этапом в развитии их классового и национального сознания.

С развитием массового антикрепостнического движения крестьян активизировали свою реакционную деятельность не только светские, но и церковные феодалы. Православная церковь, выполняя роль служанки царя и помещиков, всеми доступными ей средствами помогала в те тяжелые для трудящихся России, Украины и Белоруссии времена их закрепощению и порабощению, а государство, в свою очередь, всячески поддерживало церковь. Так, в собрании законов крепостнического русского государства, принятом в 1649 г. под названием «Соборное Уложение», была посвящена специальная глава охране материальных и правовых интересов духовенства и борьбе с «богохульниками» и «мятежниками».

Этот закон усилил борьбу с нараставшим безбожием, с острым сатирическим обличением «несправедливого и беспомощного» бога и ненавистного народу духовенства.

Несмотря на жестокие репрессии и гонения, народный сатирический смех над библейскими сказками о боге и черте, о святых и грешниках, о богослужении и богослужителях раздавался все громче и внушительней по мере роста классового сознания народа. В условиях разгоравшейся массовой антикрепостнической и национально-освободительной борьбы передовая часть на-

рода начинала понимать, что виновником его бесправного, бедственного положения является не нечистая сила, а эксплуатация и угнетение, что, следовательно, выходом из этого тяжелого положения являются не заговор и молитва, а классовая борьба, восстания. Передовые труженики, идя в повстанческие отряды Болотникова, Разина, Пугачева, в сотни запорожского казачества, своими видавшими виды крестьянскими топорами и казацкими шашками замахивались не только на помещиков-крепостников, но и на духовенство и самого господа бога. Именно в этом нужно искать общественно-исторические корни усиленно развивавшегося в XVII—XVIII веках народного безверия.

Эти общественно-исторические обстоятельства сильно содействовали росту и распространению не только антипоповского, но и антирелигиозного творчества восточнославянских народов. Причем, важно отметить, что, начиная с этого времени, все больше и больше антипоповское творчество выражало не только неприязнь к духовенству и официальной церкви, но и зревшую у передовой части народа ненависть и недоверие к библейским сказкам о боге и святых.

Несмотря на преследования и усиливавшиеся репрессии против антиклерикального и антирелигиозного устного народного творчества, оно все же не поддавалось контролю духовенства и самодержавия и распространялось и развивалось среди народных масс, подвергаясь довольно часто творческим литературным переделкам со стороны демократических писателей.

До нас дошла значительная часть этого в высшей мере важного народного творчества как в устном бытовании, так и в рукописных и печатных сборниках. В сборнике П. К. Симони «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XVIII ст.», вып. I—II, СПБ, 1899, в анонимном сборнике «4291 древняя российская пословица», М., 1787, и в ряде русских, украинских и белорусских фольклорных сборников XVIII—XIX веков, а также в литературных произведениях XVII—XVIII веков сохранились многочисленные антипоповские и антирелигиозные произведения. Вот как говорил народ в то время о церкви, духовенстве, о боге и святых: «Из одного дерева икона и лопата», «Какие тут святки, когда лупят податки», «И святые имеют свои бородавки», «Не все то Перун, что с Рима гремит», «Ксендз говорит: «Подай, боже, что высоко, а что низко, то я сам возьму»», «Монастырщина что барщина», «Земля любит навоз, а поп поднос», «Где завыли, тут попы были» и пр.

Имеется много сатирических антиклерикальных и антирелигиозных сказок, связанных своим содержанием с общественными событиями XVII—XVIII веков. Такова белорусская сказка «Как Никола и Петр лошадей на Украине покупали», в которой святые рисуются пьяницами, ворами и обманщиками. В белорусской сказке «Лиса-католичка» очень остроумно обличается хитрость и коварство ксендзов, нагло обманывавших белорусский народ. Аналогичных антикатолических сказок в белорусском и украинском фольклоре очень много: «Пан готов пойти в ад, лишь бы с панами быть», «Исповедь шляхтича», «О том, как ксендзы вылечились» и др. Как видно, они появились в период массового насильственного обращения белорусов и украинцев в католическую веру в XVI—XVII веках.

На основе народного антирелигиозного творчества уже в XVII веке появилось довольно много сатирических сказаний, повестей, интермедий и других литературных произведений. Царское правительство и высшее духовенство вели постоянно жестокую борьбу с «богохулами», «лицедеями», скоморохами, с их «бесовскими песнями» и «смехотворением». Как пишет В. П. Адрианова-Перетц, эта борьба резко усилилась в «мятежный» XVII век: с середины XVII века посыпались один за другим запретительные указы «в города и уезды» с требованием беспощадной кары носителей и распространителей этого «бесовского творчества» [1].

Одним из таких произведений народных «сквернословцев и глумотворцев» и является анонимная сатирическая повесть середины XVII века «Служба кабаку» (или «Кабацкий праздник»). Это произведение, возникшее на народной основе, дается в виде пародии на церковную службу, посвященную «мученику»-пьянице. «В «Службе кабаку» в форме богослужения, с широким цитированием священных книг изображается праздник «...трех слепителей вина, пива и меда, христианских лупителей и человеческих разумов пустотворцев» [2].

Это острый политический памфлет на царское правительство, усиленно насаждавшее в XVII веке кабаки на Руси, чтобы легче было сбывать «казенку» (водку) и грабить и без того нищих мужиков. Его «богослужебная» пародийная форма с многочисленными цитатами из церковных книг направляет этот памфлет и против другого социального зла — религии и духовенства, освящавшего и укреплявшего царское помещичье-крепостническое государство.

В другом сатирическом произведении, «Калязинская челобитная», относящемся к началу XVIII века, беспощадно обличаются морально разложившиеся, спившиеся обитатели монастыря. Пьяницы-монахи подают челобитную архиепископу на своего «архимарита» (архимандрита), который «забыл страх божий и иноческое обещание» и требует от богомольцев посещения богослужения и выполнения монастырского устава.

«А мы, богомольцы твои, в то время круг ведра с пивом без порток в кельях сидим, около ведра ходя, правило говорим, не успеть нам, богомольцам твоим, келейного правила исправить, из ведра пива испорознить, не то, что к церкве часто ходить и в книги говорить... А коли мы, богомольцы твои, за правилом к вечеру утрудимся, до полуночи у пивного ведра засидимся и на утро встать не можем, где клобук с мантиею, не вспомним, и тогда мы немножко умедлим и к девятой песни поспеем, а иные к росходному началу» [3].

Глубоко права В. П. Адрианова-Перетц, утверждая:

«Такое гротескное изображение жизни по монастырскому уставу, хотя и данное через восприятия пьянствующих монахов, наводит на мысль, что автор «Калязинской челобитной» был уже достаточно затронут тем вольномыслием, которое в XVII веке

---

[1] *В. П. Адрианова-Перетц*, У истоков русской сатиры, в кн.: «Русская демократическая сатира XVII века». Подготовка текстов, статья и комментарии члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 141.

[2] «Русская демократическая сатира XVII века», М.—Л., 1954, стр. 46.

[3] Там же, стр. 65, 68.

порождало антиклерикальные и даже антирелигиозные настроения»[1].

В таком же сатирическом тоне обличается духовенство и в «Сказании о попе Саве» («Сказание о попе Саве и о великой его славе»), которое относится к XVII веку. Поп Сава рисуется не только горьким пропойцей, но и грабителем народа. Он сманивает к себе верующих и обирает их до последней рубашки.

Представляет особый интерес для изучения антирелигиозных воззрений народа «Сказание о куре и лисице» (XVII век). Это замечательное сказание имеется не только в письменных, но и в устных вариантах, что свидетельствует о его глубокой народности. В аллегорическом образе лисицы явственно выступает поп-исповедник. Автор «Сказания» не случайно заставляет лисицу говорить языком церковников. «Смиренная» и «набожная» лисица зовет неразумного кура спуститься с дерева на землю, послушать «душеполезная словеса» и спасти свою душу. Как только одураченный кур попадает в «кохти» лисицы, она сбрасывает с себя маску благочестия и смирения.

«А я теперь сама галадна, хочу я тебя скушать, чтоб мне с тебя здравой быть... И тако сконча живот куру». Сказочная хитрость и жадность лисы переносится здесь на духовенство, которое, как говорит народная пословица, служит «не для Иисуса, а для хлеба куса». В этих произведениях глубоко раскрывается классовая сущность религии.

Об ироническом отношении передовых сил народа к библейским сказкам о боге и святых, о рае и аде свидетельствует и «Повесть о бражнике». Появление этой повести историки литературы относят к концу XVIII века, но ее сюжет с небольшим изменением мы находим и в старинных русских и белорусских сказках, что позволяет предполагать о более древнем ее происхождении. В повести, как и в народных сказках, сатирически остро высмеивается библейское учение о рае. Очень близка к народным сатирическим антиклерикальным сказкам «Повесть о Карпе Сутулове» (XVII век).

Приведенные выше народные и литературные антиклерикальные и антирелигиозные произведения, возникшие на фольклорной основе, убедительно говорят о том, что уже в XVII веке развивалось не только антиклерикальное, но и антирелигиозное творчество народа, в котором постоянно усиливалось и обличение духовенства, и ироническое отношение к богу и святым.

* * *

Эпоха разложения феодально-крепостнического строя и развития капитализма вызвала небывалый подъем антикрепостнического и национально-освободительного движения народов России.

Отечественная война 1812 г. и восстание декабристов в 1825 г. значительно активизировали революционные силы России и насмерть перепугали царизм. Начались беспощадные репрессии. Серьезной помощницей самодержавия в этой борьбе со всем

[1] «Русская демократическая сатира XVII века», стр. 260.

передовым была православная церковь, которая еще имела большое влияние на забитые горем и нуждой народные массы. Церковники всемерно поддерживали самодержавие, будучи кровно заинтересованы в сохранении крепостничества.

К этому времени церковь, монастыри и высшее духовенство владели огромными земельными угодьями, недвижимым имуществом в городах, солидными денежными капиталами и сотнями тысяч крепостных крестьян. «Незадолго до отмены крепостного права церковь имела крепостных крестьян:

Монастыри	660 185 душ
Архиерейские дома	132 946 »
Соборы и церкви	35 003 души
Синод	31 468 душ

В деле эксплуатации крепостных крестьян церковь не уступала помещикам. По этой причине крепостные крестьяне восставали не только против помещиков, но и против духовенства. Главной целью большинства противопоповских выступлений являлся захват церковных и монастырских земель и лесов. Но и помимо этого у крестьян было достаточно причин бороться против духовенства. Причинами этими являлись непомерные поборы, недостойное пастырей поведение, полицейская, шпионская деятельность, издевательства над крестьянами, в особенности над сектантами» [1].

Самодержавие выдвигает церковь и духовенство на передовые позиции идеологической борьбы. В руки клерикалов попадает цензурный надзор за печатной продукцией. В 1817 г. Александр I объединил в одно министерство синод и министерство народного просвещения, передав, по существу, все дело просвещения в руки высшего духовенства, что стало серьезным тормозом в культурном прогрессе народов России. Герцен писал, что митрополит Филарет совмещал в себе «белый клобук и жандармские аксельбанты».

Русское духовенство становится на путь шпионажа и провокаций, для чего широко использовались исповеди. На исповеди доверчивые люди, каясь в «грехах», выдавали попам не только свои собственные «греховные» мысли и дела, но и революционные настроения других, о чем немедленно «святые отцы» сообщали полиции. Вот как сам народ говорил об этом в своих пословицах и поговорках: «Поп грешников исповедал, а полицейский про это ведал», «Поп грехи узнал да в полицию передал», «Если бы не исповедался — в тюрьму бы не попался», «К церкви звонят, а на панщину гонят».

Но ни тюрьмы, ни каторга, ни религия не могли приостановить нараставшей в России крестьянской революции. Под ее влиянием усиленно развиваются русский, украинский и белорусский революционный фольклор и демократическая литература. В этих условиях быстро растут в России идеи материализма и атеизма.

---

[1] *В. Прокофьев.* Атеизм русских революционных демократов, 1955. стр. 83—84.

Активный рост революционного сознания народа содействовал успешному развитию его антирелигиозного мировоззрения и творчества. Многочисленные атеистические произведения облекаются в остро сатирическую и юмористическую форму. Нарастающую силу негодующего народного смеха над духовенством и религией уже не в состоянии были заглушить ни звон кандалов, ни звон церковных колоколов. Это было рождение новой грозной сатиры — атеистической народной сатиры. Вот почему дворянские и буржуазные либералы поспешили объявить «народный смех наваждением дьявола».

Вот как говорил народ о боге и религии в это время в своих пословицах и поговорках: «У кого деньги, за того и бог», «Богу нужна не душа, а деньги человека», «Правда на небо улетела», «Собачья жизнь у мужика: пан не дает, бог не помогает, а самому заработать негде», «Рай и ад нужны тому, кто богат», «Кто крутит да мутит, тому и бог помогает», «Кто попу верит, тот горе осьминой мерит», «Пан кожу дерет, а поп душу вынимает».

В многочисленных русских, украинских и белорусских сказках этого времени беспощадно обличаются церковь, богослужение, духовенство и критикуются библейские басни о боге и святых. Бог и святые в сказках лишены ореола святости. Они пьют водку, обманывают друг друга, воруют и всячески обижают верующих крестьян.

В белорусской сказке «Горелка окаянная, да не проклятая» рассказывается о том, как бог пьянствовал с Петром и Павлом. В сказке «Как Никола с Петром научились у черта водку гнать» также показывается, что и бог любит похмелиться и поэтому разрешил своим святым научиться у черта водку гнать.

В сказке «Сотворение человека» дается острая сатира на библейские басни о сотворении богом человека:

Подумал господь: — Что ж, сотворил я небо и землю, нужно и людей сотворить.

Вот сотворил он Адама да и отлучился, не хватало ему материалу на дальнейшее творение. Когда бог ушел, сатана «оплевал, обхаркал, обгадил созданного богом человека и ушел как ни в чем не бывало».

Через некоторое время встречает бог дьявола и спрашивает его:

— Как ты смел, нечистый дух, мое творение осквернить?

— Не изволь, господи, беспокоиться, я сделал все, как надобно.

— Как так?

— А очень просто: возьми ты этого человека да выверни его наизнанку — вся скверна и окажется внутри. Когда же от той скверны станет одолевать человека кашель, то он перво-наперво о тебе вспомнит: «Ох ты,— скажет,— господи, какой кашель!» А потом уж, как плюнет да ногой разотрет, и меня, грешного, помянет: «Тьфу, нечистая сила, вот ведь привязалась!..»

Как черт посоветовал, так бог и сделал. А тут нечистый возьми да и скажи:

— А если человек будет здоров, он не то что меня, но и тебя, господи, забудет!

По сказке выходит, что черт умнее и практичнее бога, что бог — существо эгоистическое, злое, приносящее только вред

бедняку. Черти рисуются в сказках забавными, смешными, совсем не такими страшными, какими их представляют попы. Бог и святые в сказках злее и коварнее чертей, они приносят несравненно больше вреда человеку, чем черти. Не случайно в русских, украинских и белорусских сказках черт помогает иногда мужику бороться с помещиком.

В сказке «Бог и угодники» бог рисуется злым, приносящим людям только вред. Угодники предлагают богу: «Женить бы доброго молодца на доброй дивчине, а ленивого на ленивой: были бы две пары как раз один в другого.

А бог возьми да и скажи им:

— Дураки вы, дураки, как я погляжу. Если бы я так сделал, как вы говорите, то люди про меня да про вас и думать забыли бы. Работяги все бы сами поделали, и бог им не понадобился бы, а лентяи да глупцы и подавно про бога бы не вспомнили... Сделай я по-вашему, по-глупому, так людям ни бог, ни святые не были бы нужны».

Из сказки следует, что бог сознательно создал зло на земле, чтобы держать людей в страхе и повиновении.

Еще в более отрицательном свете рисуются святые и угодники божьи в сказках «Солдат в аду», «Как пьяница в рай попал», «Как святой Юрка мужику помог», «Письмо к архиерею», «О святом Николе и Егории» и многих других. Так, в сказке «О святом Николе и Егории» повествуется, как на мужика обозлился Егорий за то, что тот больше уважает Николу, чем Егория. В сказке рассказывается о сплошных кознях Егория, стремившегося навредить мужику, пока тот не поставил перед его изображением лучшую свечку, чем перед иконой Николы. Святые и угодники божьи представлены в народной сатире существами глупыми, мелочными, эгоистическими, коварными и мстительными.

Сами церковники вынуждены были признать резкое падение в это время веры в бога даже среди отсталых белорусских крестьян. Известный собиратель русского и белорусского фольклора П. В. Шейн приводит интересное в этом отношении признание одного из псаломщиков:

«В 10-ти верстах от села Лаши и в 12 от Гродно есть село Коптивщина, где я с 1855 по 1861 год был псаломщиком и поэтому могу с полной уверенностью сказать, что я там не знал ни одного крестьянина, ни одной крестьянки, которые были бы расположены к церкви божией. Они если и ходили когда в церковь, то весьма неохотно, так сказать, вынужденным образом, только для исповеди, крестить младенцев, венчаться и хоронить умерших — все эти требы совершались в церкви, а в воскресные и праздничные дни там более 10 баб и 2-х или 4-х мужчин никогда не было» [1].

Чтобы нагнать на крестьян «страх божий» и заставить их посещать церковь, духовенство шло на открытый подлог — писало и распространяло от имени Христа среди народа так называемые «листы Иисуса Христа», «святые письма», «свитки ерусалим-

---

[1] *П. В. Шейн*, Материалы по изучению быта и языка русского населения северо-западного края, т. 3, СПБ, 1902, стр. 86—87.

ского знамения», в которых строго «предписывалось самим богом» всем христианам посещать церковь, молиться, поститься и «всей душой» верить духовенству.

Но ни церковные проповеди, ни «святые письма», писавшиеся самим духовенством, не могли остановить растущего безбожия народа.

* *
*

В условиях быстрого развития капитализма и обострения всех социальных противоречий в конце XIX — начале XX в. в России церковники, все теснее сближаясь с реакционными силами царизма, усиленно активизировали свою шпионскую и провокаторскую деятельность среди крестьян и рабочих, используя для этого исповедь и широкую сеть агентов. Достаточно напомнить о гапоновщине и прочих позорных делах православия в период первой русской революции. Вот почему все сознательное и передовое в народных массах и в среде интеллигенции России поднялось против церкви и духовенства.

В борьбу с религией и духовенством все активнее и активнее включались крепнувшие антирелигиозные силы народов России, которые вынуждены были проявлять себя главным образом в устном народном творчестве, потому что его создатели и потребители — широкие народные массы — были почти поголовно неграмотными.

Многие старинные антипоповские и антирелигиозные пословицы, сказки и песни в это время переосмысляются и в результате творческой переработки приобретают большую сатирическую остроту и более отчетливую политическую направленность. Кроме того, создается масса новых антирелигиозных произведений. В результате выросших общественно-политических, культурных, литературных и фольклорных взаимосвязей русского, украинского и белорусского народов у них появляется много общих фольклорных произведений. Ярким примером этого являются многочисленные антирелигиозные и антиклерикальные пословицы, поговорки, сказки и народные остроты. На одной из таких общих для русского, украинского и белорусского народов сказок — «Бог и мужик» останавливался М. Горький.

«Из сказок няньки,— писал М. Горький,— бог почти всегда являлся глуповатым. Жил он на земле, ходил по деревням, путался в разные человечьи дела, и все неудачно. Однажды застиг его в дороге вечер, присел бог под березой отдохнуть,— едет мужик верхом. Богу скушно было, остановил он мужика, спрашивает: кто таков, откуда, куда, то да се, незаметно ночь подошла, и решили бог с мужиком переночевать под березой. На утро проснулись, глядят — а кобыла мужикова ожеребилась. Мужик обрадовался, а бог и говорит: «Нет погоди, это моя береза ожеребилась». Заспорили, мужик не уступает, бог — тоже»[1]. Пошли они к судьям, но там требуют денег, мужик был бедный, а бог — жадный. Пожалел бог денег на суд и говорит тогда:

[1] *М. Горький*, О литературе, стр. 796.

«Пойдем к архангелу Гавриле, он даром рассудит». Выслушал их Гаврила, подумал, почесал за ухом и сказал богу: «Это, господи, дело простое, решить его легко, а у меня вот какая задача: посеял я рожь на море-океане, а она не растет!» — «Глупый ты,— сказал бог,— разве рожь на воде растет?» Тут Гаврила и прижал его: «А береза может жеребенка родить?»[1] Проиграл бог. «Лет пятнадцать — двадцать спустя я испытал большую радость, прочитав некоторые из сказок няньки о боге в сборнике «Белорусских сказок» Романова»[2].

В украинской антирелигиозной сказке «Про бога и святого Иосифа» остро обличается церковная идея божественной троицы и непорочного зачатия девы Марии.

«Вот как родился Христос,— говорится в сказке,— так, значит, святому Иосифу досадно стало. Все-таки женка его, а ребенок от святого духа. Вот он в горилку и ударился. Пьет да пьет, пьет да пьет. Бог ему и говорит:

— Хватит тебе, Иосиф, пить! Ты же таки святой.— А Иосиф молчит да пьет.

Бог трижды стыдил Иосифа, пока наконец окончательно не обозлил его.

— Молчи,— говорит Иосиф,— боже! А то как хряпну своего байстрюка по голове, так к чертовой матери вся ваша троица и полетит».

В украинской сказке «Мстительный бог» бог и его угодники рисуются злыми и мстительными. В ней рассказывается о том, как однажды ходил по земле господь со святыми Петром и Павлом. Вот Петр и спрашивает бога, зачем он так несправедливо делает: «Как один человек согрешит, то ты из-за него тысячу на смерть посылаешь?»

Но откуда ни возьмись рой пчел, он так и свился на плечах Петра. Одна из них укусила Петра, и тот со зла сбросил весь рой в воду.

— А на что ты из-за одной пчелы утопил три тысячи пчел?

— А она меня укусила!

— Вот то и я делаю: как меня один укусит, то я со злости из-за одного тысячи гублю».

В русской сказке «Суд святых» для осмеяния библейского учения об угодниках божьих остроумно используется народное представление о канцелярско-бюрократической практике царских волокитчиков. Однажды доведенные до отчаяния бедные крестьяне подали богу жалобу на Николая-угодника, по вине которого после зимы долго не появлялись в поле травы, и крестьянский скот начал падать с голоду.

«Я ни при чем,— ответил Николай,— вина в этом Егория, если бы он дал дождь, я бы выгнал траву, а без дождя это невозможно».

Позвал бог Егория. Но он тоже за собой не признает вины. «Засори Дарья прорубь в свое время, был бы дождь». Но и Дарья оправдывается, она говорит: «Все дело в Алексее. Он не дал с гор потока в свое время. Как же я могла засорить проруби?»

Алексей всю вину взваливает на Василия, который «не дал в свое время капели, а без капели потоку не сделаешь». Василий

[1] *М. Горький,* О литературе, стр. 796—797.
[2] Там же, стр. 798

обвиняет во всем этом Авдотью, которая не давала тепла. Но и Авдотья оправдалась: «У меня не одно дело, что только плющить (тепло давать). На моих руках кросна и тканье». В конце сказки иронически заключается: «Виновных, таким образом, не находилось, и было на суде у бога постановлено: оставить прошение без последствий».

Из сказки следует, что ни на земле, ни на небе трудящиеся не могли найти правды и справедливости.

Наряду с крестьянским фольклором развивался и рабочий фольклор. В рабочих пословицах, поговорках, афоризмах, частушках, песнях и сказках политически остро обличаются церковники как душители первой русской революции. В русской рабочей песне (памятке солдату) говорится:

Стреляй, солдат, в кого велят,
Убей отца, родного брата,
Убей жену, убей детей,
Лишь помни памятку солдата.
. . . .
Попы тебя благословят,
Убьешь — греха не будет.
Они не врут, коль говорят:
«Бог вашу службу не забудет».
Крестьяне мрут по деревням,
Земли, работы, хлеба просят.
А им, как буйным бунтарям,
Штыки и пули преподносят.

В рабочей революционной песне «Всероссийский император, царь жандармам и шпикам» говорится, что «царь, замазанный в крови», «расстреливал крестьян и избивал рабочих» с помощью «черной сотни», в которую входили и богослужители. В украинской рабочей песне «Ревет да стонет люд голодный» (на мотив известной революционной песни Т. Г. Шевченко, которая была широко популярной среди народов России) говорится о кровавых событиях 9 января 1905 г., когда поп Гапон «повел просить у царя хлеба», а царь вместо хлеба дал народу пули и «всю землю кровью обагрил». В другой украинской песне — «Призыв» резко обличается духовенство как враг революции и призывается народ бороться с ним «под знаменем нашим червонным». Не случайно почти во всех политических песнях рабочего класса попы ставились в один ряд с буржуазией, помещиками и другими врагами революции.

Революционное движение конца XIX — начала XX в. высоко подняло атеистическое сознание народа, что глубоко отражено в прогрессивной литературе и в фольклоре.

В антирелигиозных народных произведениях того времени едко высмеивались не только официальная религия, но и многие другие суеверия (знахарство, колдовство и т. п.). Переставая верить в бога, народ терял веру и в домовых, леших, водяных, в магическую силу обряда, заклинания, колдовства. В сказках XIX века все острее и острее критикуются колдуны, ворожеи, которые будто бы владеют магической силой воздействия на чертей, домовых, леших и прочие «злые силы».

В белорусской сказке «Залом» рассказывается, как один солдат проучил деревенского знахаря. Солдат заломал на ниве одного крестьянина рожь [1]. Крестьянин обращается к колдуну. Колдун договаривается о плате и начинает «снимать наговор». Он что-то бормочет и, сбросив с себя одежду, кряхтя, голый ползет к залому. Собралось много людей посмотреть на это «чудо» колдуна. Но вот откуда ни возьмись солдат; он сел верхом на колдуна и давай его бить ремнем, приговаривая: «Вот тебе «залом», я его сам сделал!» Посрамленный знахарь под хохот народа еле живым выбрался из рук солдата.

Интересна сказка, бытовавшая на русском, украинском и белорусском языках,— «Вода помогла», в которой также обличается колдовство.

Как видно из нашего краткого обзора исторического развития народной борьбы с официальной церковью и религией, в силу ряда общественно-исторических причин восточнославянские народы, в отличие от западноевропейских, были в несравненно меньшей мере заражены религиозностью, религиозной мистикой и аскетизмом, что давало В. Г. Белинскому полное основание говорить о русском народе как об атеистическом, у которого было много суеверий, но не было глубокой религиозности,

Вот почему в восточнославянском народном творчестве так сильны противоречия между его идейным содержанием и церковным учением и такое большое место занимают антиклерикальные и антирелигиозные произведения.

* *
*

Ликвидация эксплуататорских классов в нашей стране навсегда подорвала социальные корни религии, уничтожила ее экономическую и общественно-политическую базу. Советские люди достигли в своем политическом и культурном развитии небывалых исторических успехов. Миллионы людей освободились от религиозных предрассудков. Этот процесс отхода трудящихся от религии нашел свое яркое отражение во многих вновь созданных антирелигиозных произведениях устного народного творчества, сказах, сказках, частушках, пословицах.

В первые годы Советской власти, когда духовенство различных религий выступало против революции и всячески поддерживало белогвардейцев, народ создал произведения, резко бичующие религию и церковь. Вот что говорилось об этом в частушках:

Наступал на нас Деникин —
Завязалась битва,
Хвост прижали мы ему —
Не спасла молитва.

Как родной Ильич учил,
Так народ и поступил:
Прогнал пана, кулака,
Урядника и попа.

---

[1] По народным поверьям, колдун мог заломать рожь, то есть связать в пучок рожь, сломать, помять ее и заколдовать этим всю ниву, которая не даст урожая.

Бога нет, царя не надо,
Мы с Советом проживем,
У нас есть товарищ Ленин,
По его стопам пойдем.

В это время создается много новых антирелигиозных и антиклерикальных пословиц и поговорок: «Без бога широка дорога», «Без попа и бога нам широка дорога», «Воля божья не гожа, а народная все может», «Боже не поможет, народ все может», «Бога не просили, а хлеб покосили», «Без попов у нас больше снопов», «Нет попов и бога, так и нищих нет у порога», «Наш рай на земле в братской семье».

В общеизвестной сказке «Ленинская правда», появившейся в это время сначала в Белоруссии, а потом получившей широкое распространение среди русского и украинского народов, рассказывается, как накануне революции два брата пошли по России искать мужицкой правды. Вот они приходят к помещику, который обещал им показать, где найти правду на земле, если они год поработают у него. Потрудились крестьяне год у помещика, а он им и говорит:

— Ну вот вам и правда, голь вы немытая, работать вам всегда на нас, помещиков.

Пошли мужики дальше искать правды на земле. Встречается им поп.

— Научи, отец, где правды найти,— спрашивают они.

— Хорошо,— говорит он,— я вам правду у царя небесного вымолю, а вы мне поработайте за это.

Проходит год, поп им и говорит:

— Работайте вы усердно и не гневите бога — вот ваша правда.

Плюнули братья и пошли дальше. Встретился им купец, но и тот надул крестьян и не показал путей к правде.

Один из братьев разочаровался и отстал:

«Не пойду я больше правды искать, нет ее на свете, правды мужицкой».

Старший брат в поисках правды попадает к фабриканту на фабрику и здесь от рабочих узнает, что в Питере есть человек, который знает, где правда, зовут его Лениным. Вот искатель правды дошел до Ленина. «И рассказал Ленин ему, как нужно за рабочую правду бороться, чтобы не служить ни помещикам, ни попам, ни купцам, ни фабрикантам, и как выгнать их всех разом с царем.

Вернулся брат вновь на фабрику и начал другим ленинскую правду рассказывать. Один рассказывает, а десять слушают, десять рассказывают, сто слушают. И пошла ленинская правда по свету гулять да людей освобождать».

Успешное проведение индустриализации и коллективизации, ликвидация эксплуататорских классов в СССР и огромные культурные преобразования окончательно подорвали базу для существования религии в нашей стране. В это время происходит массовый отход от религии. Церковникам ничего не оставалось, как перейти с враждебных позиций на позиции терпимого, лояльного отношения к социалистическому государству.

Однако в это время не только не сгладились, но еще больше обострились противоречия между народом нашей страны и

церковным учением, противоречащим марксистской науке и всей практике социалистического строительства. Антирелигиозные произведения устного народного творчества ярко отражали эти социальные и культурные изменения в жизни трудящихся. Большое развитие получает атеистическая народная частушка:

Тьма рассеялась в деревне,
Дни настали вольные:
Там уж больше не услышишь
Звона колокольного.

Говорят, Илья на небе
На коне катается.
Интересно было б знать,
Чем там конь питается.

Наш колхоз нужды не знает,
В нем всего есть много.
Мы обходимся в работе
Без попа и бога.

Появляются и новые атеистические пословицы и поговорки:

«Не учись бога славить — учись государством править», «Спасает не Христос, а колхоз», «Тому бог не нужен, кто с наукой дружен».

Грандиозные успехи советского народа в наше время, запуски спутников, космических ракет, вся наша действительность окончательно уничтожают остатки религиозных предрассудков. В этих условиях даже отдельные представители духовенства отходят от церкви.

В переживаемый нами исторический период развернутого строительства коммунизма вопросы повышения сознательности трудящихся, борьбы с пережитками капитализма в сознании людей, в том числе и религиозными, приобретают огромное значение. Большое значение имеет и вопрос о методах преодоления религиозных предрассудков, об умелом подходе к верующему, о таком материале атеистической пропаганды, который бы позволил лучше всего воздействовать на чувства и разум религиозного человека.

В. И. Ленин, говоря о путях преодоления религии, писал:

«...Массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.»[1]

Одним из таких могучих средств пробуждения верующих от религиозного сна и является поэтическое искусство народа, сохранившее драгоценный для нас многовековой опыт народной антирелигиозной борьбы. И мы должны всемерно использовать его в борьбе против религиозных пережитков, мешающих строительству коммунистического общества.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 204.

ОСНОВНЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ СБОРНИКИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ КНИГИ[1]

Русские

НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ А. Н. Афанасьева в трех томах, М., Гослитиздат, 1957 г.

РУССКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ САТИРА XVII ВЕКА. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., АН СССР, 1954 г.

ВЕЛИКОРУССКИЕ СКАЗКИ. Сост. И. А. Худяков. Вып. 2, М., 1861 г.

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ САМАРСКОГО КРАЯ. Сост. Д. Н. Садовников, СПБ, 1884 г.

СЕВЕРНЫЕ СКАЗКИ. Сост. Н. Е. Ончуков, СПБ, 1908 г.

ВЕЛИКОРУССКИЕ СКАЗКИ ПЕРМСКОЙ ГУБ. Сост. Д. К. Зеленин, СПБ, 1914 г.

ВЕЛИКОРУССКИЕ СКАЗКИ ВЯТСКОЙ ГУБ. Сост. Д. К. Зеленин, СПБ, 1915 г.

СКАЗКИ И ПЕСНИ БЕЛОЗЕРСКОГО КРАЯ. Сост. Б. и Ю. Соколовы, СПБ, 1915 г.

ПОП И МУЖИК. Русские народные сказки под ред. и с предисл. Ю. М. Соколова, «Academia», М.—Л., 1931 г.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ. Сост. О. И. Капица, вступ. статья А. И. Никифорова, Л., 1930 г.

СКАЗКИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ. Сост. М. В. Красноженова, под ред. М. К. Азадовского и Н. П. Андреева, Гослитиздат, Л., 1937 г.

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ СЕВЕРНОГО КРАЯ. Сост. И. В. Карнаухова, М., 1934 г.

РУССКИЕ СКАЗКИ В КАРЕЛИИ. Сост. М. К. Азадовский, Петрозаводск, 1947 г.

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ СКАЗКА. Сост. Д. М. Молдавский, М., Гослитиздат, 1958 г.

Шейн П. В. ВЕЛИКОРУС В СВОИХ ПЕСНЯХ, ОБРЯДАХ И ПР., СПБ, 1898 г.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА. Антология. Сост. М. К. Азадовский, К. Н. Куприянова и Н. И. Мордовченко, под ред. Г. Владыкина, М., 1937 г.

[1] С благодарностью отмечаю участие в подборе материалов для нашей книги *Ю. А. Озерова* и *Л. М. Соиновой.*

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР. Хрестоматия для высших педагогических учебных заведений. Сост. Н. П. Андреев. Изд. 2, перераб., М., 1938 г.
РУССКИЕ ЧАСТУШКИ. Сост. Н. И. Рождественская и С. С. Жислина, М., Гослитиздат, 1956 г.
УСТНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО РУССКОГО НАРОДА. Хрестоматия для вузов. Сост. С. И. Василенок и В. М. Сидельников, под ред. А. В. Кокорева и Н. И. Либана. Изд. МГУ, М., 1954 г.
СОБРАНИЕ 4291 ДРЕВНИХ РОССИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ. Печатано при Московском университете, 1770 г.
РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПРИТЧИ. Сост. И. Снегирев, М., 1848 г.
П. К. Симони. СТАРИННЫЕ СБОРНИКИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРОК, ЗАГАДОК И ПР. XVII—XIX СТОЛЕТИЙ, вып. I—II, СПБ, 1899 г.
В. И. Даль. ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА, Гослитиздат, М., 1957 г.
Шахнович М. И. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ О ПОПАХ И РЕЛИГИИ, М., 1933 г.

Украинские

КАЗКИ ТА ОПОВІДАННЯ З ПОДІЛЛЯ В ЗАПИСАХ 1850—1860-их рр., I—II, упор. М. Левченко, Київ, 1928 р.
НАРОДНЫЕ ЮЖНО-РУССКИЕ СКАЗКИ. Сост. И. Рудченко, Киев, 1870 г., вып. I—II.
МАЛОРУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ И РАССКАЗЫ. Сост. М. Драгоманов, Киев, 1876 г.
СКАЗКИ, ПОСЛОВИЦЫ И Т. П., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ. И. И. Манжура, Харьков, 1890 г.
ВЕСЕЛИЙ ОПОВІДАЧ. Упор. Б. Грінченко, М., 1898 р.
ИЗ УСТ НАРОДА. Малорусские рассказы, сказки и пр. Сост. Б. Гринченко, Чернигов, 1901 г.
ГАЛИЦЬКО-РУСЬКІ НАРОДНІ ЛЕГЕНДИ. Упор. В. Гнатюк, Львів, т. II, 1902 р.
УКРАЇНСЬКА НАРОДНА САТИРА І ГУМОР. Упор. М. Нагорний, Г. Нудьга, І. М. Ісірович і Г. Сухобрус, АН УРСР, Київ, 1940 р.
СВЯТИЙ ТЕЛЕПЕНЬ. Українська народна антирелігійна творчість. Упор. М. М. Шестопал, Київ, 1955 р.
НАРОД ПРО РЕЛІГІЮ. Збірник фольклорних творів. Упор. М. С. Родіна і Ф. Д. Ткаченко, ред. акад. М. Т. Рильский і К. Г. Гуслистий, Київ, 1958 р.
УКРАЇНСЬКІ НАРОДНІ ПРИСЛІВ'Я ТА ПРИКАЗКИ. Упор. В. Бобкова, Ф. Лавров, М. Ліждвой, Г. Сухобрус, Ф. Ткаченко, ред. акад. М. Т. Рильский, АН УРСР, Київ, 1955 р.

БЕЛОРУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ. Сост. И. И. Носович, СПБ, 1852 г.
БЕЛОРУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ. Сост. П. В. Шейн, СПБ, 1874 г.
ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ЗАПАДНОРУССКИЙ КРАЙ, СНАРЯЖЕННОЙ ИМПЕРАТОРСКИМ РУССКИМ ГЕОГРАФИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ, т. II (собрал П. Чубинский), П., 1878 г.
Шейн П. В. МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ БЫТА И ЯЗЫКА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ, т. I—III, 1887—1901 гг.
БЕЛОРУССКИЙ СБОРНИК. Сост. Е. Р. Романов, I—IX тт., 1886—1912 гг.
СМОЛЕНСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК, ч. I—IV. Сост. В. Н. Добровольский, 1891—1903 гг.
СКАЗКИ И РАССКАЗЫ БЕЛОРУСОВ-ПОЛЕШУКОВ. Сост. А. К. Сержпутовский, СПБ, 1911 г.
КАЗАКІ І АПАВЯДАННІ СЛУЦКАГА ПАВЕТА. Склаў А. К. Сержпутоўскі, М.—Л., 1926 г.
БЕЛАРУСКІ НАРОД СУПРОЦЬ ПАПОЎІ РЭЛІГІІ. Зб. фальклорных твораў. Пад рэд. і з прадмовай М. М. Нікольскага, Мінск, 1939 г.
ЖАНЧЫНА У БЕЛАРУСКАЙ НАРОДНАЙ ТВОРЧАСЦІ. Склалі Э. Галубок, А. Калечыц і Н. Багдановіч. Пад рэд. М. М. Нікольскага і М. Я. Грынблата, Мінск, 1940 г.
ПАД ПАНСКІМ БІЗУНОМ. Склаў С. І. Васілёнак, Мінск, 1931 г.
С. І. Васілёнак. НАРОДНАЯ ТВОРЧАСЦЬ. Пад рэд. акад. Ю. М. Сокалава, Мінск, 1940 г.
БЕЛОРУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ. Сост. С. И. Василенок, К. П. Кабашников, С. И. Прокофьев. Перевод под ред. С. И. Василенка и М. Т. Лынькова, М., Гослитиздат, 1958 г.
ВУСНА-ПАЭТЫЧНАЯ ТВОРЧАСЦЬ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА. Хрэстаматця для вышэйшых навуч. установ. Склалі С. І. Васілёнак і І. В. Гутараў, Мінск, 1959 г.
БЕЛАРУСКІЯ НАРОДНЫЯ ПРАКАЗКІ І ПРЫМАЎКІ. Склаў Ф. Янкоўскі. Пад рэд. М. Суднік, Мінск, 1957 г.
БЕЛАРУСКІЯ ПРЫКАЗКІ, ПРЫМАЎКІ І ЗАГАДКІ. Склаў Я. Рапановіч, Мінск, 1958 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

БОГ И СВЯТЫЕ

СКАЗКИ И ОСТРОТЫ

Русские

1. СУД СВЯТЫХ. Русские сказки в Карелии, № 36[1].
2. ИЛЬЯ-ПРОРОК И НИКОЛА. Русские народные сказки, сост. Капица, № 160.
3. КАК ЕГОРИЙ КО ХРИСТУ ХОДИЛ. Поп и мужик, сост. Ю. М. Соколов, стр. 38.
4. ПОП И РАБОТНИК. Сказки Красноярского края, № 34.
5. ДЬЯКОН И ПОНОМАРЬ. Поп и мужик, стр. 156—157.

Украинские

1. ПРО СОТВОРЕНИЕ МИРА. Народ про релігію, стр. 29.
2. МСТИТЕЛЬНЫЙ БОГ. Записал А. Диминский. Казкі та оповідання з Поділля.., стр. 69. Народ про релігію, стр. 32.
3. КАК ПЕТРО ОСЛА ПРОДАВАЛ. Святий телепень, стр. 21.
4. ПРО БОГА И СВЯТОГО ИОСИФА. Записано в 1910 г. в Полтаве В. Щепотьевым. Українська народна сатира і гумор, стр. 104—105. Народ про релігію, стр. 31—32.
5. ХРИСТОВЫ ЧУДЕСА. Народ про релігію, стр. 33.
6. КАК СВЯТЫЕ СМЕТАНУ ЕЛИ. Записано в 1937 г. в м. Ирмине, Луганской обл., от рабочего М. Пожарова А. Сенкевичем. Українська народна сатира і гумор, стр. 105—108. Народ про релігію, стр. 37—40.
7. КАК ИЕРУСАЛИМСКИЕ СВЯТЫЕ ЧЕРЕЗ ПЕЧЬ ДОРОГУ ПРОЛОЖИЛИ. Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ. Н. И. Манжура, Харьков, 1890, стр. 94. Народ про релігію, стр. 186.
8. ОТЧЕГО ГРОМ ГРЕМИТ. Святий телепень, стр. 16.
9. ПИСЬМО К АРХИЕРЕЮ. Записано в с. Медведовци, Хмельницкой обл., от М. Нагорного. Українська народна сатира і гумор, стр. 108. Народ про релігію, стр. 45.
10. ЧТО КУПИЛА? Записано в с. Нагуевичи, Пидбузского р-на, Дрогобычской обл. Напечатана в Етнографич. зб., т. X, Галицько-руські народні приповідкі (собрал, составил и пояснил И. Франко), Львов, 1901 г., стр. 63. Народ про релігію, стр. 30.

---

[1] Точное название всех фольклорных сборников дано в указателе источников. Здесь упоминаются только первое и последнее издания произведения.— *С. В.*

11. СВЯТЫЕ «ПОМОГЛИ». Записано в 1936 г. в с. Бацманах, Талалаевского р-на, Сумской обл., от колхозников Г. Романия Г. Нудьгой. Українська народна сатира і гумор, стр. 109. Народ про релігію, стр. 43—44.
12. ПЕШИЙ ГЕОРГИЙ. Святий телепень, стр. 20.
13. УПРЯМЫЙ. Там же, стр. 15.
14. ПРО БОГОРОДИЦУ И СВЯТОГО НИКОЛАЯ. Записано в 1907 г. в Полтаве В. Щепотьевым. Народ про релігію, стр. 42—43.
15. ГОРОЖАНИН И МАЛЯР. Записано в 1897 г. Етногр. зб., т. VI, 1899 г., стр. 29. Народ про релігію, стр. 31.
16. ВСЕ ОТ БОГА. Народ про релігію, стр. 300—301.

Белорусские

1. БОГ И МУЖИК. Записано во второй половине XIX в. в б. Могилевской губ. Белорусский сб. Е. Романова, вып. 4, стр. 23. Белорусские народные сказки, стр. 217—218.
2. СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. Смоленский этногр. сборник, ч. I, стр. 281. Белорусские народные сказки. Сост. Шейн, стр. 218—219.
3. БОГ И УГОДНИКИ. Записано в б. Витебском у. во второй половине XIX в. Белорусские народные сказки, стр. 220.
4. КАК МИКОЛА И ПЕТР ЛОШАДЕЙ НА УКРАИНЕ ПОКУПАЛИ. Записано в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в. Смоленский этногр. сб., ч. I, стр. 290. Белорусские народные сказки, стр. 221.
5. НЕСТЕРКО. Белорусский сб., т. I, вып. 3. Белорусские народные сказки, стр. 250—253.
6. МИКОЛА, ЯГОРИЙ И МУЖИК. Записано в б. Климовском у. Белорусский сб., вып. 4, стр. 163—165.
7. ИЛЬЯ И ПЕТРО. Записано в с. Лучица, б. Минской губ., в конце XIX в. от сказочника И. Аземши. Сказки и рассказы белорусов-полешуков, стр. 16. Белорусские народные сказки, стр. 221—223.
8. ДЕД И НИКОЛАЙ-УГОДНИК. Записано в д. Столки, Суражского р-на, Витебской обл., в 1936 г. Белорусские народные сказки, стр. 229—230.
9. ХИТРОСТЬ НИЩИХ. Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі, стр. 62.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Пословицы и поговорки всех разделов взяты из сборников, приведенных в указателе источников.

ЧЕРТ И НЕЧИСТЫЕ СИЛЫ

СКАЗКИ И ОСТРОТЫ

Русские

1. СОЛДАТ И ЧЕРТ. Записано в Симбирске от П. С. Полуектова. Сказки и предания Самарского края, № 80. Русская сатирич. сказка, стр. 220—221.

2. ЧЕРТ-ЗАИМОДАВЕЦ. Записано А. Н. Зыряновым в Шадринском у. Великорусские сказки Пермской губ., № 97. Русская сатирич. сказка, стр. 218—219.
3. КОЛПАК ЗОЛОТА. Записано Д. Георгиевским. Северные сказки, № 162. Русская сатирич. сказка, стр. 212—214.
4. РАБОТНИК И ПОП. Русская сатирич. сказка, стр. 191—196.
5. КУЗНЕЦ И ЧЕРТ. Записано Алексеевым в 1906 г. от рабочих Г. И. Берестнева и П. Кожурина. Русский фольклор, стр. 554—556.

Украинские

1. НЕУДАЧНАЯ КУТЬЯ. Записано в 1929 г. в с. Ободовци, Винницкой обл., от С. Власенка. Українська народна сатира і гумор, стр. 110. Народ про релігію, стр. 36.
2. ИКОНА И ТАБАК. Етногр. зб., Львов, ч. II, стр. 23. Народ про релігію, стр. 45.
3. БОЖЕНЬКА С ХВОСТИКОМ. Записано от крестьянина И. Селиковского. Народ про релігію, стр. 54.
4. ПРОКЛЯТЫЕ СОБАКИ. Записано в 1936 г. в с. Богоявленцы, Маринского р-на, Сталинской обл., от М. Лимаря. Українська народна сатира і гумор, стр. 113. Народ про релігію, стр. 75.

Белорусские

1. ЧЕРТ, МЕДВЕДЬ И ЗАЯЦ. Записано в м. Дубровка, б. Горецкого у., Могилевской губ. Смоленский этнографич. сб., ч. I, стр. 647. Белорусские народные сказки, стр. 243—245.
2. КАК МУЖИК ЧЕРТА ПЕРЕСПОРИЛ. Записано в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в. Смоленский этногр. сб., ч. I, стр. 649. Белорусские народные сказки, стр. 245—246.
3. МУЗЫКАНТ И ЧЕРТИ. Записано от С. Б. Родина. Пересказал Редкий. Сказки и рассказы белорусов-полешуков, стр. 2—4.
4. ЧЕРТ И БАБА. Записано Тихановичем в д. Колбовка, б. Быховского у. Белорусский сб., вып. 4, стр. 120—121.
5. ЗНАХАРЬ. Записано в д. Чудни. Пересказал Г. Бохмат. Сказки и рассказы белорусов-полешуков, стр. 61—62.

РАЙ И АД

СКАЗКИ И ОСТРОТЫ

Русские

1. СОЛДАТ И СМЕРТЬ. Русская сатирич. сказка, стр. 203—208.
2. КАК НА ТОМ СВЕТЕ РАБОТНИК СКУПОГО БАРИНА ВЫЗВОЛЯЛ. Поп и мужик, стр. 63.
3. БАБА И ЗМЕЙ. Русские народные сказки, № 181.

Украинские

1. КАК ПОПАСТЬ В РАЙ. Народ про релігію, стр. 54.
2. ПРАВЕДНАЯ БАБУНЯ. Журн. «Киевская старина», 1904 г., сентябрь, стр. 83—84. Народ про релігію, стр. 57—58.

3. У РАЙСКИХ ВОРОТ. Народ про релігію, стр. 55.
4. ПАН СОГЛАСЕН БЫТЬ В АДУ, ЛИШЬ БЫ С ПАНАМИ. Казки та оповідання з Поділля.., № 220. Народ про релігію, стр. 59—60.
5. ПАНЫ В АДУ. Труды этногр.-статистич. экспедиции.., т. II, стр. 648. Народ про релігію, стр. 60.
6. БОЖЕ СОХРАНИ. Записано С. Тобилевич (под назв. «Буря на море»). Народ про релігію, стр. 58.

Белорусские

1. СОЛДАТ НИ В РАЮ, НИ В ПЕКЛЕ. Записано в б. Гомельском у. Белорусский сб., т. I, вып. 3, стр. 426—427.
2. КАК ПЬЯНИЦА В РАЙ ПОПАЛ. Записано в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в. Смоленский этнографич. сб., ч. I, стр. 285. Белорусские народные сказки, стр. 225—226.
3 КАК ЧЕРТИ ПЬЯНИЦУ ПРОГНАЛИ ИЗ ПЕКЛА. Белорусский сб., вып. 4, стр. 11. Белорусские народные сказки, стр. 226.
4. СМЕРТЬ. Записано в с. Лучицы, б. Минской губ., в конце XIX в. от сказочника И. Аземши. Сказки и рассказы белорусов-полешуков, стр. 96. Белорусские народные сказки, стр. 269—270.

ЦЕРКОВЬ И БОГОСЛУЖЕНИЕ

СКАЗКИ И ОСТРОТЫ

Русские

1. ЦАРЬ ИВАН ГРОЗНЫЙ И ДЕРЕВЕНСКИЙ ШИБАРША. Поп и мужик, стр. 161—165.
2. БЕСПЕЧАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ. Записано от сказочника Е. И. Сороковникова-Мигая. Русская сатирич. сказка, стр. 52—57.
3. СОЛДАТ МОЛЕБЕН ЗАКАЗЫВАЕТ. Сказки, пословицы и т. п., записанные... И. И. Мажура, № 109. Поп и мужик, стр. 200.
4. «ДОБРЫЙ» ПОП. Поп и мужик, стр. 202.
5. ПОП И ДЬЯКОН. Там же, стр. 198—199.
6. ПОП ПАХОМ. Там же, стр. 193—194.
7. ВРЕМЕННАЯ ПЯТНИЦА. Русские народные сказки, № 180.
8. «ГОСПОДИ, ОБРАТИ ПОРОСЯ В КАРАСЯ!» (Поповские увертки.) Сказки нашего края. Сост. М. В. Красноженова, Красноярск, 1940 г., стр. 188. Записано от А. М. Артамасовой. Русская сатирич. сказка, стр. 147.
9. СКАЗАНИЕ О КУРЕ И ЛИСИЦЕ. Имеются прозаическая, стихотворная и смешанная редакции, помещенные в сб. «Русская демократическая сатира XVII в.», стр. 73—106. Сказочные варианты: *А. Н. Афанасьев,* Русские народные сказки,

т. I, изд. 3, М., 1897, № 4; *Н. Е. Ончуков*, Северные сказки, стр. 51; *А. Ф. Гильфердинг*, Онежские былины, т. I, изд. 4, СПБ, 1894 г., стр. 212 и др.

Украинские

1. КАК ЧЕЛОВЕК ЦЕРКОВЬ ИСКАЛ. Записано в 1891 г. в б. Чигиринском у. от Лихнякевича. Труды Об-ва исследователей Волыни, т. XII, 1914 г., стр. 276—277. Народ про релігію, стр. 76.
2. ЗА ОТПУЩЕНИЕ ГРЕХОВ ДЕНЕГ ДАЙ. Записано в 1936 г. в с. Гришино, Талалаевского р-на, Сумской обл., у колхозника М. Сороки Г. Нудьгой. Народ про релігію, стр. 95—96.
3. ДАВАЛ, ТАК НЕ БЕРЕТ. Записано в с. Алексеевцы, б. Александровского у., под названием «Солдат на исповеди». Сказки, пословицы и т. п., записанные... И. И. Мажура, стр. 110. Народ про релігію, стр. 96.
4. ВЬЮН И ЩУКА. Святий телепень, стр. 31.
5. МАЗУР И КСЕНДЗ. Этнографич. материалы, собранные в б. Черниговской и соседних с ней губерниях, вып. I, стр. 118—229, № 184 под названием «Мазур на исповеди». Народ про релігію, стр. 95.
6. СРЕДИ ВЕЛИКОГО ПОСТА. Записано в 1937 г. в с. Парфеевцы, Ичнянского р-на, Черниговской обл., В. Кривченко от служащего ст. Качановка. Народ про релігію, стр. 99—100.
7. У ПОПОВ ТЕЛО СВЯТОЕ. Записано в 1936 г. в м. Таращи, Киевской обл., от В. Просяной. Народ про релігію, стр. 100.
8. ЧТО СКАЗАЛ МОИСЕЙ. Записано в 1937 г. в Днепропетровске И. Исирович от рабочего П. Шашкова. Українська народна сатира і гумор, стр. 152—153. Народ про релігію, стр. 90—91.
9. МОНАХ И КРЕСТ. Записано в 1929 г. в с. Довжки, Славутского р-на, Хмельницкой обл. Українська народна сатира і гумор, стр. 110—111. Народ про релігію, стр. 35.
10. СКОЛЬКО ВЕРСТ ДО НЕБЕС. Святий телепень, стр. 30.

Белорусские

1. «СВЯТАЯ» КНИЖКА. Записано в д. Вьюнище, Глусского р-на. Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі, стр. 37. Белорусские народные сказки, стр. 236.
2. СВЯТОЙ ДУХ (про попа, дьяка и голубя). Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі, стр. 58—59.
3. ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА. Белорусский сб., вып. 4, стр. 162. Белорусские народные сказки, стр. 231—232.
4. «СВЯТАЯ ВОДИЦА». Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі, стр. 38.
5. «ЧУДОТВОРНЫЙ» КАМЕНЬ. Там же, стр. 69—70.
6. ТРИ КСЕНДЗА. Сказки и рассказы белорусов-полешуков, стр. 218—219.
7. ЛИСА-КАТОЛИЧКА. Записано на Могилевщине во второй половине XIX в. Белорусский сб., вып. 3, стр. 28. Белорусские народные сказки, стр. 241.
8. ИСПОВЕДЬ ШЛЯХТИЧА. Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі, стр. 66.

ПАРОДИИ НА МОЛИТВЫ И БОГОСЛУЖЕНИЕ

Русские

1. СОЛДАТСКОЕ «ОТЧЕ НАШ». *В. П. Бирюков,* Дореволюционный фольклор на Урале, Свердловск, 1936 г., стр. 253—255.
2. ПРИШЕЛ Я В ВЕЛИКИЙ ПОСТ. Записано Г. И. Терентьевым от С. Д. Борина (Белозерский р-н). Русская сатирич. сказка, стр. 290—291.
3. ЦЕРКОВНАЯ СЛУЖБА. Записано Н. Е. Онучковым от И. Н. Макарова. Северные сказки, № 262. Русская сатирич. сказка, стр. 146—147.

Украинские

1. КАК ЗА РЕЧКОЮ ЗА БЫСТРОЮ (пародия на акафист). Записано в 1938 г. в с. Лисичий Балци, Катеринопольского р-на, Черкасской обл., от колхозника А. Сулимовского. Народ про релігію, стр. 113—114.
2. ИДУ Я ДА ИДУ (акафист). Записано в с. Соловеевцы, Брусиловского р-на, Житомирской обл. Малорусские народные предания и рассказы, стр. 39—40. Народ про релігію, стр. 114—115.
3. ГДЕ-ТО ЗА ГОРАМИ (пародия на колядку). Записал О. И. Левицкий. Сб. «Золотые ключи», вып. II, 1926 г., стр. 61. Народ про релігію, стр. 50.
4. «СВЯТЫЙ БОЖЕ, СВЯТЫЙ КРЕПКИЙ». Записано в м. Ярошевка, Винницкой обл., от С. Сулик. Сб. «Золотые ключи», стр. 185. Народ про релігію, стр. 118.
5. «ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ». Записано в с. Дзвонкове, Васильевского р-на, Киевской обл., от С. Кажуха. Українська народна сатира і гумор, стр. 184. Народ про релігію, стр. 118.
6. ТАЙНА БОЖЬЯ. Народ про релігію, стр. 289—291.

Белорусские

1. ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО И СОШЕСТВИЕ ЕГО В АД. Это пародийное произведение появилось в XVIII в. на основе народных антирелигиозных произведений. Оно распространялось на украинском и белорусском языках. Беларуская література XIX стагодзя, Мінск, 1950 г., стр. 23—25.
2. КАК НА ТРАВКЕ ДА НА МУРАВКЕ. Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі, стр. 113.

ПОПЫ И МОНАХИ

СКАЗКИ И ОСТРОТЫ

Русские

1. ЖАДНЫЙ ПОП. А. Н. Афанасьев, Заветные сказки, № 5. Русская сатирич. сказка, стр. 182—183.
2. ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ. Заветные сказки, № 2. Русская сатирич. сказка, стр. 192—193.

3. СТАРИЧОК ОСИП И ТРИ ПОПА. Сказки и песни Белозерского края, № 87. Записано от В. В. Богданова. Русская сатирич. сказка, стр. 157—172.
4. БРЮХАТЫЙ ПОП. Записано И. В. Карнауховой от П. Я. Белкова. Сказки и предания Северного края, № 113. Русская сатирич. сказка, стр. 148—150.
5. ДВЕ СТАРУХИ И АРХИЕРЕЙ. Записано от Е. И. Сороковикова-Мигая. Русская сатирич. сказка, стр. 201—202.
6. ВИДЕЛ ЛИ АРХИЕРЕЙ ДУШУ ЧЕЛОВЕКА? Записано от Е. И. Сороковикова-Мигая. Русская сатирич. сказка, стр. 198—200.
7. ХИТРАЯ БАБА. Заветные сказки, № 7. Русская сатирич. сказка, стр. 179—181.
8. ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ. Сохранилась в единственном списке, входящем в рукописный сборник XVIII в. М. И. Соколова, по мнению которого этот список является копией с оригинала XVII в. Сборник сохранился в неполном виде и находится в Рукописном отделе Гос. Ист. музея. Подробнее об этом произведении см. «Русская демократическая сатира XVII в.», стр. 214—215. Эта повесть повторяет многочисленные сказки восточнославянских народов. Одна из них — «Хитрая баба» помещена в нашей книге на стр. 164—166.

Украинские

1. КАК ПОП МЕНЯТЬ ЕЗДИЛ. Святий телепень, стр. 99—100.
2. КАК МУЖИК ПОПА МЕДОМ УГОЩАЛ. Там же, стр. 98—99.
3. КАК ДЬЯКОН ПОПА СЖЕГ. Записано в 1938 г. в с. Безруках, Дергачевского р-на, Харьковской обл., от учителя Н. Крайдича. Записал Т. Поступат. Народ про релігію, стр. 138—140.
4. СОЛДАТ НА СЛУЖБЕ У ПОПА. Святий телепень, стр. 100—101.
5. КАК ПОП ПШЕНО ТОЛОК. Записано в Донбассе Б. Буряком от рабочего М. Щаденко. Українська народна сатира і гумор, стр. 172. Народ про релігію, стр. 190—191.
6. КАК КРЕСТЬЯНИН ПОПА УЛИЧИЛ. Записано в 1936 г. в с. Сологубовци, Талалаевского р-на, Сумской обл., от колхозника М. Бойко. Записал П. Павлий. Народ про релігію, стр. 195.
7. ЦЕРКОВНЫЕ ВЕЩИ. Записано в с. Мрини, Носовского р-на, Черниговской обл., под названием «Баслаі», напеч. в Сб. материалов по малорусскому фольклору (собрал О. Малинка), Чернигов, 1902 г., стр. 367—368. Народ про релігію, стр. 79.

Белорусские

1. ПОП-ЖИВОДЕР. Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі, стр. 34.
2. КАК ЧЕЛОВЕКУ ВДЕСЯТЕРО БОЛЬШЕ ВЕРНУЛОСЬ. Записано в Белыницком р-не в 1936 г. Варианты: Казки та оповідання з Поділля.., № 231. Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі, стр. 48. Белорусские народные сказки, стр. 236—237.
3. ЗАВИСТЛИВЫЙ ПОП. Записано в с. Лучицы, б. Минской губ., в конце XIX в. от сказочника И. Аземши. Смоленский этно-

графич. сб., ч. I, стр. 703. Варианты: Народные русские сказки Афанасьева, т. 2, № 258; Казки та оповідання з Поділля.., № 159; Сказки и рассказы белорусов-полешуков, стр. 40. Белорусские народные сказки, стр. 237—238.
4. ПОП И ДЬЯКОН. Пад панскім бізуном, стр. 37. Белорусские народные сказки, стр. 253—256.
5. КАК ПОП ОБМАНУЛ ТАРАСА... Записано в д. Проверженка, б. Ельнинского у., Смоленской губ., во второй половине XIX в. Варианты: *П. Шейн,* Материалы для изучения быта.., т. II, стр. 120; Смоленский этнографич. сб., ч. I, стр. 693. Белорусские народные сказки, стр. 232—235.
6. ПОПОВСКИЙ ОБЕД. Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі, стр. 25.
7. КАК ПОП РАБОТНИКОВ КОРМИЛ. Там же, стр. 24.
8. ПОП И РАБОТНИК. Там же, стр. 26—27.
9. ПОПОВСКАЯ ПРОБА. Там же, стр. 33.
10. МУЖИК, ПАН И КСЕНДЗ. Записано в с. Лучицы, б. Минской губ., в начале XX в. от сказочника И. Аземши. Варианты: Северные сказки, № 59; Сказки и рассказы белорусов-полешуков, стр. 52. Белорусские народные сказки, стр. 239—240.

БОГ, БОГАЧ И БЕДНЯК

СКАЗКИ И ОСТРОТЫ

Русские

1. ПОПОВ РАБОТНИК. Поп и мужик, стр. 45—48. Великорусские сказки, № 71.
2. ПОП И РАБОТНИК. Записано в Болдинском р-не, Псковской обл., в 1928 г. Русская сатирич. сказка, стр. 191.
3. КАК ПОП РАБОТНИКОВ МОРИЛ. Сказки и песни Белозерского края. Записано от П. Богданова. Русская сатирич. сказка, стр. 186—190.

Украинские

1. БЕСЕДА. Записано в 1939 г. в с. Мокрые Калигорцы, Черкасской обл., от колхозника Дидука. Записал И. Васильченко. Народ про релігію, стр. 125.
2. РАЗБОЙНИК. Записано в 1899 г. во Львове. Етногр. зб., т. VI, 1899, стр. 127. Народ про релігію, стр. 132—133.
3. КАК БЕДНЯК ОТПЛАТИЛ ПОПУ. Записано в 1938 г. в с. Савранске, Пищанского р-на, Одесской обл., П. Бондарчуком. Народ про релігію, стр. 126—127.
4. КАК КАРМАЛЮК БАРИНА ИСПОВЕДОВАЛ. Святий телепень, стр. 66.
5. РАВВИН И ВОР. Записано в 1937 г. А. Данилюком от рабочего Проскуровского механ. завода Н. Горвица. Народ про релігію, стр. 133—134.
6. КАК БЕДНЫЙ КРЕСТЬЯНИН ОТ ПОПА ИЗБАВИЛСЯ. Святий телепень, стр. 84—85.

7. РАБОТА ЯЗЫКОМ. Записано в 1937 г. в Днепропетровске М. Исирович от рабочего В. Стрелецкого. Народ про релігію, стр. 125.
8. ПОП И РАБОТНИК. Святий телепень, стр. 100.

Белорусские

1. О ТОМ, КАК КСЕНДЗЫ ВЫЛЕЧИЛИСЬ. Записано в с. Лучицы, б. Минской губ., в начале XX в. от сказочника И. Аземши. Сказки и рассказы белорусов-полешуков, стр. 64. Белорусские народные сказки, стр. 240—241.
2. БАТРАЦКИЙ ХЛЕБ. Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі, стр. 30—32.

ЧАСТУШКИ И ПЕСНИ

Русские

1. СТРЕЛЯЙ, СОЛДАТ, В КОГО ВЕЛЯТ... Песня записана в 1933 г. А. Дымшиц от рабочих в Ярославле. «Лит. учеба», 1936 г., № 1, стр. 142—143. Перепеч. в хрестом. «Устное поэтическое творчество русского народа», стр. 444—445.
2. ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ В ПЕТЕРБУРГЕ. Песни уральского революционного подполья. Свердловск, 1935 г., стр. 29.
3. ПЕСНЯ НОВОБРАНЦА. Фольклор Восточной Сибири. Сб. сост. А. Гуревич. ОГИЗ, Иркутск, 1938 г., № 27.

Украинские

1. ПРО БОГАЧЕЙ, БЕДНЯКОВ И БОГА. Народ про релігію, стр. 129—130.
2. ДЕД ПОВЕСИЛ ОБРАЗОК. Народ про релігію, стр. 119.
3. ТРИ БЕДЫ. Там же, стр. 241.
4. ОТ ПОНЕДЕЛЬНИКА ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА. Там же, стр. 182—183.
5. НА ПОПОВСКОЙ ИСПОВЕДИ. Записано в 1937 г. в Харькове от Г. Римар. Записал М. Гайдай. Напечатано с нотами в журн. «Український фольклор», 1938 г., кн. 2, стр. 123—124. Народ про релігію, стр. 98—99.
6. ПОПОВСКАЯ ЖАТВА. Сложил П. Носач. Народ про релігію, стр. 278—279.
7. К НАМ ЖАНДАРМЫ ПРИСКАКАЛИ. Там же, стр. 219—220.
8. ПРИЗЫВ. Там же, стр. 222.
9. СОБЕРЕМСЯ, БРАТЬЯ, В ПОЛЕ. Святий телепень, стр. 137—138.
10. ДОЛОЙ ГОСПОД, ДОЛОЙ ЦАРЯ! Там же, стр. 140—141.

Белорусские

1. СЛУЖИЛ ЦАРЮ И БОГУ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ. Народная творчасць, стр. 111.
2. ОТПУСТИЛИ КРЕСТЬЯН НА СВОБОДУ. Общеизвестная песня, имевшая широкое хождение среди народов России. В

Белоруссии она была распространена в начале XX в. Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі, стр. 121.

3. ПЕСНЯ ВДОВЫ. Там же, стр. 114—115.
4. ДОЛЯ ГОРЬКАЯ ТЫ, БАТРАЦКАЯ. Народная творчасць, стр. 105.

К СЧАСТЬЮ ДОРОГА—БЕЗ ПОПА И БОГА

СКАЗКИ, СКАЗЫ И ОСТРОТЫ

Русские

1. СКАЗ О ПОХОДАХ ДОБРОВОЛЬЦА КРАСНОЙ АРМИИ. *С. Мирер* и *В. Боровик,* Революция, ГИХЛ, 1931 г., стр. 225—229. *Н. П. Андреев,* Русский фольклор, 1938 г., стр. 598.
2. КАК НУЖДУ ПРОГНАЛИ. Записано в д. Коробиши, Линдовского р-на, Горьковской обл. «Правда», 12.XII.1949 г.

Украинские

1. СКАЗКА ПРО ТО, КАК НЕ СТАЛО БОГА И ЧЕРТА. Записано П. Липовым от А. Лисового в с. Капустницы, Володарского р-на, Киевской обл. Народ про релігію, стр. 318—320.
2. ЗОЛОТАЯ ГРАМОТА. Записано в 1930 г. в г. Умань, Черкасской обл., от Ф. Чернобыльской. Ленін у творчості народу України, Київ, 1939 р., стр. 10—14. Народ про релігію, стр. 229—234.
3. И БОГ НЕ ПОМОГ. Святий телепень, стр. 148—149.
4. БОГОМОЛЬНАЯ ФРОСЬКА. Записала Г. Сухобрус в 1938 г. в м. Бориславе, Херсонской обл., от В. Чуприны. Українська народна сатира і гумор, стр. 127—128. Народ про релігію, стр. 267—269.

Белорусские

1. ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА. Сказка перешла на Украину из Белоруссии (записана в с. Заломне). Народ про релігію, стр. 235—238. Народная творчасць, стр. 278—279.
2. РОЗОГ НЕ ЖАЛЕЛИ. Сказ. Записан в 1936 г. в колхозе «Рассвет», Жлобинского р-на, от Н. М. Козлова. Жанчына у беларускай народнай творчасці, стр. 279—280.
3. БЫЛО, ДА УПЛЫЛО ГОРЕ. Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі, стр. 99—100.

ЧАСТУШКИ

РУССКИЕ. Сб. «Русские частушки».
УКРАИНСКИЕ. Сб. «Народ про релігію».
БЕЛОРУССКИЕ. Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі; Народная творчасць; Вусна паэтычная творчасць беларускага народа.

СОДЕРЖАНИЕ

БОГ И СВЯТЫЕ

СКАЗКИ И ОСТРОТЫ

Русские

Украинские

Белорусские

ЦЕРКОВЬ И БОГОСЛУЖЕНИЕ

НАРОД О РЕЛИГИИ. Сост., автор послесл. и ред. пер. С. И. Василенок.
М., Госполитиздат, 1961.
312 с. с илл.

2

Редактор *М. Скибицкий*
Художник *И. Кошкарев*
Художественный редактор *Г. Семиреченко*
Технический редактор *Т. Климова*
Ответственные корректоры *А. Абовьян, Э. Володина*

Сдано в набор 13 января 1961 г. Подписано в печать 25 мая 1961 г.
Формат 84 X 108 1/32. Физ. печ. л. 9 3/4. Условн. печ. л. 15,99.
Учетно-изд. л. 14,15. Тираж 100 тыс. экз. А 06304.
Заказ № 2320. Цена 48 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

48 коп.

Народ о религии

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1961